

ВЕСТНИК

Брянского

государственного

университета

№2(68)
2026

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В «ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ, В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИСЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК, НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК» ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

(Категория журнала - К2).

Группа научных специальностей: 5.6 – исторические науки.

Научные специальности: 5.6.1. – Отечественная история; 5.6.2. – Всеобщая история;
5.6.3. – Археология; 5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования;
5.6.7. – История международных отношений и внешней политики.

Журнал индексируется в следующих системах и каталогах:
РИНЦ, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

ISSN 2072-2087 (PRINT)
ISSN 2413-9912 (ONLINE)

The Bryansk State University Herald

№2(68)
2026

HISTORICAL SCIENCES

The journal is indexed in the following systems and directories:
Russian Science Citation Index, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072- 2087
ISSN 2413-9912

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета. №2 (68) 2026:
исторические науки. Брянск: РИСО БГУ, 2026. 138 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала – Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Заместитель главного редактора журнала – Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ответственный секретарь журнала – Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Члены редакционной коллегии:

Альбу Ион – доктор истории, профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Университета «Луциан Блага», Сибун (Румыния);

Белецкий Сергей Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия);

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Блудману Семен Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Бондаренко Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия);

Гайдуков Петр Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института археологии РАН, член-корреспондент РАН, Москва (Россия);

Гелла Тамара Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел (Россия);

Горбачев Олег Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия);

Гребенкин Игорь Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань (Россия);

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Енуков Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университета, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курск (Россия);

Иванц Блаже – доктор философии, доцент Люблянского университета, специалист по истории политических учений, Любляна (Словения);

Ивонина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия);

Кашенко Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия);

Лицков Виктор Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала, Орел (Россия);

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 7 Бортулев В.Е.**
СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ ЛЕЙБОРИСТСКОЙ ПАРТИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ
- 16 Веревкина Ю.И.**
РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ ИНТЕГРАЦИИ (1990-Е ГГ.)
- 27 Грузинский В. В.**
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И «БЕЛАЯ» ИМПЕРИЯ: ФАКТОР ИДЕОЛОГИИ И ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (XVIII - XX ВВ.)
- 33 Майоров А.А.**
АЗОНАЛЬНОСТЬ ЛАНДШАФТОВ СЕВЕРНОГО И ЗАПАДНОГО ПООЧЬЯ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ СТАНОВЛЕНИЯ ВЯТИЧСКОГО ЭТНОПОТЕСТАРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
- 49 Подлесных С. Н.**
ЗАКРЫТИЕ СОВЕСТНЫХ СУДОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1852 Г.
- 59 Прилуцкий В.В.**
ДЖОЗЕФ МОРРИС И МОРРИСИТСКАЯ ВОЙНА 1862 ГОДА
- 69 Прокопенко С.Н., Рябцева М.Л.**
ТАТУИРОВКА КАК ЭЛЕМЕНТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В АРХАИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ (ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ)
- 79 Сагимбаев А.В., Вавилин А.В.**
ПРОБЛЕМА ВНУТРЕННЕЙ ЛЕГИТИМНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ В ВОЕННЫХ ДНЕВНИКАХ ЛУИ БАРТАСА (1916 г.)
- 91 Сильченко И.С.**
ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС 26-ГО ШАДРИНСКОГО ГОРНЫХ СТРЕЛКОВ ПОЛКА В КОНЦЕ 1918 Г.: ВОЕННО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ
- 99 Соколов А.П., Терентьев В.О.**
НАРРАТИВЫ О ПАМЯТИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ФРГ (2025 г.)

Меза Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель (Беларусь);

Метельский Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Беларуси IX-XVIII вв., Институт истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь);

Мяжков Герман Пантелеймонович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань (Россия);

Нахтигаль Райнхард – доктор истории хабилитат, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург (Германия);

Патрушева Наталья Генриховна — доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения, Отдел редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (Россия);

Попов Стоян – доктор истории, доцент исторического факультета, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив (Болгария);

Рогинский Вадим Вадимович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Новой истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва (Россия);

Сагимбаев Алексей Викторович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Цутия Иосифуру – профессор Нихонского университета, кафедра исторических наук, Токио (Япония);

Шинаков Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

Технический секретарь журнала:

Мельников Игорь Владимирович – кандидат биологических наук, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

**Подписной индекс
«Пресса России»: 40705 годовая**

111 Талагаева Д. А.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНЫХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИРРАЦИОНАЛЬНОСТИ В
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ**

124 Ходин А.А.

**ГРЕНЛАНДИЯ В СОСТАВЕ ДАТСКОГО
КОРОЛЕВСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII
ВЕКА**

The Bryansk State University Herald

The Bryansk State University Herald.
№ 2(68) 2026: historical sciences. Bryansk: RISO BSU, 2026. 138 p.

Editorial Board

Chief editor:

Mikhailchenko Sergei Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Deputy Editor-in-Chief:

Artamoshin Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Executive secretary:

Fedin Andrey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Editorial board:

Albu Ion — Doctor of History habilitat, Professor of the Department of History, Faculty of Social and Human Sciences, University «Lucian Blaga», Sibiu (Romania);

Beletskiy Sergey Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Slavic-Finnish Archeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia);

Blokhin Valery Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Blumenau Semyon Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Center for Anthropology, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia);

Gaidukov Petr Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Gella Tamara Nikolaevna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol State University named after I.S. Turgeneva, Orel (Russia);

Gorbachev Oleg Vitalievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Documentation and Information Support of Management, Ural Federal University, Ekaterinburg (Russia);

Grebenkin Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan (Russia);

Dubrovsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Enukov Vladimir Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kursk State University, Director of the Research Institute of Archeology of South-East Russia, Kursk (Russia);

Ivants Blaj — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the University of Ljubljana, Political History Specialist, Ljubljana (Slovenia);

Ivonina Lyudmila Ivanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Smolensk State University, Smolensk (Russia);

Vol.2 – No.68 Scientific peer-reviewed journal JUNE

ISSN 2072-2087

ISSN 2413-9912

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

- 7 Bortulev V. E.**
THE LABOUR PARTY'S SOCIAL STRATEGY DURING THE EARLY STAGES OF THE GREAT DEPRESSION
- 16 Verevkina Yu.I.**
RUSSIAN-BELARUSIAN RELATIONS: THE MAIN DIRECTIONS OF THE INTEGRATION POLICY (1990s)
- 27 Groudzinsky V. V.**
GREAT BRITAIN AND «WHITE» EMPIRE: IDEOLOGY AND THE PROBLEM OF STATE TRANSFORMATION (XVIII - XX CENTURIES)
- 33 Mayorov A. A.**
AZONALITY OF LANDSCAPES OF THE TERRITORIES TO THE NORTH AND WEST OF THE OKA RIVER AS ONE OF THE FACTORS IN THE FORMATION OF THE VYATICHY ETHNO-POTESTARIAN UNION
- 49 Podlesnykh S. N.**
CLOSURE OF CONSCIENTIFIC COURTS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN 1852
- 59 Prilutskiy V. V.**
JOSEPH MORRIS AND THE MORRISITE WAR OF 1862
- 69 Prokopenko S.N., Ryabtseva M.L.**
TATTOO AS AN ELEMENT OF SYMBOLIC COMMUNICATION IN DETERMINING "FRIEND OR FOE" IN ARCHAIC CULTURES (HISTORICAL CONTEXT)
- 79 Sagimbaev A.V., Vavilin A.V.**
THE DECLINE OF AUTHORITY: THE FRENCH ARMY IN 1916, AS WRITTEN BY LOUIS BARTAS
- 91 Silchenko I. S.**
THE OFFICER CORPS OF THE 26TH SHADRINSK MOUNTAIN RIFLE REGIMENT IN LATE 1918: A MILITARY-ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS OF SOCIO-DEMOGRAPHIC PROFILE
- 99 Sokolov A. P., Terentiev V.O.**
NARRATIVES OF WORLD WAR II MEMORY IN GERMANY (2025)

Kashchenko Sergey Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Study of Russian History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);

Livtsov Viktor Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Branch Management, Orel (Russia);

Mezga Nikolai Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel (Belarus);

Metelsky Andrey Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Belarus in the IX-XVIII Centuries, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus);

Myagkov German Panteleimonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryazeva, Kazan (Russia);

Nachtigall Reinhard — Doctor of History habilitat, Professor at the University of Freiburg, Albert-Ludwig, Research Fellow, Freiburg (Germany);

Patrusheva Natalya Genrikhovna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Bibliology Sector, Rare Books Department of the Russian National Library, St. Petersburg (Russia);

Popov Stoyan — Doctor of History, Associate Professor of the Faculty of History, Paisiy Khilendarsky University of Plovdiv, Plovdiv (Bulgaria);

Roginsky Vadim Vadimovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Sagimbaev Aleksey Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Tsuchiya Iosifuru — Professor, Nihon University, Department of Historical Sciences, Tokyo (Japan);

Shinakov Evgeny Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Technical secretary

Melnikov Igor Vladimirovich — Candidate of Biological Sciences, Chief of Editorial-publishing Department at Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

**INDEX 40705 OF GENERAL CATALOG
«PRESS OF RUSSIA»**

111 Talagaeva D. A.

HISTORICAL EVOLUTION OF SCHOLARLY CONCEPTIONS OF IRRATIONALITY IN ANTHROPOLOGICAL MODELS

124 Khodin A. A.

GREENLAND AS PART OF THE DANISH KINGDOM IN THE FIRST HALF OF THE 17TH CENTURY

УДК 942.080.11

Бортулев В.Е., соискатель ученой степени кандидата наук, Брянск (Россия).

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ ЛЕЙБОРИСТСКОЙ ПАРТИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ.

В статье предпринимается попытка анализа действий второго лейбористского кабинета в условиях начала Великой депрессии, вызвавших резкое обострение социально-экономической обстановки в Великобритании. В течение 1920-х гг. программные установки Лейбористской партии, связанные с решением ключевых социальных задач, претерпели существенную эволюцию, основным содержанием которой являлась попытка адаптировать социалистические лозунги к стремлению партийного руководства интегрироваться в сложившуюся партийно-политическую систему британского государства. Начавшийся кризис выявил наличие внутри Лейбористской партии существенных расхождений относительно форм и методов решения ключевых социально-экономических проблем. Несмотря на определенные достижения, действия второго лейбористского кабинета не смогли предотвратить серьёзного обострения внутренней обстановки в Великобритании, в конечном счете в немалой степени предопределив последовавший в 1931 г. кризис и раскол внутри партии.

Ключевые слова: Великая депрессия, Лейбористская партия, социально-экономическая стратегия, внутрипартийная борьба.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-02-7-15

Введение. Победа Лейбористской партии на парламентских выборах, состоявшихся 20 мая 1929 г. привела к формированию второго в истории Великобритании лейбористского кабинета. По итогам выборов в стране вновь возникла ситуация «подвешенного» парламента, в рамках которой ни одна из ведущих политических партий не получила устойчивого большинства мест. Несмотря на примерное равенство по общему количеству полученных голосов с Консервативной партией, лейбористам удалось существенно увеличить свое представительство, получив 287 мест в Палате общин [7, р.240]. Тем не менее, вновь, как и в 1924 г., Лейбористская партия, формируя правительство, не могла опереться на устойчивое парламентское большинство.

В состав второго кабинета Дж. Р. Макдональда вошли 12 из 19 членов первого кабинета [6, р.189]. Кандидатуры членов будущего правительства определялись по итогам активных внутрипартийных дискуссий при ключевом участии Ф. Сноудена, А. Хендерсона и других видных партийных лидеров. Заметным

отличием состава второго лейбористского кабинета от первого являлось отсутствие в нем представителей Независимой лейбористской партии, что стало еще одним индикатором сдвига партийной позиции вправо. Формируя новое правительство, партийные лидеры стремились избежать повторения неудачного опыта создания коалиции с Либеральной партией. По воспоминаниям Ф. Сноудена, обсуждалась идея ситуационных договоренностей, как с либералами, так и с консерваторами относительно совместного голосования по отдельным вопросам внутренней и внешнеполитической повестки [18, р.453].

Начавшее функционировать летом 1929 г. новое лейбористское правительство представило программу своей деятельности, носившую весьма умеренный характер, и практически не содержавшую отсылок к идеям партийной программы 1927 г. [1, р.386]. Первоочередные меры лейбористского кабинета были связаны с внесением изменений в законодательство, связанных с системой социального страхования и защиты безработных. Правительством, в частности, было

инициировано внесение изменений, направленных на расширение объема государственных средств в фонде социального страхования на 25 млн. ф. ст. Такая же сумма выделялась на развитие системы общественных работ, призванной обеспечить временную занятость для лиц, лишившихся постоянной работы. На пятилетнюю программу строительства магистральных дорог предполагалось потратить до 37,5 млн. ф. ст., а на коммунальные услуги - еще 25 млн. ф. ст. Общий объем расходов на организацию общественных работ с приходом к власти кабинета Дж. Р. Макдональда достиг 135 млн. ф. ст., из которых более трети было израсходовано на организацию дорожного строительства. Наряду с дорожным строительством, дополнительное финансирование направлялось на развитие систем электро-, водо- и газоснабжения [2, p.230].

По инициативе представлявших Лейбористскую партию в Палате общин Дж. Г. Томаса, Дж. Лэнсберри и О. Мосли было инициировано рассмотрение вопроса об увеличении школьного возраста до 15 лет. В июле Дж. Г. Томас заявил в Палате общин, что единственным решением проблемы безработицы является расширение торговли. Кроме того, он подчеркнул намерение правительства провести общий анализ ситуации в сфере обеспечения трудовой занятости [4, col.36].

Первоначальная стратегия правительства Дж. Р. Макдональда была ориентирована на выработку согласованной с другими ведущими политическими партиями стратегии в сфере противодействия безработице. Однако его первоначальные действия свидетельствовали об отсутствии продуманной политики правительства.

Парламентский комитет по пенсионному обеспечению под руководством Дж. Г. Томаса по итогам дискуссий не смог прийти к единому мнению относительно дальнейшей стратегии преобразований. На этом фоне усилилась критика бездействия со стороны левого крыла Лейбористской партии. 29 июня 1929 г. был

создан специальный подкомитет Комитета по пенсионному обеспечению для рассмотрения вопросов пенсионного обеспечения промышленных работников и повышения возраста окончания школы [3, p.5]. В июле Э. Бевин инициировал обсуждение вопроса об увеличении пенсий по старости, однако К.Р.В. Куттс, уполномоченный специальным комитетом проанализировать вопрос, в итоге пришел к официальному заключению о том, что повышение пенсии с 10 до 30 пенсов в неделю обойдется британской казне дополнительно в 60 млн. ф. ст. в год. [21, p.60] Кроме того, он сообщил, что выход работников на пенсию не приведет к росту спроса на рабочую силу. Таким образом, был сделан вывод, о том, что любая схема изменения пенсий или повышения пенсионного возраста будет слишком дорогостоящей. В итоге специальный комитет подготовил два варианта отчета, один из которых был составлен экспертами государственной службы и содержал подробную информацию о четырех альтернативных схемах решения проблемы, а другой был представлен министрами лейбористского кабинета, рекомендовавшими лишь один из предложенных вариантов изменений [13, p.2].

Отчеты специального комитета были подготовлены к концу октября 1929 г. Рекомендованная министрами кабинета схема, получившая наименование схемы «С», предусматривала выплату пенсии в размере 1 ф. ст. в неделю работнику и десяти шиллингов жене работника, при условии участия работников в Национальной системе страхования, начиная с шестидесятилетнего возраста. Согласно официальным оценкам, из 677 тыс. чел. имеющих право на пенсионное обеспечение 390 тыс. должны были получить прибавку к пенсии, что потребовало от британской казны дополнительных расходов в 21,6 млн. ф. ст. С учетом компенсации из средств фонда социального страхования расходы бюджета удалось сократить до 12,5 млн. ф. ст. Согласно оценкам авторов подготовленного проекта, в результате

реализации программы должно было быть создано от 220 000 до 310 000 дополнительных рабочих мест. Данный проект был рекомендован как дешевый способ снижения уровня безработицы, поскольку позволял сократить на четверть расходы на выплаты пособий [17].

Вместе с тем, ряд категорий работников - сельскохозяйственные работники, домашняя прислуга, владельцы мелких магазинов, самозанятые - были исключены из разработанной правительством программы. Не было предусмотрено также никаких мер для приведения в соответствие с законом 1925 г. выплат пенсионерам старшего возраста, которые получали всего 10 шиллингов в неделю. Правительство при этом отказалось нарушать принцип, согласно которому все общественные работы должны были инициироваться местными властями. С целью содействия выделению субсидий местным властям на общественные работы после прихода лейбористов к власти был восстановлен специальный комитет по выплате пособий по безработице. Кроме того, на министерство транспорта была возложена ответственность за распределение грантов местным органам власти.

В основе действий правительства лежала идея о том, что масштабы общественных работ могут быть увеличены без увеличения государственных субсидий. Общая доля государственных инвестиций увеличилась с 35% от общей стоимости организации общественных работ в июне 1929 г. до 38% к июлю 1930 г., но существенного расширения объема общественных работ практически не произошло. Правительство при этом предприняло определенные меры по стимулированию местных властей к увеличению грантов на организацию общественных работ. Преодолеть возникшие препятствия можно было бы только в том случае, если бы центральное правительство взяло на себя программу общественных работ. Против данного предложения высказалось несколько членов кабинета, в том

числе Г. С. Моррисон, занимавший пост министра транспорта.

Лейбористы по-прежнему придерживались точки зрения о том, что решение проблемы безработицы в немалой степени зависит от стимулирования экспортных отраслей. Однако, повышение производительности в ключевых отраслях британской промышленности было тесно связано с дальнейшим техническим переоснащением предприятий, что, в свою очередь, выступало фактором дальнейшего роста безработицы. В 1920-х гг. консервативные кабинеты пытались решать возникшую дилемму другим путем – за счет сокращения расходов на заработную плату. С 1928 г., любой заявитель, претендующий на компенсационные выплаты, должен был доказать, что он действительно ищет работу, указав в своем заявлении «действия, которые он предпринял для поиска работы» [8, p.108].

Шахтеры были вынуждены согласиться на увеличение продолжительности рабочего дня в результате своего поражения после всеобщей забастовки 1926 г. К октябрю 1929 г. соглашение так и не было достигнуто. 29 октября правительство распространило законопроект, предлагающий сократить продолжительность рабочего дня до 7,5 часов, установить национальные и районные системы квот и ввести национальный сбор для субсидирования экспорта. В законопроекте не содержалось никаких предложений по рационализации или объединению, которые были бы необходимы для получения либеральной поддержки.

По инициативе М.Г. Бондфилд, занимавшей пост министра труда, была создана специальная комиссия для изучения правовых аспектов преобразований. Одновременно была предпринята попытка упростить применение законодательных норм в отношении страховых выплат. В сентябре 1929 г. лейбористское правительство добилось внесения существенных модификаций в пенсионное законодательство, расширивших выплаты для нескольких сотен

тысяч британских пенсионеров.

Первые полгода деятельности лейбористского кабинета сопровождалась благоприятной экономической конъюнктурой. В Великобритании наблюдались процессы роста товарного экспорта и снижения безработицы. Влиятельные круги лондонского Сити, а также многие известные экономические эксперты полагали необходимым сохранение стратегии невмешательства правительства в экономические процессы. Подобной стратегии предпочитали придерживаться и некоторые лейбористские лидеры, включая Дж. Р. Макдональда, а также канцлера казначейства Ф. Сноудена.

В результате активной внутрипартийной дискуссии, руководством Лейбористской партии было принято решение сохранять консервативный экономический курс. Были предприняты попытка расширения программы общественных работ, а также провозглашен курс на «интернационализацию» экономики, предполагавший, в том числе, снижение таможенных тарифов [5, p.60].

23 октября 1929 г. Нью-Йоркская фондовая биржа потерпела крах. В ответ на это по инициативе Ф. Сноудена был создан комитет под руководством Х. П. Макмиллана для анализа ситуации в финансовой и промышленной сферах. В ноябре на заседании парламента Дж. Г. Томас объявил о выделении в общей сложности 42 млн. ф. ст. на программы помощи безработным. Они были рассчитаны на пять лет, и в них должно было быть занято не более 30 000 человек в год. Однако его план подвергся критике, как со стороны либералов, так и консерваторов, и особенно резко - со стороны членов Независимой лейбористской партии.

На фоне набравшего силу кризиса М.Г. Бондфилд представила законопроект о страховании по безработице. Однако, против данной инициативы выступил Конгресс тред-юнионов, который хотел повысить базовые пособия, а также увеличить размер выплат иждивенцам.

Кроме того, тред-юнионы требовали, чтобы в программу были включены сельскохозяйственные рабочие и домашняя прислуга. Законопроект был опубликован 15 ноября 1929 г. [9, p.176]

Правительство стремилось сохранить за собой право ужесточать механизм выделения льготных выплат, однако, профсоюзы выступили против данного предложения. Общая сумма дополнительных расходов в размере 5,25 млн. ф. ст. должна была поступить из фонда по безработице, который, в свою очередь, был освобожден от обязанности выплачивать пособие тем, кто больше не вносил в него платежи. Выплата т.н. «переходного» пособия должна была осуществляться из средств бюджета, что потребовало дополнительных расходов в 1930-1931 гг. в размере 8,5 млн. ф. ст. [10, p.249]

Против данных предложений выступило большинство рядовых членов Независимой лейбористской партии, а также руководство ряда тред-юнионов. Тринадцать депутатов-лейбористов проголосовали против законопроекта во втором чтении, состоявшемся 21 ноября 1929 г. Консерваторы также выступили с критикой ряда его положений, заявив, что он приведет к снижению мобильности рабочей силы, сделав более приемлемым для работников пребывание в депрессивных регионах. Либералы с оговорками выступили в поддержку предлагаемого закона. Основная оппозиция исходила от тред-юнионов, выступавших за введение более высоких пособий. Парламентская профсоюзная группа направила 3 декабря премьер-министру специальное письмо, подписанное У. Торном, в котором содержалась просьба к правительству сократить период ожидания получения пособий от правительства от 6 до 3 дней.

В ноябре 1929г. британский представитель в Международной организации труда Х.Б. Батлер направил Дж. Р. Макдональду служебную записку, в которой предлагал создать эффективный механизм для сбора всей информации, относящейся

к проблеме безработицы. Премьер-министр поддержал данную идею, и 22 января 1930 г. объявил в Палате общин о создании Экономического консультативного совета [11, p.180]. Данная структура включала ряд членов кабинета, а также представителей тред-юнионов. В рамках Экономического консультативного совета была предпринята попытка создания механизма оперативного согласования всеми заинтересованными сторонами ключевых шагов правительства в социально-экономической сфере [12, p.17].

В отношении других аспектов социальной программы, предложенной Лейбористской партией накануне выборов, возникли определенные сложности. Кабинет Дж. Р. Макдональда предпринял попытку восстановить закон о 7-часовом рабочем дне 1919 г., действие которого было приостановлено по итогам провала всеобщей забастовки 1926 г. Однако, инициатива правительства встретила ожесточенное сопротивление со стороны владельцев шахт. В случае сокращения продолжительности рабочего дня они потребовали существенного уменьшения размера заработной платы, что было неприемлемо для представителей шахтерского тред-юниона.

12 декабря 1929 г. в парламент был внесен законопроект об угольных шахтах. В нем предлагалось сократить рабочий день шахтеров с 8 до 7,5 часов, создать Национальный промышленный совет для согласования уровня заработной платы шахтерам, а также ввести общенациональные и районные сборы. Представители Консервативной партии выступили против данных изменений на том основании, что владельцы шахт отвергли сокращение рабочего времени. В законопроекте не было предусмотрено никаких мер по повышению эффективности работы отрасли. Либералы во главе Д. Ллойд-Джорджем попытались вынудить правительство пойти на определенные уступки предпринимателям. Однако либеральная тактика частичного голосования за отдельные положения законопроекта поставила под

вопрос дальнейшие перспективы сотрудничества партии с правительством.

На фоне возникшего переговорного тупика, правительство было вынуждено рекомендовать тред-юнионам принять компромиссный вариант соглашения, предполагавший установление 7,5-часового рабочего дня. Была также предпринята попытка разрешить возникшие противоречия, путем создания специальной комиссии по реорганизации угольных шахт, в рамках которой согласовывался размер оплаты труда шахтеров в отдельных округах. В итоге правительство было вынуждено пойти на существенное смягчение требований в отношении владельцев шахт, стремясь, в числе прочего, сохранить консенсус с Либеральной партией. Официальная позиция кабинета сводилась к стремлению достичь компромисса интересов шахтеров и владельцев шахт [14, p. 80].

Тем не менее, внесенный правительством Билль об угольной промышленности, встретил серьезную оппозицию в Палате общин. В комитете палаты были, в частности, отклонены предложения относительно централизованного субсидирования убыточных территорий, а также расширения полномочий Национального Совета по заработным платам в отношении регулирования уровня оплаты труда шахтеров. Несмотря на демонстрируемую правительством готовность к компромиссам, в третьем чтении законопроект был утвержден лишь небольшим большинством голосов (277 голосов против 234). Однако в Палате лордов он встретил еще более серьезное сопротивление. В конечном счете, правительство было вынуждено согласиться на дополнительные изменения, фактически нивелировавшие его попытки добиться улучшения ситуации с оплатой труда в угольной отрасли [4, col.45].

Одним из серьезных испытаний для лейбористского кабинета, стало обсуждение проекта бюджета, разработанного Ф. Сноуденом. Он предусматривал, в том

числе, повышение ставки подоходного налога с 4-х шиллингов до 4-х шиллингов 6 пенсов, а также увеличения некоторых косвенных налогов. Предложения правительства встретили серьезное сопротивление со стороны представителей Консервативной партии и, в конечном счете, закон о бюджете был принят с определенными модификациями лишь за счет поддержки со стороны либералов.

С начала 1930 г. в Великобритании начался стремительный рост безработицы. К моменту начала деятельности кабинета Р. Дж. Макдональда в июне 1929 г. численность безработных составляла 1,163 млн. чел., или 9,6% от общей численности трудоспособного населения. Спустя год она увеличилась до 1,912 млн. чел. (15,4% трудоспособного населения), а к декабрю 1930 г. достигла 2,5 млн. чел. (20% трудоспособного населения). Уровень безработицы удвоился в течение 18 месяцев, достигнув максимальных показателей с 1922 г. [15, p.170]

На фоне стремительного ухудшения социально-экономической обстановки, возможности правительства по принятию оперативных мер противодействия возникавшим негативным эффектам осложнялась его сложным политическим положением. Углубление кризиса способствовало активизации левой оппозиции внутри Лейбористской партии. Независимые лейбористы выступили с требованием национализации значительной части промышленности, характеризуя безработицу как явление перманентно присущее капиталистической системе. В то же время, положение лейбористов в Палате общин требовало сохранения хрупкого баланса интересов с Либеральной партией, решительно выступавшей против национализации и полагавшей, что решение проблемы безработицы должно осуществляться с помощью финансово-кредитных механизмов, а также развития системы общественных работ [16, p.74].

Ухудшению ситуации в сфере промышленного производства способствовала приверженность лейбористского

правительства политики фри-треда, а также сохранению золотого стандарта. Данная политика на фоне перехода других крупных держав к торговому протекционизму приводила к падению британского экспорта.

Представители бизнеса неохотно реагировали на инициативы правительства относительно модернизации экспортно-ориентированных производств. Подобные попытки были инициированы в металлургической и хлопчатобумажной отраслях. Дж. Г. Томас стремился содействовать этому процессу, объявив 10 января 1930г., что Сити может дать «финансовые рекомендации по обоснованным схемам финансовой реконструкции», и с этой целью он и управляющий Банком Англии М. Норман 15 апреля 1930 г. создали консультативную комиссию по промышленной рационализации.

23 января 1930 г. О. Мосли представил Дж. Р. Макдональду меморандум с предложением комплекса мер по противодействию безработице. Документ был также представлен Лэнсбери и Джонстону, которые поддержали его. На заседании Кабинета министров, состоявшемся в конце января, было принято решение о создании специального подкомитета для рассмотрения предложений, содержащихся в представленном документе. Не согласившийся с подобным решением Дж. Г. Томас заявил о своем намерении уйти в отставку, однако премьер-министр отказался принять ее.

Инициативы О. Мосли предполагали осуществление правительством комплексной борьбы с безработицей. Координация ее должна была осуществляться особым исполнительным комитетом, который должен был собираться еженедельно, а также постоянных подкомитетов для осуществления реализации мероприятий в конкретных областях. О. Мосли также предложил разработать пенсионный план, который, как он утверждал, помог бы сократить безработицу на 280 тыс. чел. при затратах бюджета в 2,5 млн.

ф. ст. в год. Также предложенный им план предполагал повышение школьного возраста до 15 лет, что позволяло снизить безработицу на 150 тыс. чел. при затратах в 4,5 млн. ф. ст. в год.

В рамках плана О. Мосли предусматривалась реализация программы дорожного строительства на сумму 100 млн. ф. ст. на срок до трех лет, а также дополнительные выплаты пособий по безработице общей стоимостью 100 млн. ф. ст., которые в совокупности позволили бы сократить численность безработных дополнительно на 300 тыс. чел. в год. [20, p.377]

В начале июня Дж. Г. Томас был назначен государственным секретарем по делам доминионов. С этого момента политикой по противодействию безработицы начал руководить непосредственно Дж. Р. Макдональд, который вскоре объявил о проведении специальной партийной конференции по безработице.

В результате произошедших изменений комитет Дж. Г. Томаса по безработице был заменен новым секретариатом, включившим нескольких профильных министров. Возглавил секретариат Дж. Андерсон, постоянный заместитель министра внутренних дел, в его состав вошел также Х. Хендерсон из Экономического консультативного совета. Таким образом, предложения О. Мосли о создании нового исполнительного механизма для борьбы с безработицей в значительной степени были приняты уже после его отставки.

К концу июня 1930 г. в стране действовали дорожно-строительные проекты на общую сумму 44,4 млн. ф. ст. в год. 5 июня Ф. Сноуден после консультаций с премьер-министром поддержал предложение Г.С. Моррисона об увеличении финансирования строительства дорог, в результате чего программа финансирования дорожного строительства была увеличена до 21 млн. ф. ст. [19, p.78]

Отсутствие эффективных шагов в сфере решения социальных проблем способствовала ослаблению позиций лейбористского кабинета в парламенте и

побуждала Дж. Р. Макдональда к поиску компромиссов с Либеральной и Консервативной партией. В мае-июне 1930 г. премьер-министр инициировал переговоры с С. Болдуином и Д. Ллойд-Джорджем относительно решения ключевых внутренних проблем, однако лидер консерваторов отказался от участия в них.

Обозначившаяся внутри Лейбористской партии активная полемика по вопросам введения торговых тарифов и мерам по противодействию росту безработицы определила содержание дискуссий в ходе партийной конференции, состоявшейся в октябре 1930 г. На обсуждение делегатов конференции была вынесена резолюция, предложенная представителями части тред-юнионов, предполагавшая в качестве меры противодействия дальнейшему развитию экономического кризиса осуществление масштабной национализации, а также «энергичной реализации» основных положений, изложенных в программном документе Лейбористской партии «Труд и нация». Представители Независимой Лейбористской партии подвергли правительство жесткой критике за отказ использовать для выхода из кризисной ситуации методы активного государственного регулирования.

К концу 1930 г. второй лейбористский кабинет Дж. Р. Макдональда инициировал комплекс мер, направленных на смягчение наиболее негативных социальных эффектов Великой депрессии. Он охватывал широкий спектр направлений, включая борьбу с ростом безработицы, усиление мер социальной поддержки наиболее незащищенных слоев населения, расширение программы жилищного строительства, активизацию государственной поддержки образования и медицины. Однако, в условиях стремительного нарастания экономических трудностей и сокращения финансовых возможностей государства далеко не все из задуманных мер оказались в итоге реализованными. На фоне сложного комплекса вызовов, с которыми столкнулся второй

лейбористский кабинет внутри партии возникли серьезные разногласия относительно форм и методов реализации социальной политики, существенным образом снизившие эффективность принимаемых правительством мер. Тем не менее,

деятельность лейбористского правительства в условиях чрезвычайного обострения социально-экономической ситуации послужила важным опытом для последующей существенной коррекции социальной политики британского государства.

Список литературы

1. Abstract of British Historical Statistics. Ed. by B.R. Mitchell. Cambridge: Cambridge University Press, 1962. 536 p.
2. Cole G. D. H. A Short History of the British Working-Class Movement. 510 p.
3. «Daily Telegraph», 14th June, 1929.
4. Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol.234 (1930).
5. Henderson A. Labor's Way to Peace. L.: Methuen, 1935. 134 p.
6. Laybourn K., Murphy D. Under the Red Flag. Stroud: Sutton, 1999. 233 p.
7. Lee C. H. The British economy since 1700: a macroeconomic perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 320 p.
8. Lunn K. Race and Labour in twentieth-century Britain. London: Routledge, 1985. 186 p.
9. McKibbin R. The Evolution of the Labour Party 1910-1924. Oxford: Clarendon Press, 1984. 280 p.
10. Miliband R. Parliamentary Socialism: A Study in the Politics of Labour. London: Allen and Unwin, 1961. 392 p.
11. Minkin L. The Contentious Alliance: Trade Unions and the Labour Party. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1991. 708 p.
12. Morgan K. O. Labour People: Leaders and Lieutenants: from Hardie to Kinnock. Oxford: Oxford University Press, 1987. 408 p. ок
13. «Morning Post», 5th August, 1929.
14. Parkinson M. The Labour Party and the organization of secondary education, 1918-1965. London: Routledge, 1970. 156 p.
15. Powell D. British Politics, 1910-35: The Crisis of the Party System. London: Routledge, 2004. 240 p.
16. Reynolds J., Laybourn K. Labour Heartland: History of the Labour Party in West Yorkshire During the Inter-war Years, 1918-39. Bradford: University of Bradford, 1987. 184 p.
17. Skidlelsky R. Politicians and the Slump. <https://www.blacksacademy.net/pages/hy-056-hyrbldg-Britain-Labour-government-1929-1931.php>. (дата обращения: 03.04.2026).
18. Snowden P. An Autobiography. London: Nicholson & Watson, 1934. 523 p.
19. The Labour Party: A Centenary History / ed. by Brivati B., Heffernan R. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2000. 535 p.
20. Williamson P. National Crisis and National Government: British Politics, the Economy and Empire, 1926-1932. Cambridge University Press, 2003. 588 p.
21. Wilmot E. P. The Labour Party. A Short History. London: Macmillan, 1968. 96 p.

THE LABOUR PARTY'S SOCIAL STRATEGY DURING THE EARLY STAGES OF THE GREAT DEPRESSION

The article attempts to analyze the actions of the second Labour cabinet in the context of the beginning of the Great Depression, which led to a sharp deterioration in the socio-economic situation in the UK. During the 1920s, the Labour Party's programmatic objectives related to addressing key social issues underwent significant evolution, with the primary focus being on adapting socialist slogans to align with the party leadership's desire to integrate into the existing political system of the British state. The ensuing crisis revealed significant disagreements within the

Labour Party regarding the forms and methods of addressing key socio-economic issues. Despite some achievements, the actions of the second Labour cabinet failed to prevent a significant deterioration in the internal situation in the UK, ultimately contributing to the subsequent crisis and split within the party in 1931.

Keywords: The Great Depression, the Labour Party, socio-economic strategy, and internal party struggles.

References

1. Abstract of British Historical Statistics. Ed. by B.R. Mitchell. Cambridge: Cambridge University Press, 1962. 536 p.
2. Cole G. D. H. A Short History of the British Working-Class Movement. 510 p.
3. «Daily Telegraph», 14th June, 1929.
4. Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol.234 (1930).
5. Henderson A. Labor's Way to Peace. L.: Methuen, 1935. 134 p.
6. Laybourn K., Murphy D. Under the Red Flag. Stroud: Sutton, 1999. 233 p.
7. Lee C. H. The British economy since 1700: a macroeconomic perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 320 p.
8. Lunn K. Race and Labour in twentieth-century Britain. London: Routledge, 1985. 186 p.
9. McKibbin R. The Evolution of the Labour Party 1910-1924. Oxford: Clarendon Press, 1984. 280 p.
10. Miliband R. Parliamentary Socialism: A Study in the Politics of Labour. London: Allen and Unwin, 1961. 392 p.
11. Minkin L. The Contentious Alliance: Trade Unions and the Labour Party. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1991. 708 p.
12. Morgan K. O. Labour People: Leaders and Lieutenants: from Hardie to Kinnock. Oxford: Oxford University Press, 1987. 408 p. ok
13. «Morning Post», 5th August, 1929.
14. Parkinson M. The Labour Party and the organization of secondary education, 1918-1965. London: Routledge, 1970. 156 p.
15. Powell D. British Politics, 1910-35: The Crisis of the Party System. London: Routledge, 2004. 240 p.
16. Reynolds J., Laybourn K. Labour Heartland: History of the Labour Party in West Yorkshire During the Inter-war Years, 1918-39. Bradford: University of Bradford, 1987. 184 p.
17. Skidlelsky R. Politicians and the Slump. <https://www.blacksacademy.net/pages/hy-056-hyrbg-Britain-Labour-government-1929-1931.php>. (data obrashcheniya: 03.04.2026).
18. Snowden P. An Autobiography. London: Nicholson & Watson, 1934. 523 p.
19. The Labour Party: A Centenary History / ed. by Brivati B., Heffernan R. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2000. 535 p.
20. Williamson P. National Crisis and National Government: British Politics, the Economy and Empire, 1926-1932. Cambridge University Press, 2003. 588 p.
21. Wilmot E. P. The Labour Party. A Short History. London: Macmillan, 1968. 96 p.

Об авторе

Бортулев Владимир Егорович – соискатель ученой степени кандидата наук, Брянск (Россия), E-mail: bortulev.vladimir@yandex.ru.

Bortulev Vladimir Egorovich - candidate for a PhD degree, Bryansk (Russia), E-mail: bortulev.vladimir@yandex.ru.

УДК [94:327] (470+476)

Веревкина Ю.И., кандидат исторических наук, доцент, Курский государственный университет (Россия)

РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ ИНТЕГРАЦИИ (1990-Е ГГ.)

Статья посвящена анализу восприятия в России и Белоруссии политики интеграции в двусторонних отношениях, роли международных факторов и возможности сформировать Союзное государство. Источниками исследования послужили материалы посольства России в Белоруссии, нотная переписка министерств иностранных дел РФ и РБ, послания глав государств, а также письма и отчетная документация представителей органов Союза России и Белоруссии, сосредоточенные в центральных российских архивах. Показано, что руководство России и Белоруссии, считая необходимым следовать линии на межгосударственную интеграцию, находило важным декларировать незыблемость суверенитета, подразумевая, что данная политика имеет определенные пределы в виде государственной независимости. Сделан вывод, что Союз России и Белоруссии в 1990-е гг., став основой для последующего интеграционного развития, представлял собой крайне противоречивый опыт решения совместных проблем. Находясь на этапе своего становления, он так и не смог стать оптимальной формой российско-белорусского объединения. Учитывая важность союзной идеи, руководство двух стран с определенного времени стало делать акцент на Союзном государстве, строительство которого планировалось осуществить уже в новом тысячелетии.

Ключевые слова: российско-белорусские отношения, постсоветское пространство, интеграция, Союз России и Белоруссии, внешняя политика.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-02-16-26

Введение. Взаимоотношения России с постсоветскими государствами, в частности Белоруссией, находят отражение в исследованиях отечественных и зарубежных авторов. Первые оценки российской политики в СНГ были представлены в работах общего характера, в которых анализировалось общее состояние дел на постсоветском пространстве в т.н. «переходный период» [11, с.82]. Остановившись на проблемах реализации внешнеполитического курса стран СНГ, исследователи обращали внимание на вариативность подходов политических элит постсоветских республик к проблеме определения международной идентичности собственных стран. Оценивая разнообразие моделей международного развития стран СНГ, большинство историков сходятся во мнении, что политика интеграции для постсоветских государств является наиболее выигрышной стратегией [10, с.47], так как

позволяет извлекать разнообразные выгоды от реализации подобного курса. Отечественный исследователь А.Д. Шутов, рассматривая двусторонние отношения России и Белоруссии, еще в конце 1990-х гг. обращал внимание, что две страны не могут ограничиться установлением обычных добрососедских отношений, поскольку такой формат не учитывает всей глубины «стратегической взаимосвязанности» России и Белоруссии [18, с.169]. В исследованиях подчеркивается, что на фоне взаимоотношений России с другими странами СНГ, российско-белорусское сотрудничество является более структурированным, отличается масштабностью и основано на реальных предпосылках, складывавшихся на протяжении длительного времени в процессе совместного исторического развития [16, с.170]. С другой стороны, историки, как с российской, так и белорусской стороны, обращают

внимание, что политика интеграции России и Белоруссии развивалась крайне неравномерно, изобиловала различными противоречиями, связанными с выбором наиболее оптимальной формы объединения, а также возможностью конвергенции двух стран [15, с.34; 17, с. 394]. С учетом того, что процесс союзного строительства до сих пор не завершен, исследование политики интеграции двух государств периода 90-х гг. XX в. - времени, когда закладывался фундамент российско-белорусского объединения, не утратило своей теоретической и практической значимости. По своему значению российско-белорусские отношения – больше, чем просто двусторонние отношения: в них интеграционная парадигма в виде Союза России и Белоруссии оказалась наиболее глубоко проработана и укоренена в жизнь народов объединяющихся стран.

Объект и методы исследования.

Объектом исследования выступает внешняя политика России и Белоруссии, стремившихся занять достойное место в системе международных отношений. После обретения государственного суверенитета бывшие союзные республики получили возможность выступать на международной арене с позиций полноправных субъектов международного права и приступили к выработке собственной внешнеполитической линии. Предметом исследования являются российско-белорусские отношения в направлении развития политики интеграции, ставшей основой современных двусторонних отношений России и Белоруссии. Источниками для изучения темы послужили документы и материалы из центральных архивов РФ, прежде всего материалы Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Из тех, с которыми удалось познакомиться, в первую очередь следует назвать неопубликованные материалы посольства России в Республике Беларусь (Ф.910), документы и материалы Ф. 915 «Референтура по Белоруссии». В указанных фондах можно

найти не публиковавшиеся в открытой печати официальные заявления, ноты, обзоры не только с российской, но и белорусской стороны. Эти документы позволили составить определенное представление о том, в каком направлении высшим политическим руководством двух стран осмысливалась проблематика сотрудничества России и Белоруссии.

Результаты и их обсуждение. Развитие системы международных отношений в конце XX в. можно охарактеризовать как нестабильное. Распад СССР привел к серьезным геополитическим сдвигам на глобальном и региональном уровнях. Историческая ситуация вынуждала постсоветские республики выстраивать траектории суверенного развития. Пржнее единство в экономической, военно-стратегической и культурной сферах подвергалось эрозии столь стремительно, что позволяло говорить об обвальном разрушении прежних связей.

В то же время такие факторы, как взаимозависимость постсоветских государств в сочетании с условиями глобализации мировой экономики, которая проявляла себя в международных отношениях как объективная и универсальная тенденция, указывали на необходимость развития в регионе реинтеграционных процессов. По справедливому замечанию последнего главы Советского правительства Н.И. Рыжкова, был в этом «определенный алогизм», заключавшийся в том, что «стремление к независимости республик бывшего СССР одновременно сочеталось с планами воссоединения» [14, л.14].

СНГ, призванное сохранить существовавшие связи между ННГ, не имело достаточных ресурсов и необходимых механизмов, на первый план выходили проблемные аспекты его создания и функционирования. «Эта региональная структура, – подчеркивал в одной из своих работ А.Д. Шутов, – оказалась поставлена ее же архитекторами в условия, почти непригодные для выживания» [18, с.25]. В

свою очередь, присутствовавшие в данной организации участники по-разному понимали ее миссию: если для одних объединение являлось не более чем инструментом «цивилизованного развода», для других – важной переговорной площадкой и институциональной формой поддержания связей между исторически связанными народами.

Российское руководство действовало в целях укрепления институциональной структуры Содружества посредством создания Совета министров иностранных дел, Исполнительного комитета и попытками сохранить на начальном этапе развития Главное командование Объединенных вооруженных сил СНГ [12, с.40].

Содействие в укреплении позиций СНГ, преодоление центробежных тенденций как важный фактор повышения роли СНГ в системе международных отношений, что в значительной степени определялось действиями Соединенных Штатов и их союзников, направленными на формирование однополярного мирового порядка. Seriously беспокоила ситуация, связанная с созданием в регионе альтернативных энергетических и транспортно-логистических маршрутов, а также проблема расширения НАТО на восток к границам СНГ. В экономической сфере американская помощь была явно недостаточной, что усложняло внутреннюю ситуацию и ограничивало позиции на международной арене. В итоге у российской правящей элиты формировалось «устойчивое разочарование» от партнерства с Соединенными Штатами, усиливавшееся при наблюдении за тем, как действовала Америка в зоне непосредственных интересов России – на постсоветском пространстве [18, с.11].

Что касается Запада, то «реструктуризация» постсоветского пространства под эгидой РФ не входила в его стратегические замыслы, поэтому преподносилась

исключительно как возрождение «имперских амбиций» России. В то же время США, действуя в направлении сдерживания интеграционных процессов в регионе, вели себя осторожно, заявляя, что их стратегическая цель в отношении постсоветских государств – это «демократизация» и «интеграция в структуры безопасности евроатлантического региона» [13, с.50].

С принятием президентского указа «Стратегический курс России в отношении государств-участников СНГ» в 1995 г., который подчеркивал особое значение региона для российских интересов, начался новый этап российской внешней политики. Акцент был сделан на концепцию многоуровневой и разноскоростной интеграции¹, которая позволяла формировать отдельные интеграционные группы по принципу «симметричных интересов». Данный подход, учитывая дифференциацию постсоветского пространства, а также различные варианты институционализации двустороннего и многостороннего взаимодействия в регионе, оказывался на практике более реалистичным, чем использование общей интеграционной рамки в виде неработающего механизма СНГ. Основой для реализации разноскоростной модели интеграции должны были стать экономические и политические проекты, финансирование которых российская сторона связывала со степенью готовности постсоветских государств принимать сценарии интеграции РФ [12, с.49].

Белоруссия, проявлявшая заинтересованность в расширении связей с Россией, при таком подходе становилась привилегированным партнером. Уже в феврале 1996 г. было подписано российско-белорусское межправительственное соглашение о взаимном урегулировании финансовых претензий по принципу «нулевого варианта», что позволило сторонам вопрос о межгосударственной

¹ Фактически использование подобной схемы происходило и ранее, например, при создании Сообщества республик Центральной Азии.

интеграции перевести в практическую плоскость. Март 1996 г. в истории отношений России и Белоруссии оказался насыщенным межгосударственными контактами, что было связано с выработкой проекта будущего договора¹, на основе которого должен был происходить процесс сближения. В Белоруссии в этот период особым распоряжением президента была создана специальная комиссия, которой поручалось вести переговоры с российской стороной по поводу возможной формы объединения, а также курировать процесс выработки соответствующего документа [7, л.14].

В то же время важным для российской дипломатии в эти годы оставалось и общее положение в СНГ, наблюдалось стремление связать двусторонний российско-белорусский проект с другими интеграционными инициативами. Именно с этой целью давались разъяснения о том, что углубление интеграционных процессов между Россией и Белоруссией «не означает их обособления от других государств-участников СНГ». Руководство РФ, заинтересованное в стабильной обстановке в регионе, размышляло, как решить проблемы, связанные с низкой эффективностью СНГ. Признавалось, что это задача не только российской дипломатии. Так, в одном из посланий Б.Н. Ельцина к А.Г. Лукашенко говорилось: «...эффект интеграции определяется не одной Россией, он результат усилий всех государств-участников. Нам необходима общая стратегия интеграционного сотрудничества в регионе» [2, л.261]. «Расползание» постсоветского пространства, его геополитическая дифференциация противоречили интересам России и создавали неблагоприятную обстановку, причем не только для РФ, но и участников Содружества, проявлявших интерес к интеграционной модели развития.

Руководство РФ и РБ декларировало

желание создать конфедерацию, причем обращалось внимание на необходимость сохранения в процессе объединения всей полноты суверенитета участвующих государств. Российская дипломатия рассчитывала, что «союз двух» со временем сможет стать основой для учреждения нового, более широкого интеграционного формата, в том числе с участием Украины. Представители Белоруссии, в свою очередь, несмотря на все существовавшие между Россией и Украиной противоречия, также считали это возможным, планируя создать Межпарламентское объединение России, Украины и Белоруссии по примеру Арабского межпарламентского союза или Союза парламентариев Азии [8, с.42]. В начале 1997 г., после встречи президента РБ А.Г. Лукашенко и президента Украины Л.Д. Кучмы в Гомеле, в белорусско-украинских отношениях наметился существенный сдвиг, стороны попытались наладить стратегические связи, основанные на общности торгово-экономических интересов. Характеризуя политические отношения Белоруссии и Украины, А.Г. Лукашенко и Л.Д. Кучма даже объявили, что взаимодействие двух стран оказывается «неопровержимым фактом практической интеграции» [6, л.26]. Присоединение Украины к российско-белорусскому тандему обсуждалось на уровне высокопоставленных политиков Украины [18, с.175]. Что касается Белоруссии, то возможное участие Украины в интеграционном объединении с Россией рассматривалось важной гарантией того, что развитие интеграционного процесса будет происходить при строгом соблюдении суверенного статуса участников. Кроме того, потенциальное присоединение украинского государства к белорусско-российскому тандему теоретически могло работать на усиление переговорных позиций Белоруссии по вопросам союзного строительства с РФ.

¹ Речь идет о Договоре о создании Сообщества России и Белоруссии 1996 г.

Акцент на сохранение суверенного статуса в создаваемом Россией и Беларуссией объединении был важен и с точки зрения обеспечения политической стабильности в белорусской республике, тем более что в РБ сохранялась сложная политическая обстановка: со стороны оппозиции в адрес руководства страны звучали обвинения, что президент сдает «государственный суверенитет бывшей метрополии». Так, лидер наиболее радикальной партии – Белорусского народного фронта (БНФ) З.С. Позняк, преследуя цель возвращения Беларуссии в «лоно европейской цивилизации», заявлял об «империалистической сути» действий России в отношении республики. Для срыва начавшегося процесса сближения России и Беларуссии данная партия инициировала различного рода акции, сделав антироссийскую тему ключевым козырем политической борьбы с официальным Минском. В одном из рассекреченных АВП РФ дел, содержащих ноты посольства России в Республике Беларусь, имеются сведения о том, что в свете начавшейся политики интеграции в российское посольство в феврале-марте 1996 г. неоднократно поступали звонки с угрозами в адрес сотрудников диппредставительства РФ. В одной из них содержалось требование запретить показ по российскому телевидению документального фильма о Белорусском народном фронте, запланированном ОРТ в конце марта 1996 г. [1, л.78-79]

В белорусской прессе усиленно обсуждался вопрос об «экономической несостоятельности» России, которая, как утверждалось в главном печатном издании БНФ – газете «Свобода», была просто не в состоянии включить в свой состав еще несколько областей, поэтому в качестве тактики своих действий ограничилась «навязыванием республике различных форм зависимости: нефтяной, газовой, кредитной и проч.» [9]. С учетом того, что подобного рода обвинениям БНФ старался придать международный резонанс, на уровне руководства двух стран признавалась

необходимость публичного разъяснения принципов политики интеграции. После подписания Договора о создании Союза России и Беларуссии (апрель 1997 г.) этому стали уделять особое внимание. Это можно объяснить необходимостью обеспечения признания международной правосубъектности объединения, а также потребностью России и Беларуссии в поддержании со странами Запада конструктивных отношений.

В июне 1997 г. в ходе т.н. Денверского саммита «Большой восьмерки» президент России Б.Н. Ельцин счел необходимым донести до представителей западного сообщества позицию РФ по поводу процесса объединения с белорусским государством. Он подчеркнул, что договор о союзе «составлен с учетом норм международного права» и что он «не затрагивает суверенитет и независимость каждого из государств – участников» [2, л.145-146]. Аналогичные действия предпринимала и белорусская сторона. Для нее перспектива восстановления взаимодействия с западным сообществом представлялась возможной в силу географического расположения республики. При этом белорусская дипломатия возлагала особые надежды на российскую сторону. В послании министра иностранных дел Беларуссии А.А. Антоновича (от 25 апреля 1998 г.) на имя министра иностранных дел России Е.М. Примакову отмечалось: «...во взаимоотношениях между Республикой Беларусь и Европейским Союзом сохраняются нелегкие отношения и, несмотря на предпринимавшиеся попытки нормализовать эту ситуацию, в том числе через принятие и тесное сотрудничество с Консультативно-наблюдательной группой ОБСЕ на условиях равенства сторон и невмешательства во внутренние дела, Евросоюз продолжает занимать жесткую позицию» [4, л.64-65]. В этом документе особо подчеркивалась заинтересованность Беларуссии в посреднических услугах России, в частности, содержалась просьба в ходе саммита Россия – ЕС, который был

запланирован на май 1998 г., поднять перед европейским сообществом проблему «скорейшей нормализации отношений Беларусь – ЕС» [4, л.64-65].

Для России решение «белорусского вопроса» имело практическую значимость в свете проводившейся политики расширения торгово-экономического сотрудничества со странами Запада. Важно было восстановить геополитическую близость с Европой, а территория дружественной и союзной Белоруссии с этой точки зрения подходила как нельзя лучше. В сентябре 1997 г. с помощью российской дипломатии был восстановлен статус Белоруссии в одной из старейших международных организаций – Межпарламентском союзе [4, л.120]. Кроме того, после «активных консультаций» с РФ в декабре 1997 г. Белоруссии удалось подписать с секретариатом ОБСЕ меморандум о взаимопонимании по вопросу о консультативно-наблюдательной группе (КНГ) ОБСЕ в Минске, что позволило избежать превращения белорусской темы в предмет широкого обсуждения и критики в ходе т. н. «Копенгагенской встречи» Совета министров иностранных дел ОБСЕ [4, л. 121]. Вместе с тем, предпринимая подобные шаги, в руководстве России исходили из того, что действовать в данном направлении необходимо предельно осторожно, чтобы не причинить ущерб собственным интересам сотрудничества с западным сообществом. Показательно, что российский МИД, например, в июне 1998 г. счел предложение Посольства РФ в Белоруссии приступить к разработке совместно с МИД РБ плана работы с КНГ ОБСЕ преждевременным. Такой шаг, с точки зрения российской дипломатии, оказался бы контрпродуктивным, так как «ограничил действия России» и способствовал «снятию с белорусов ответственности за их решения и действия» [4, л.85]. Аналогичным образом были отвергнуты предложения Посольства о разработке программы совместных действий России и Белоруссии на

натовском направлении [4, л.84]. РФ предпочитала действовать с белорусской стороны в режиме тесных консультаций, проводимых на разных уровнях и в различных форматах.

Подобные примеры, на наш взгляд, красноречиво говорят о том, что, несмотря на совпадение позиций по ключевым вопросам международного развития, национальные интересы России и Белоруссии, даже с учетом союзного фактора, не во всем совпадали и требовали деликатного подхода. В российском МИДе, например, исходили из того, что любая поспешность в деле объединения с белорусским государством, тем более радикальные сценарии этого процесса, может быть неправильно истолкована международным сообществом и привести к прямо противоположному результату в развитии постсоветского региона, в частности [4, л.101].

Важным вопросом для белорусской дипломатии являлось создание в Центральной и Восточной Европе зоны, свободной от ядерного оружия. С решением данного вопроса белорусская сторона связывала возможность восстановления политического диалога с европейскими странами. В августе 1998 г. Белоруссия по дипломатическим каналам направила в МИД РФ для согласования проект резолюции о создании безъядерного пространства в Центральной и Восточной Европе, который предлагалось включить в повестку дня 53-й сессии ГА ООН [4, л.104]. В руководстве РФ, после всестороннего рассмотрения белорусского проекта, пришли к выводу, что с этой инициативой необходимо повременить. Особое беспокойство, в частности, вызывало то обстоятельство, что ранее в комиссии ООН по разоружению страны Центральной и Восточной Европы отклонили эту идею [4, л.105]. В конечном счете, в России посчитали, что настойчивое продвижение инициативы о безъядерном пространстве в ЦВЕ приведет к «ненужной конфронтации» и незамедлительно

негативно скажется на взаимодействии не только России, но и Белоруссии со странами Европы [4, л.105]. Однако, учитывая полезность инициативы и ее соответствие российским стратегическим интересам, Белоруссии рекомендовалось продолжать консультации по данному вопросу с заинтересованными странами региона.

Белорусская сторона в рассматриваемый период зависела от поддержки РФ, в частности в плане продвижения своих инициатив на международной арене. В соответствии с программой согласованных действий в области внешней политики Союза России и Белоруссии осуществлялось тесное взаимодействие представительств двух стран в ООН, других международных организациях, происходил обмен информацией между двумя странами по вопросам, представлявшим взаимный интерес. Как показывают документы АВП РФ, в МИД РФ поступали ноты из Посольства Белоруссии в РФ с многочисленными просьбами о предоставлении материалов страноведческого характера относительно ряда государств Азии, Африки, Латинской Америки, которая требовалась для открытия белорусских представительств и расширения сотрудничества с этой группой стран [3, л.127]. Подобного рода взаимодействие двух стран, являясь хорошим примером сотрудничества для других участников СНГ, с полным основанием можно отнести к успехам деятельности России и Белоруссии в направлении формирования двустороннего союза в плане укрепления его статуса на международной арене.

С другой стороны, российско-белорусское объединение в 1990-е гг. представляло собой не всегда результативный опыт совместного решения общих проблем. Ярким примером может служить практическая реализация основных направлений деятельности Союза. Если развитие сотрудничества в направлении создания системы силовых органов

Союза России и Белоруссии – учреждение Пограничного комитета в 1996 г., Комитета по вопросам безопасности Союза в 1997 г., объединенной коллегии МВД в 1997 г., совместной коллегии министерств обороны государств Союза в 1998 г. – шло вполне эффективно, то выполнение сторонами взятых на себя обязательств в экономической сфере вызывало серьезные трудности. Так, в 1998 г. был принят первый союзный бюджет в истории взаимоотношений России и Белоруссии, однако его формирование для российской стороны оказалось сложной задачей: на начало IV квартала 1998 г. РФ было направлено на финансирование союзных программ только 19,4% от намеченного союзным бюджетом объема денежных средств, в то время как Белоруссией – 71,7%. [5, л.151].

1 октября 1998 г. на заседании Комиссии по экономической политике Парламентского Собрания Союза Беларуси и России депутаты выразили серьезную обеспокоенность неудовлетворительным финансированием совместных программ, от которого в немалой степени зависела судьба интеграции в экономике и социальной сфере [5, л.151]. Процесс исполнения бюджета оказался проблемным, что во многом было связано с неудовлетворительным положением в экономике. Другим важным фактором, тормозящим процесс становления Союза, являлось и определенное воспрепятствование политике интеграции со стороны органов власти, прежде всего – с российской. Так, в одном из писем Заместителя Председателя Исполнительного Комитета Союза Беларуси и России В.Б. Долголева на имя Председателя Правительства РФ С.В. Кириенко обращалось внимание, что «курс, закрепленный в Договоре о Союзе Беларуси и России, ... не находит в российских структурах понимания, встречая нередко явное или скрытое противодействие». В.Б. Долголев, ссылаясь на Программу синхронизации и единой направленности

экономических реформ от 2 апреля 1997 г., заявил, что «с начала 1998 г. Банком России без предварительного уведомления белорусской стороны четырежды изменялась ставка рефинансирования» [5, л.38], хотя документом предусматривалось введение с конца 1997 г. общих ставок рефинансирования. Кроме того, в документе обозначалась проблема крайне медленного рассмотрения обращений органов Союза – Исполнительного комитета – в органах власти России.

На функционирование Союза влияла частая смена правительства РФ, что проявлялось в неукomплектованности штата работников аппарата с российской стороны [5, л. 40]. У белорусского руководства появился повод поставить вопрос об эффективности деятельности органов Союза. Так, в июле 1998 г. Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко высказался о том, что необходимо улучшить «взаимодействие органов союза» через практику «регулярных совместных заседаний», а также «использования предоставленного Парламентскому Собранию права заслушивать отчеты о деятельности Исполнительного комитета» [5, л. 68]. Кроме того, А.Г. Лукашенко высказал идею, что Исполнительный комитет должен взять на себя функцию координирования законотворческой работы органов власти России и Белоруссии, что, с его точки зрения, положительно сказалось бы на проблеме унификации законодательства двух стран [5, л.68].

Свое видение работы органов Союза высказал также заместитель Председателя Парламентского Собрания Союза России и Белоруссии С.Н. Бабурин, являвшийся депутатом российской Государственной Думы. Им были сформулированы конкретные предложения, способные, по его мнению, продвинуть вперед российско-белорусский союзный проект. Во-первых, была высказана идея создания постоянно действующего и избранного населением двух стран Парламента как высшего законодательного органа,

что означало отказ от конфедеративной модели объединения. Во-вторых, С.Н. Бабурин озвучил достаточно распространенное среди депутатов Государственной Думы РФ мнение о необходимости перераспределения полномочий между Высшим Советом Союза и другими его органами – Исполнительным комитетом и Парламентским Собранием. Так, политик заявил: «...необходимо, оставив на уровне Высшего Совета действительно центральные, стержневые проблемы, перспективы развития и принципиальнейшие политические решения, заставить более интенсивно и планомерно работать Исполнительный Комитет и перевести на уровень Парламентского Собрания больший спектр вопросов, которые по плечу представительному органу Союза России и Белоруссии» [5, л.69].

Однако дальше устных заявлений дело не пошло. Уточнение модели российско-белорусского объединения происходило вплоть до декабря 1999 г., когда был подписан Договор о создании Союзного государства. В России обсуждались различные сценарии, в том числе предполагавшие воссоединение белорусской республики с российским государством. Об этом, помимо заявлений представителей различных общественно-политических сил России, говорят и конкретные официальные документы. 4 апреля 1997 г. Государственная Дума РФ приняла заявление о поэтапном государственном воссоединении России и Белоруссии, в котором отмечалась необходимость создания «российско-белорусской федерации как единого суверенного демократического государства с республиканской формой правления». Данное заявление расходилось с положениями Договора о создании Союза Беларуси и России, а также официальными заявлениями президентов России и Белоруссии.

Тем не менее, в декабре 1998 г. Министерство по делам Содружества РФ подготовило проект Декларации о перспективах

объединения России и Белоруссии с позиции федеративного подхода. Обосновывалась необходимость «серьезного прорыва» в интеграции «нарастанием глобальных и региональных кризисных явлений», а также тем, что Союз России и Белоруссии в том виде, в каком он существовал, просто не способен удовлетворить потребность обеих стран в достижении нового качества интеграции [5, л.111].

В документе предусматривалась выработка конституционного договора (с последующим его вынесением на референдум) о добровольном объединении России и Белоруссии, «создание общего парламента», а также наднациональных органов управления. Что касается экономической сферы, то был намечен переход к единой валюте – российскому рублю и формирование единого эмиссионного центра, завершение формирования единого таможенного пространства, унификация гражданского и налогового законодательства. Все это предполагалось осуществить к концу первой половины 1999 г. [5, л.112] В документе выражалась уверенность, что «РФ и РБ вступят в XXI в. в качестве общего государства» [5, л.113].

Выводы. Таким образом, предложенные позиции не могли устроить высшее политическое руководство как России, так и Белоруссии. И при согласовании с другими органами власти РФ проект декларации был отклонен как «документ, нуждающийся в серьезной доработке». Высказывалось мнение, что «к заявленной в документе цели следует идти поэтапно, с учетом имеющихся реалий» и что «невыполнение продекларированных задач было бы контрпродуктивным» и негативно сказалось бы на состоянии российско-белорусских отношений [5, л.108].

Принятие 25 декабря 1998 г. Декларации о дальнейшем единении Республики Беларусь и Российской Федерации, не содержащей в своей основе

конкретных положений и закрепившей принципиальное положение о суверенном статусе участников Союза, фактически являлось продолжением прежней линии. Союз, как форма интеграции России и Белоруссии, не устраивал стороны, стремившиеся на политическом уровне декларировать необходимость перехода к более глубокой интеграции, тем не менее по экономическим и политическим соображениям РФ и РБ не были способны принять иные сценарии союзной идеи. В результате на официальном уровне выбор был сделан в пользу мягкого подхода, выражением которого сначала стала Декларация, а позже и Договор о создании Союзного государства (1999 г.).

Данные документы являлись логичным продолжением прежней политической линии, исключавшей модель реального межгосударственного воссоединения. В России и Белоруссии в тот период считали, что при построении Союза или Союзного государства не стоит торопиться: РФ и РБ во многом развиваются на основе взаимоисключающих моделей. Взяв курс на интеграцию в середине 1990-х гг., Россия и Белоруссия оказались не готовы к реальному сближению, однако предпринятые действия следует оценить как положительный опыт. Политика интеграции РФ и РБ периода 1990-х гг. способствовала упрочению позиций двух стран в системе международных отношений, определенной стабилизации внутреннего положения России и Белоруссии и имела ориентацию на будущее.

Заклученный в 1999 г. союзный договор, в отличие от предыдущих документов (Договор об образовании Сообщества России и Белоруссии, Договор о создании Союза), являлся более содержательным и указывал на возможности в перспективе развивать тесное сотрудничество, основанное на союзном факторе.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 910. Оп. 5. Д. 1.
2. АВП РФ. Ф. 910. Оп. 6. Д. 1.
3. АВП РФ. Ф. 910. Оп. 8. Д. 2.
4. АВП РФ. Ф. 915. Оп. 5, Д. 6.
5. АВП РФ. Ф. 915. Оп. 5. Д. 8.
6. АВП РФ. Ф.910. Оп. 6. Д. 4.
7. АВП РФ. Ф. 910. Оп. 5. Д. 4.
8. Беларусь, Россия, Украина – опыт и проблемы интеграции. Первая межпарламентская конференция.– Киев: Парламентское изд-во, 1999. 254 с.
9. Воронежский Ю. «В России совсем не хотят объединяться с нами» // Свобода. 1996. 22 марта.
10. Годин Ю. Квазиинтеграция в СНГ и национальная безопасность России // Мировая экономика и международные отношения. 2004. №12. С.45-57.
11. Зиборов О.Е. Интеграционный потенциал СНГ // Международная жизнь.1997. №9. С.80-84.
12. Ковальчук А. Постсоветское пространство в российских внешнеполитических концепциях. – М.: Аспект Пресс,, 2015. 154 с.
13. Политика США на постсоветском пространстве: сборник обзоров и рефератов. – М.: РАН ИНИОН, 2006. 170 с.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 653. Оп. 1. Д. 304.
15. Русакович А. Союзное государство Беларуси и России: опыт и уроки политических дискуссий в начале 2000 – х гг. // Журнал международного права и международных отношений . 2019. №1-2. С.29-36.
16. Харитоновна Н.И., Шебанов А.В. Интеграционные стратегии Союзного государства России и Беларуси: практика политического взаимодействия // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т.19.№2. С.169-179
17. Цветаева А.Ю., Межевич Н.М., Барынкин А.В. Фактор белорусской оппозиции в современных российско-белорусских отношениях // Постсоветские исследования. 2024. Т.7 №4. С.391-398.
18. Шутов А.Д. Постсоветское пространство. – М.: Научная книга, 1999. 250 с.

**RUSSIAN-BELARUSIAN RELATIONS:THE MAIN DIRECTIONS
OF THE INTEGRATION POLICY (1990s)**

The article is devoted to the analysis of the perception in Russia and Belarus of the policy of integration in bilateral relations, the role of international factors, and the possibility of forming a Union State. The sources of the study include materials from the Russian Embassy in Belarus, diplomatic correspondence between the Ministries of Foreign Affairs of the Russian Federation and the Republic of Belarus, messages from the heads of state, as well as letters and reports from representatives of the Union of Russia and Belarus, which are stored in central Russian archives. It is shown that the leadership of Russia and Belarus, considering it necessary to follow the line of interstate integration, found it important to declare the inviolability of sovereignty, implying that this policy had certain limits in the form of state independence. It is concluded that the Union of Russia and Belarus in the 1990s, which became the basis for subsequent integration development, was an extremely controversial experience in solving joint problems. During its formation stage, it failed to become the optimal form of Russian-Belarusian unification. Given the importance of the union idea, the leadership of the two countries began to focus on the Union State, which was planned to be established in the new millennium.

Keywords: Russian-Belarusian relations, post-Soviet space, integration, Union of Russia and Belarus, foreign policy.

References

1. Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (AVP RF) [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation]. F. 910. Op. 5. D. 1.
2. AVP RF. F. 910. Op. 6. D. 1.
3. AVP RF. F. 910. Op. 8. D. 2.
4. AVP RF. F. 915. Op. 5, D. 6.
5. AVP RF. F. 915. Op. 5. D. 8.
6. AVP RF. F.910. Op. 6. D. 4.
7. AVP RF. F. 910. Op. 5. D. 4.
8. Belarus', Rossiya, Ukraina – opyt i problemy integracii. Pervaya mezhpapament-skaya konferenciya [Belarus, Russia, and Ukraine: Experience and Challenges of Integration. The First Inter-Parliamentary Conference]. (1999). – Kiev: Parlamentskoe izd-vo. 254 s.
9. Voronezhskij Yu. (1996). «V Rossii sovsem ne hotyat ob"edinyat'sya s nami» [They don't want to unite with us in Russia.]// Svoboda. 22 marta.
10. Godin Yu. (2004). Kvaziintegraciya v SNG i nacional'naya bezopasnost' Rossii [Quasi-Integration in the CIS and Russia's National Security // World Economy and International Relations] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. №12. S.45-57.
11. Ziborov O.E. (1997). Integracionnyj potencial SNG [Integration potential of the CIS] // Mezhdunarodnaya zhizn'. №9. S.80-84.
12. Koval'chuk A. (2015). Postsovetskoe prostranstvo v rossijskikh vneshnepoliticheskikh koncepciyah [The Post-Soviet Space in Russian Foreign Policy Concepts]. – M.: Aspekt Press. 154 s.
13. Politika SShA na postsovetskom prostranstve: sbornik obzorov i referatov [US Policy in the Post-Soviet Space: A Collection of Reviews and Abstracts]. (2006). – M.: RAN INION. 170 s.
14. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI) [The Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 653. Op. 1. D. 304.
15. Rusakovich A. (2019). Soyuznoe gosudarstvo Belarusi i Rossii: opyt i uroki politicheskikh diskussij v nachale 2000 – h gg. [The Union State of Belarus and Russia: Experience and Lessons from Political Discussions in the Early 2000s] // Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij . №1-2. S.29-36.
16. Haritonova N.I., Shebanov A.V. (2025). Integracionnye strategii Soyuznogo gosudarstva Rossii i Belarusi: praktika politicheskogo vzaimodejstviya [Integration Strategies of the Union State of Russia and Belarus: The Practice of Political Cooperation] // Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika. T.19.№2. S.169-179
17. Cvetaeva A.Yu., Mezhevich N.M., Barynkin A.V. (2024). Faktor belorusskoj oppozicii v sovremennyh rossijsko-belorusskikh otnosheniyah [The Belarusian Opposition Factor in Contemporary Russian-Belarusian Relations] // Postsovetskie issledovaniya. T.7 №4. S.391-398.
18. Shutov A.D. (1999). Postsovetskoe prostranstvo [The post-Soviet space]. – M.: Nauchnaya kniga. 250 s.

Об авторе

Веревкина Юлия Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Курский государственный университет, г. Курск (Россия); E-mail: verewkina2403@yandex.ru

Verevkin Yulia Ivanovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General History, Kursk State University, Kursk (Russia); E-mail: verewkina2403@yandex.ru

УДК 94 (410)

Грудзинский В. В., доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет (Челябинск), Россия.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И «БЕЛАЯ» ИМПЕРИЯ: ФАКТОР ИДЕОЛОГИИ И ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (XVIII – XX вв.)

В статье прослеживается влияние фактора идеологии в отношениях между Великобританией и переселенческими колониями (впоследствии доминионами) на эволюцию имперской политической организации. Переселенческие или «белые» колонии всегда занимали в империи особое место. Появившись впервые в XVII в., они прошли долгий и сложный путь общественной трансформации, накопив опыт как революционного, так и эволюционного развития. Будучи изначально своеобразным продолжением метрополии за пределами Европы, британские поселения постепенно обретали собственную идентичность. Среди факторов, влиявших на становление сознания новых наций, одним из важнейших был фактор идеологии. Одновременно столь же существенное воздействие идейные метаморфозы оказывали и на британское общество. Политические принципы и ментальные превращения, начиная с конца XVIII в., стали играть всё большую роль в процессе модернизации империи, верхи которой вынуждены были реагировать на изменение баланса сил как между метрополией и колониями, так и на международной арене. Критической фазой в борьбе за сохранение государственного единства Британской империи оказалась первая треть XX столетия, особенно Первая мировая война, когда под влиянием её последствий процесс движения доминионов к независимости принял необратимый характер. Вторая мировая война, завершившаяся падением престижа Великобритании в азиатских колониях, образованием биполярной системы и кардинальным изменением мирового политического климата, окончательно открыла перспективу преобразованию империи в Содружество наций.

Ключевые слова: Британская империя, Великобритания, переселенческие колонии, автономия, доминионы, Просвещение, либерализм, «новый» империализм, социальная демократия, имперская федерация, Первая мировая война, Вторая мировая война, Содружество наций.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-02-27-38

Введение. Влияние светской идеологии на государственное устройство становится особенно очевидно с конца XVIII – начала XIX столетий, когда в передовых странах Европы и Америки развернулся переход к индустриальному обществу. Политические и политико-правовые теории – либерального, консервативного, а позднее социалистического толка – стали оказывать растущее воздействие на конструирование институтов публичной власти. Это затронуло и такую разновидность государства как империя, оказавшаяся перед потребностью периодически приспосабливаться к вызовам времени. От решения данной задачи, точнее от способности политической элиты корректировать свой стратегический курс сообразно переживаемой эпохе, решающим

образом зависела судьба имперских образований, в разное время сталкивавшихся с подобными обстоятельствами.

Особое место среди крупнейших многонациональных государств нового и новейшего времени занимает Британская империя, включавшая не только автохтонные народы, но, что весьма важно, ряд молодых наций, возникших в результате европейской колонизации. Именно отношения между Великобританией и переселенческими колониями, которые являлись в своём роде её филиалами, оказались той областью, где изначально развернулся процесс политических преобразований, приведший к имперской дезинтеграции.

Взаимосвязь общественной идеологии и государственной трансформации в случае с Британской империей, пожалуй,

наиболее очевидна. Её метрополия — родина Просвещения, классического либерализма, реформистского консерватизма, парламентаризма - первой в Европе перешла к конституционной форме правления, что неизбежно влекло за собой и периодические изменения в имперской организации.

В отечественной историографии тема влияния идеологии на преобразование Британской империи поднималась в ряде работ, но признать её обстоятельно исследованной было бы преждевременным [1 – 9; 11 - 12]. В зарубежной историографии указанной проблеме, естественно, уделялось гораздо больше внимания [16 - 17; 19; 21 - 22; 27-28; 33; 38; 39]. Однако и там связь между идеологическим фактором и эволюцией государственной системы империи обычно прослеживается опосредованным образом. Думается, акцент на раскрытии этого процесса позволил бы полнее выявить содержание и направленность её политических и институциональных превращений. Более того, имперский опыт Великобритании актуализируется ростом значения проблемы деволюции, в частности потребностью совершенствования федеративных отношений.

Объекты и методы исследования.

Объектом исследования настоящей статьи является процесс государственно-политической трансформации Британской империи XVIII – XX в. Данная проблема рассматривается сквозь призму влияния фактора идеологии на эволюцию отношений между Великобританией и переселенческими колониями (автономиями). В работе используется историко-генетический метод, дающий возможность путём последовательного анализа явлений выявить их происхождение, обнаружить причинно-следственные связи между ними, вскрыть алгоритм изучаемого процесса.

Результаты и их обсуждение. Впервые воздействие политических и политико-правовых представлений на взаимоотношения Британии и её владений

серьёзно сказалось в последней трети XVIII в. Это было время системного кризиса, поразившего Британскую империю под влиянием просветительской идеологии и подъёма национально-освободительного движения, прежде всего в Северной Америке. Внешним фактором, способствовавшим вызреванию кризиса, стала, как ни парадоксально, победа Великобритании в Семилетней войне. Если у британцев поражение Франции укрепило уверенность в своём превосходстве, перераставшем в откровенное высокомерие, то у американцев оно стимулировало чувство собственного достоинства и стремление к самодостаточности, усиленные гарантией безопасности. Так сложившаяся ещё в XVII - начале XVIII столетий централизованная модель управления, в которой метрополия эгоистично отводила «заморским» владениям роль поставщиков сырья, рынков сбыта и поля для иммиграции, жёстко столкнулась с интересами колоний. В Северной Америке – а параллельно, и отчасти под её влиянием, в Ирландии - наблюдался подъём самознания молодых наций, не желавших далее мириться с великодержавной политикой господства и подчинения.

Идейной базой патриотических движений в колониях являлись просветительские воззрения, провозглашавшие приоритет естественных прав, гражданских и политических свобод человека. Особое значение при этом играла теория общественного договора, утверждавшая, согласно интерпретации Дж. Локка, подчинённость государства по отношению к обществу и возможность замены одной его формы на другую в случае неспособности служить интересам нации. И хотя философ, постфактум оправдывавший обусловленность Славной революции 1688-1689 гг., отнюдь не желал сделать свою концепцию основой будущих социальных потрясений, она дала лидерам патриотических сил колоний эффективное средство для обоснования своих устремлений.

Показательный пример в этом смысле - Декларация независимости США 1776 г., появление которой стало возможно только в духовной атмосфере, созданной идеями Просвещения.

Впрочем, до Декларации независимости дело тогда могло и не дойти, если бы метрополии оказалась готова договариваться с мятежными колониями. Ещё накануне войны подавляющее большинство американцев желали мирного урегулирования кризиса, надеясь добиться от Британии согласия на полноценную автономию. Возможность компромисса не исключалась ими даже в условиях развернувшихся военных действий, вплоть до середины 1775 г.

Одним из проектов, призванных разрешить англо-американские противоречия, являлся план Дж. Гэллоуэя. Он сводился к образованию конфедеративного союза колоний, исполнительная власть в котором принадлежала бы назначаемому Короной генерал-губернатору, а законодательная – «Великому совету» - общеамериканскому представительному органу, признающему верховенство английского парламента. Представленный Первому Континентальному конгрессу в 1774 г. этот документ был отклонён большинством лишь в один голос! [13, с.71].

Но, безусловно, наибольшей глубиной осмысления проблемы и фундаментальностью замысла отличалась концепция Б. Франклина. Исходя из естественно-правовой теории, конституции Англии и конституционных хартий колоний, он утверждал принцип абсолютного равенства американцев и британцев. Выдающийся просветитель доказывал, что «подданные Его Величества» в Новом свете, имеют право на «отдельное гражданское правительство» с теми же полномочиями, какими обладают имперские власти по отношению к подданным Великобритании [14, с. 330]. Претензии британского парламента на законодательное верховенство в империи американец находил

безосновательными, поскольку конституции колоний, дарованные монархом, изначально не предусматривали подчинение представительному органу метрополии. «Парламент никогда не осмеливался вмешиваться в эту прерогативу до периода великого мятежа (т. е. до революции середины XVII в. – В. Г.), - указывал Франклин, - когда он узурпировал управление всеми другими владениями короля, - Ирландией, Шотландией и др.» [14, с. 332].

По убеждению автора, североамериканские колонии следовало, подобно Великобритании, признать самостоятельными государствами. «Мы свободные подданные короля, - утверждал Франклин, - и подданные одной части его владений не являются повелителями над своими соотечественниками в любой другой их части» [14, с. 324]. Единственной официальной связью между ними должен был оставаться английский монарх, чья власть в каждом из его владений ограничивалась конституцией и представительным учреждением.

Принципиально важно, что, пытаясь разрешить противоречия между колониями и метрополией, Франклин опирался на исторический опыт англо-шотландских и непосредственный опыт англо-ирландских отношений. Уния трёх королевств – Англии, Шотландии и Ирландии – под главенством династии Стюартов, а затем двух – Великобритании и Ирландии – под началом Ганноверской династии послужили американскому просветителю моделью для планов модернизации имперских отношений, призванных обеспечить сохранение англо-американского единства. Наблюдательным современникам была вполне понятна связь между проектом Франклина и государственной трансформацией на Британских островах. Оценивая замысел Франклина, они указывали, что в случае его осуществления колонии оказались бы по отношению к Великобритании в таком же положении, какое Шотландия занимала относительно Англии до их

объединения в 1707 г. [23, р. 91-92].

Впрочем, для Франклина это была скорее форма, используя которую он надеялся реализовать теорию общественного договора. Фактически предложенная им концепция Британской империи представляла уже не империей, а равноправным объединением, члены которого были бы полностью автономны во внутренних делах, сохраняя тесную взаимосвязь в экономике и международной политике.

Однако правящие круги Великобритании, за некоторым исключением, оказались не готовы к принятию ни одного из вариантов реформирования отношений с колониями, тем более такого радикального как план Франклина. Причины фатальных ошибок, приведших к «великому расколу англо-саксонской расы», кроются как в идейных, так и ментальных характеристиках господствующего класса. Компромиссный подход, хотя и использовался для решения внутрибританских проблем, не получил пока прочного закрепления ни в политической философии элиты, ни в её управленческой практике. Особенно это видно по реакциям официального Лондона на события в колониях, в его предпочтении административных и силовых методов переговорам и соглашениям. Стереотипы жёсткой иерархичности, верховенства интересов метрополии, глубоко укоренившегося там высокомерия создали непреодолимые препятствия для сохранения единства империи.

Опыт раскола «Первой Британской империи» и последующих событий выявил некоторые важные особенности, которые продолжали в той или иной мере повторяться в кризисные моменты отношений между метрополией и колониями. К их числу относились способность переселенческих сообществ успешно «применять на себя» принципы передовых теорий, стремление Лондона рассматривать создавшееся положение «со своей колокольни», а также катализирующее влияние внешних событий.

Прошло столетия после Войны за независимость США, и в 1830-1850-е годы перед Великобританией опять возникла необходимость «обновления» империи. За минувшее время метрополия совершила огромный рывок вперёд, отличительными чертами которого стали индустриализация в экономике, парламентская демократия в политике, либерализм в идеологии. Глубокие перемены, затронувшие не только верхи, но и широкие массы, произошли также в образе мышления нации. Социальный консенсус, устойчивая склонность к компромиссу, превентивная реформа отныне являлись характерными чертами общественной и политической жизни. Особое место в этом комплексе факторов, определившем новый облик страны, принадлежало либеральной идеологии со свойственными ей принципами разумного эгоизма, утилитаризма, прогресса и эволюционности. Так охватившая страну модернизация обеспечила ей, наряду с ростом материальных возможностей, обновление идейного и духовного потенциала, став залогом преодоления возникавших проблем.

Вслед за метрополией по пути интенсивных преобразований двинулись и переселенческие колонии. Увеличение численности населения, успехи в социально-экономическом и культурном развитии пробуждали самосознание местного населения и стимулировали задачу политических реформ. Сначала в Канаде, а затем в Австралии и Новой Зеландии стало набирать силу патриотическое движение, генератором которого выступал национализм, опиравшийся на идейные постулаты либерализма.

Подобно американцам, жители переселенческих колоний в середине XIX в. требовали широкой автономии. Но теперь речь шла не о создании, согласно оценке некоторых исследователей, «квазифедеративной империи» [18, р. 92], построенной с использованием политических конструкций прошлого. Добиваясь осуществления

своих замыслов, лидеры общественных движений намеревались заимствовать «Вестминстерскую модель»: систему институтов, где разделение властей покоится на ведущей роли парламента (прежде всего его праве контролировать правительство), которая окончательно утвердилась в Великобритании после избирательной реформы 1832 г.

Политический кризис в Британской Северной Америке, достигший апогея в ходе восстания 1837-1838 гг., отразил возникновение новой угрозы стабильности имперских отношений. Исключительную роль в осознании Лондоном назревшей проблемы сыграл подготовленный в 1839 г. доклад комиссии лорда Дарема. В нём впервые была обстоятельно обоснована необходимость отказа от централизованного административно-бюрократического управления и замены его самоуправлением как единственным средством примирения метрополии с её колониями [34, р. 28-32, 106].

В 1848-1859 гг. переселенческие колонии (исключая южноафриканские Кап и Наталь, а также Западную Австралию) одна за другой получили требуемую автономию, которая предполагала право представительной ассамблеи формировать правительство без вмешательства имперских уполномоченных. Это означало передачу власти в провинциях с преобладанием европейского населения в руки местной элиты. Первыми внутреннюю самостоятельность приобрели американские провинции – Новая Шотландия и Канада. Однако в отличие от генерал-губернатора Северной Америки лорда Элджина, исходившего преимущественно из принципиальных соображений, британский кабинет согласился с его решением соблюдать порядок парламентской ответственности правительства в первую очередь под влиянием европейской революции 1848 г. [18, р. 372-373]. Использование либеральной идеологии как одного из руководящих начал политики в самой

метрополии ещё не гарантировало, что Лондон готов безоговорочно применять её постулаты ради урегулирования отношений с колониями. Не всегда адекватное представление британцев о реальном положении на имперской периферии, свойственный им снобизм, а главное – опасение спровоцировать уступками развал единого государства – первоначально тормозили разрешение кризиса. И всё-таки их верность либеральным принципам государственного устройства, а также общее утилитарно-рациональное восприятие действительности в конечном счёте обусловили утверждение самоуправления. Прагматический принцип «дешёвого государства» и мировоззренческий индивидуализм, трактующий понятие свободы как ответственности, нашли в этом яркое проявление.

Таким образом на сей раз Великобритания справилась с задачей сохранения единства империи. Необходимо при этом отметить амбивалентность роли идеологического фактора. С одной стороны, либеральное мировоззрение стимулировало заокеанские «маленькие Англии» отстаивать свои интересы, а с другой – благодаря свойственной ему приверженности легитимности, респектабельности, конформизму – способствовало сохранению влияния имперского люляизма, сдерживанию патриотического движения колоний в рамках конституционного порядка.

Вновь образованные автономии продолжили, в отличие от США, развивать свою идентичность в составе имперской организации. Возникшая вследствие реформ система отношений не имела аналогов. Это не ускользнуло от внимания современников. Дж. С. Милль, например, был убеждён, что установленное в «белой» империи конституционное и политическое взаимодействие фактически являло «наиболее тесный из всех известных федеративных союзов», где самоуправляющиеся колонии обладали свободой,

превышающей права штатов США [10, с. 302]. Радикально же настроенный влиятельный публицист Г. Смит и вовсе считал автономии не частями империи, а «свободными сообществами» в сущности независимыми от метрополии [36, р. 205-209]. Так или иначе, это означало, что передача центром части властных полномочий на места позволила - в атмосфере растущего влияния либеральных идей - успешно «запустить» эволюционную альтернативу государственной трансформации империи («Второй», как зачастую указывается в историографии), которая, предопределила генеральное направление её развития.

Однако, вопреки ожиданиям, ситуация начала меняться гораздо быстрее. Уже с конца 1850-х годов автономии стали увеличивать изначально предоставленный им объём полномочий. В частности, они добились права вносить с согласия имперского парламента изменения в собственные конституции, самостоятельно регулировать таможенные пошлины и вводить денежную единицу, устанавливать (пока через посредничество Лондона) торговые отношения с иностранными государствами, обладать собственными военноморскими силами. В результате возможности Британии контролировать политику автономий неизменно сужались, тогда как надежды последних на развитие взаимодействия с ней возрастали. Канада, например, заявила о наличии у неё особых интересов в Северной Америке. Премьер-министр Дж. Макдональд указывал в ..., что его страна «не простое владение Короны» и «становится даже более ответственным за поддержание отношений с США, чем само английское правительство» [33, р. 145-146]. Австралийские же автономии и Новая Зеландия настойчиво пытались повлиять на британскую политику в Юго-западной части Тихого океана, превратившейся в одну из арен борьбы за территориальный раздел мира. [9, с. 111-115; 15, р. 103-106].

Параллельно с 1870-х годов быстрые перемены стали происходить в европейском и мировом балансе сил. Резкое обострение конкуренции среди великих держав подрывало лидерство Британии и угрожало её торговому, морскому и колониальному превосходству. Особенно очевидным было падение темпов индустриального роста «мастерской мира». В 1860-1880 гг. промышленность на Британских островах выросла с 19,9% до 22,9% от общемирового производства, тогда как в Германии – с 4,9% до 8,5%, а в США – с 7,2% до 14,7%. К началу XX в. это обернулось уже абсолютным сокращением доли Великобритании в мировой индустрии до 18,5%, в то время как удельный вес Германии и Соединённых Штатов увеличился до 13,2% и 23,6% соответственно [30, р. 149, 202].

С либеральной точки зрения, эти изменения — при всей их серьёзности - не несли для Британии и империи фатальной угрозы, являясь следствием закономерной эволюции мировой экономики. В то же время установка на постепенное, «разумное» расширение свободы действий автономий считалось безальтернативной. Она, согласно убеждению либералов, гарантировала *мирный* характер политической трансформации и соответственно максимальное продление существования империи, а после неизбежной дезинтеграции (где-то в весьма отдалённом будущем) продолжение дружественного сотрудничества между Великобританией и её бывшими владениями. В этом, по уверению У. Гладстона, состоял «смысл, принцип и секрет» британской колониальной политики [25, col. 1901-1902]. Важно обратить внимание на отражение здесь либерального принципа «laissez-faire» с его упором на естественное развитие процессов. Некорректное же вмешательство в ход событий связывалось с попыткой нарушить заведённый порядок вещей – «волю Проведения», а также подорвать основополагающую идею

индивидуальной свободы.

Критического взгляда на создавшееся положение придерживались преимущественно политические и общественные круги консервативной ориентации. В росте самостоятельности автономий они видели опасность скорого достижения ими независимости, что поставило бы империю на грань развала. А это, в свою очередь, неизбежно привело бы к потере Британией статуса великой державы, т. е. превращению в бедное, второразрядное государство.

Ответом империалистов – сторонников имперского единства – на опасность такого поворота событий стала разработка идеологии «нового империализма» (в отличие от «старого фритредерского» империализма). Стержнем данной теории выступал совсем не оригинальный, но актуализированный в сложившихся условиях, концепт англосаксонской «расы» – культурно-исторической общности родственных народов, обладающих, как утверждалось, непревзойдёнными духовными качествами, совместными трудами которых была создана Британская империя. Именно сохранение единства англосаксов преподносилось как неперемное условие укрепления имперской организации.

Политической конструкцией, способной совместить интересы всех частей империи, считался союз федеративного типа. В конце XIX – начале XX в. публицисты и политики разных направлений разрабатывали его многочисленные варианты: от классической федерации с общеимперскими органами законодательной и исполнительной власти (наподобие США), до образцов, не имеющих, с точки зрения современных представлений, никакого отношения к федеративной форме государственного устройства. В целом можно сказать, что под федерацией империалисты были готовы понимать сохранение империи в любой целесообразной форме [31, р. 2]. В качестве же материального фундамента многие её адепты

предлагали образовать систему таможенных преференций, включающую метрополию и доминионы (как официально стали именовать автономии). Данное условие вызывало, однако, наибольшие разногласия, поскольку, в конце концов, вынудило бы Британию отказаться от традиционной экономической стратегии – фритреда [28, р. 363-365].

Авторы концепции «нового империализма» сформулировали не только её идейно-политическую, но и морально-этическую составляющую. Служение высшей цели, культ силы и воли, воспевание готовности к борьбе и жертве ради исполнения долга — таковы принципы морального кредо империалиста. Эта способность противостоять сложившемуся порядку вещей, действовать вопреки общепризнанным представлениям о здравом смысле и должна была повернуть поток истории в нужное русло, ведущее к сохранению имперского величия и мирового лидерства Британии [15, р. 184; 24, р. 15; 32, р. 490-493].

В автономиях изменение международного баланса сил, угрожавшее их собственным интересам, существенно скорректировало алгоритм становления национального самосознания и политической эволюции. Теперь молодые нации гораздо больше, чем раньше, находили самовыражение в стремлении сплотить империю, заместив систему соподчинения механизмом эффективного партнёрства. Империализм для них стал ничем иным, как формой национализма.

На рубеже XIX-XX в., особенно под влиянием англо-бурской войны, воздействие имперской идеологии на общественные настроения достигло огромного размаха. Показательно, что и в либеральной партии верх взяло империалистическое крыло. Настойчивые усилия сторонников укрепления империи привели к определённым, хотя и неоднозначным результатам. С одной стороны, до начала Первой мировой войны удалось

существенно активизировать взаимодействие Англии и доминионов в политической, военной и экономической областях. С другой стороны, главные цели — создание федерации и преференциальной системы — достигнуты не были. Отсутствие единства мнений среди британской элиты и опасения «колониального национализма» в доминионах (всегда готовых прийти на помощь «стране-матери» в критические моменты) «раствориться» в политике великой державы не позволили осуществить планы глубокой интеграции стран «белой» империи. Тем не менее можно констатировать, что общими стараниями всех сторонников имперского единства удалось достичь временного приблизительного равновесия центробежных и центростремительных сил.

Великая война 1914-1918 гг. явилась апогеем развития планов имперской реконструкции. Активная военная и экономическая поддержка доминионами Великобритании стимулировала деятельность адептов централизации. В 1917 г. по инициативе метрополии был образован объединённый орган для координации совместных усилий — Имперский военный кабинет. Согласительный по своей сути он позиционировался официальным Лондоном как институт исполнительной власти, которому суждено стать «признанной конвенцией британской конституции» [26, col. 1790-1791].

Между тем более умеренные сторонники имперского единства призывали к осторожности, подчёркивая неоднозначность и противоречивость последствий структурных преобразований. Как указывал ещё в 1916 г. один из ведущих британских специалистов в области конституционного права Артур Кит, за попытку влияния на «большую» политику доминионы могли заплатить подчинением своей «национальной индивидуальности» интересам метрополии. Но и для неё самый переход к федерации угрожал обернуться неэквивалентным обязательством хотя бы формального

согласования с автономиями политических решений [29, p. 23, 508]. Наиболее практичным Кит считал и далее развивать самостоятельность доминионов, устанавливая всевозможные связи между различными частями империи [24, p. 590-592].

В результате, вопреки надеждам федералистов, на завершающем этапе войны было провозглашено образование Содружества — политического объединения, остающегося частью империи, где доминионы намеревались утвердить равенство статуса с Британией. Эти перемены породили даже представление о наступлении новой фазы в отношениях метрополии с доминионами и переходе к «Третьей империи» [21, p. 64-87; 39].

Однако колоссальные жертвы и разрушения 1914-1918 гг. продемонстрировали народам подлинный характер империалистической политики. Подъём освободительного движения в колониях, возмужание национального сознания в доминионах повсюду дополнились стремлением к широкой демократизации, распространением идеалов социальной справедливости, подъёмом пацифистских настроений, которые прямо и косвенно размывали устои британского империализма.

Одновременно продолжилось ослабление военно-экономической мощи Британской империи. Притяжение центростремительных сил, исходивших от «страны-матери», постепенно уменьшалось. Провал в 1921-1923 гг. попыток преобразовать Имперский военный кабинет в «кабинет правительств» — орган разработки общей внешней политики Содружества — стал рубежом, за которым сохранение державного единства оказалось невозможным. Федералистская альтернатива для империи окончательно ушла в прошлое. Принятие в 1931 г. английским парламентом Вестминстерского статута официально оформило независимость фактически уже добившихся её доминионов. Содружество в этих условиях стало определённо напоминать объединение

конфедеративного типа, члены которого взаимодействовали на основе многочисленных связей официального и неофициального характера (особенно после Оттавских экономических соглашений 1932 г.) [19, р. 3, 7].

Вторая мировая война окончательно надломила Британию, сделав её неспособной более конкурировать с США и СССР в сложившемся после разгрома фашизма биполярном мире. Дальнейшая демократизация политической жизни в Соединённом Королевстве вела к сосредоточению внимания общества на внутренних проблемах. Рост влияния социалистической идеологии обострил проблему оправдания и цены империалистической политики. Империя всё более однозначно воспринималась массами как тяжкое бремя, от которого пора отказаться. Тем не менее, лейбористы и особенно консерваторы не спешили сдавать позиции. Стараясь не втягиваться в колониальные войны, они прибегали к активным манёврам. С другой стороны, оппоненты колониализма леволейбористского толка выступали за скорейшее освобождение зависимых стран Азии и Африки. Благодаря этому Британия вместе со своими бывшими колониями могла бы, по их мнению, стать «третьей силой» в международных отношениях, располагающей более весомым моральным авторитетом, чем «американский капитализм и советский коммунизм» [32, р. 204].

Так в эпоху складывания современной демократии под разрушающим влиянием мировых войн и кардинального

изменения баланса сил Британия шаг за шагом утрачивала контроль за своим имперским наследием. Необходимо, однако, подчеркнуть, что это был не хаотичный распад, а деконструкция, носившая — при всей её болезненности — контролируемый характер. В итоге в 1960-е годы огромная империя «перетекла» в Содружество наций - в свободное «многорасовое сообщество» независимых государств, связанных как культурно-историческими узами, так и конкретными взаимными интересами.

Заключение (выводы). Общая направленность государственной трансформации Британской империи на протяжении более двухсот лет тесно коррелировала с развитием политической идеологии, которая наряду с геополитическим, экономическим, военно-стратегическим факторами являлась одной из главных движущих сил её эволюции. Обращает внимание циклический характер пережитых «белой» империей метаморфоз: централизованная организация - автономная система – сплочение на основе многостороннего взаимодействия - последовательный переход к добровольному межгосударственному объединению. Особая роль в этих превращениях принадлежала доминионам, показавшим способность продуктивно адаптировать новые идеологические и институциональные конструкции в интересах последовательной деволуции, что не только привело к их независимости, но способствовало последующему освобождению прочих колониальных территорий и окончательной дезинтеграции Британской империи.

Список литературы

1. Высокова В. В. Британская империя: диалог культур и цивилизаций. Екатеринбург, Изд-во Уральского университета. 2019. 200 с.
2. Глеб М. Британская империя во второй половине XIX века: основные направления и динамика развития // Белорусский журнал международного права и международных отношений. Минск, 2003, № 2. С. 65-70.
3. Грудзинский В. В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм. Челябинск, Изд-во Челябинского университета. 1996. 312 с.
4. Ерофеев Н. А. Закат Британской империи. М., «Наука». 1967. 280 с.

5. Ерофеев Н. А. Английский колониализм в середине XIX века. М., «Наука». 1977. 256 с.
6. Жбанов С. В. История новозеландского конституционализма. Автореферат на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Иркутск, 1998. 24 с.
7. Зимулина Л. А. Эволюция национальной государственности британских доминионов // Британская империя в XX веке / [ред. А. М. Пегушев, Е. Ю. Сергеев]. М., Ин-т всеобщей истории РАН. 2010. С. 72-80.
8. Мазуркова Т. В. Вестминстерский статут 1931 года и эволюция Конституции Канады. Материалы Восьмых канадских чтений в Санкт-Петербургском университете. СПб., 2021. С. 39-51.
9. Малаховский К. В. История Австралии. М., «Наука». 1980. 400 с.
10. Милль Дж. С. Представительное правление. СПб., 1907. 322 с.
11. Распад Британской империи. М., «Наука». 1964. 648 с.
12. Скоробогатых Н. С. Вехи конституционного развития Австралии: 1788 - 2000. М., Ин-т Востоковедения РАН. 2006. 240 с.
13. Согрин В. В. Исторический опыт США. М., «Наука». 2010. 582 с.
14. Франклин В. Избранные произведения. М., «Наука». 1956. 631 с.
15. Bradley F. H. Ethical Studies. Oxford, 1876. 308 p.
16. Cain P. J. and Hopkins A. G. British Imperialism: Innovation and Expansion, 1688-1914. Harlow, 1993. 504 p.
17. Cain P. J. and Hopkins A. G. British Imperialism: Crisis and Deconstruction, 1914-1990. Lnd., 1993. 452 p.
18. Cambridge History of the British Empire. Vol. II. Lnd., 1940. 1004 p.
19. Clayton A. The British Empire as a Superpower, 1919-39. Lnd., 1986. 546 p.
20. Dalziel R. M. The Origins of New Zealand Diplomacy. Wellington, 1975. 192 p.
21. Darwin J. A Third British Empire? The Dominion Idea in Imperial Politics // The Oxford History of the British Empire. Vol. IV. The Twentieth Century. Lnd., 1999. P 64-87.
22. Eddy J. J. and Schrewder D., eds. The Rise of Colonial Nationalism: Australia, New Zealand, Canada and South Africa First Assert their Nationalities, 1880 - 1914. Sydney, 1988. 284 p.
23. Ferguson N. Empire. How Britain made the Modern World. Lnd., 2004. 422 p.
24. Froude J. Oceania or England and Her Colonies. Lnd., 1886. 342 p.
25. Great Britain. Parliament. House of Commons. Hansard's Parliamentary Debates. 3-rd Series. Vol. 200.
26. Great Britain. Parliament. House of Commons. Hansard's Parliamentary Debates. 5-th Series. Vol. 93.
27. Green E. H. The Crisis of Conservatism: The Politics, Economics and Ideology of the British Conservative Party, 1880-1914. Lnd., 1995. 382 p.
28. Green E. H. The Political Economy of Empire, 1880-1914 // The Oxford History of the British Empire. Vol. III. Oxford, 1999. P 346-368.
29. Keith A. B. Imperial Union and the Dominions. Oxford, 1916. 594 p.
30. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. N. Y., 1989. 678 p.
31. MacLean G. R. The Imperial Federation Movement in Canada, 1884-1902. Lnd., 1982. 414 p.
32. Owen N. Critics of the Empire in Britain // The Oxford History of the British Empire. Vol. IV. Oxford, 1999. P 188-211.
33. Pagden A. Lords of the World. Ideologies of Empire in Spain, Britain and France, 1500-1800. Lnd., 1995. 244 p.
34. Report of the Affairs of British North America from the Earl Durham Her Majesty's

High Commissioner. Montreal, 1839. 107 p.

35. Selected Speeches and Documents on British Colonial Policy 1763-1917. Vol. II / Ed. by A. B. Keith. Oxford, 1918. 424 p.

36. Smith G. Canada and Canadian Question / Ed. by C. Berger. Toronto, 1971. 232 p. (1st published in 1891).

37. The Round Table. 1913. № 11.

38. Thornton A. P. The Imperial Idea and its Enemies: A Study in British Power. Lnd., 1959. 370 p.

39. Zimmern A. The Third British Empire. Lnd., 1926. 148 p.

GREAT BRITAIN AND “WHITE” EMPIRE: IDEOLOGY AND THE PROBLEM OF STATE TRANSFORMATION (XVIII – XX CENTURIES)

The article is devoted to ideological influence on political relations of Great Britain with settlement colonies and dominions. At first settlement colonies were founded in the seventeenth century and for a long time stayed as branches of mother-country. But step by step they began to develop their identity. Political and law ideas of the Enlightenment, ideology of liberalism, “new” imperialism, social democracy were among of the main factors which influenced on consciousness of the young nations, their desire for autonomy and independence in the end. Upper classes of Great Britain were forced to pay attention to changes in balance of power between settlement colonies (autonomies) and metropolis and to make efforts for reformation of imperial relations. The Great War was the turning point in modernization of the “white” empire when dominion’s movement to independence became irreversible. At last the Second World War paved the way to transformation of British Empire to the Commonwealth of Nations.

Keywords: British Empire, Great Britain, settlement colonies, the Enlightenment, liberalism, “new” imperialism, self-government, dominions, imperial federation, the Great War, Commonwealth of Nations.

References

1. Vysokova V. V. Britanskaya imperiya: dialog kultur i tsivilizatsii. Ekaterinburg, Izdatelstvo Uralskogo universiteta. 2019. 200 s.

2. Gleb M. Britanskaya imperiya vo vtoroi polovine XIX veka: osnovnye napravleniya i dinamika razvitiya // Belorusskii jurnal mejdunarodnogo prava i mejdunarodnyh otnoshenii. Minsk, 2003, № 2 S. 65-70.

3. Groudzinsky V.V. Na povorote sudby: Velikaya Britaniya i imperskii federalizm. Chelyabinsk, Izdatelstvo Chelyabinskogo universiteta. 1996. 312s.

4. Erofeev. N. A. Zakat Britanskoi imperii. M., «Nauka». 1967. 280 s.

5. Erofeev N. A. Angliiskii kolonializm v seredine XIX veka. M., «Nauka». 1977. 256 s.

6. Jbanov S. Istoriya novozelandskogo konstitutsionalizma. Avtoreferatdissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Irkutsk, 1998.

7. Zimulina L. A. Evolutsiya natsionalnoi gosudarstvennosti britanskikh dominionov // Britanskaya imperiya v XX veke / [red. A. M. Pegushev, A. U. Sergeev]. M., Institut vseobshei istorii RAN. 2010. S. 72-80.

8. Mazurkova T. V. Vestminsterskii statut 1931 goda i evolutsia konstitutsii Kanady. Materialy Vosmyh kanadskih chtenii v Sankt-Peterburgskom universitete. SPb., 2021. S. 39-51.

9. Malahovskii K.V. Istoriya Avstralii. M., «Nauka». 1980. 400 s.

10. Mill D. S. Predstavitelnoe pravlenie. SPb., 1907. 322 s.

11. Raspad Britanskoi imperii. M., «Nauka». 1964. 648 s.

12. Skorobogatyh N. S. Veli Konstitutsionnogo razvitiya Avstralii: 1788-2000.M., Institut Vostokovedenia RAN, 2006. 240 s.

13. Sogrin V. V. Istoricheskii opyt SSHA. M., «Nauka». 2010. 582 s.

14. Franklin V. Izbrannye proizvedeniya. M., «Mejdunarodnye otnosheniya». 1956. 631 s.

15. Bradly F. H. Ethical Studies. Oxford, 1876. 308 p.

16. Cain P. J. and Hopkins A. G. *British Imperialism: Innovation and Expansion, 1688-1914*. Harlow, 1993. 504 p.
17. Cain P. J. and Hopkins A. G. *British Imperialism: Crisis and Deconstruction, 1914-1990*. Lnd., 1993. 452 p.
18. *Cambridge History of the British Empire*. Vol. II. Lnd., 1940. 1004 p.
19. Clayton A. *The British Empire as a Superpower, 1919-39*. Lnd., 1986. 546 p.
20. Dalziel R. M. *The Origins of New Zealand Diplomacy*. Welligton, 1975. 192 p.
21. Darwin J. *A Third British Empire? The Dominion Idea in Imperial Politics // The Oxford History of the British Empire*. Vol. IV. The Twentieth Century. Lnd., 1999. P 64-87.
22. Eddy J. J. and Schrewder D., eds. *The Rise of Colonial Nationalism: Australia, New Zealand, Canada and South Africa First Assert their Nationalities, 1880 - 1914*. Sydney, 1988. 284 p.
23. Ferguson N. *Empire. How Britain made the Modern World*. Lnd., 2004. 422 p.
24. Froude J. *Oceania or England and Her Colonies*. Lnd., 1886. 342 p.
25. Great Britain. Parliament. House of Commons. *Hansard's Parliamentary Debates*. 3-rd Series. Vol. 200.
26. Great Britain. Parliament. House of Commons. *Hansard's Parliamentary Debates*. 5-th Series. Vol. 93.
27. Green E. H. *The Crisis of Conservatism: The Politics, Economics and Ideology of the British Conservative Party, 1880-1914*. Lnd., 1995. 382 p.
28. Green E. H. *The Political Economy of Empire, 1880-1914 // The Oxford History of the British Empire*. Vol. III. Oxford, 1999. P 346-368.
29. Keith A. B. *Imperial Union and the Dominions*. Oxford, 1916. 594 p.
30. Kennedy P. *The Rise and Fall of the Great Powers*. N. Y., 1989. 678 p.
31. MacLean G. R. *The Imperial Federation Movement in Canada, 1884-1902*. Lnd., 1982. 414 p.
32. Owen N. *Critics of the Empire in Britain // The Oxford History of the British Empire*. Vol. IV. Oxford, 1999. P 188-211.
33. Pagden A. *Lords of the World. Ideologies of Empire in Spain, Britain and France, 1500-1800*. Lnd., 1995. 244 p.
34. *Report of the Affairs of British North America from the Earl Durham Her Majesty's High Commissioner*. Montreal, 1839. 107 p.
35. *Selected Speeches and Documents on British Colonial Policy 1763-1917*. Vol. II / Ed. by A. B. Keith. Oxford, 1918. 424 p.
36. Smith G. *Canada and Canadian Question / Ed. by C. Berger*. Toronto, 1971. 232 p. (1st published in 1891).
37. *The Round Table*. 1913. № 11.
38. Thornton A. P. *The Imperial Idea and its Enemies: A Study in British Power*. Lnd., 1959. 370 p.
39. Zimmern A. *The Third British Empire*. Lnd., 1926. 148 p.

Об авторе

Грудзинский Владимир Викторович - доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений, Челябинский государственный университет (Россия), E-mail: vgroudzinsky@gmail.com

Groudzinsky Vladimir Viktorovich - Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Political Sciences and International Relations, Chelyabinsk State University (Russia), E-mail: vgroudzinsky@gmail.com

УДК 94(470.312/.315)"08/11":551.4

Майоров А.А., доктор исторических наук, Орловский государственный аграрный университет им. Н.В. Парахина (Россия)

АЗОНАЛЬНОСТЬ ЛАНДШАФТОВ СЕВЕРНОГО И ЗАПАДНОГО ПООЧЬЯ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ СТАНОВЛЕНИЯ ВЯТИЧСКОГО ЭТНОПОТЕСТАРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Настоящая статья посвящена рассмотрению вопроса о влиянии некоторых видов ландшафтов на скорость и успешность вятичской территориальной экспансии к северу и западу от основного течения р.Оки. Сопоставление имеющихся в распоряжении различных отраслей современной науки информации об особенностях и специфике тех или иных видов существующих комплексных географических объектов на рассматриваемой территории позволяет сделать вывод об относительно высоком значении существования целого ряда нетипичных (азональных) объектов для установления границ ареалов расселения представителей различных восточнославянских объединений. В тексте особо акцентировано значение наличия в северном и западном Поочье так называемых «ополей» для продолжения и закрепления вятичской территориальной экспансии в северном направлении. Отмечена особая роль Мещовского, Подольско-Коломенского и Тарусского, а также, потенциально, Ульяновского ополей в становлении и последующей устойчивости так называемого вятичского этнопотестарного объединения в IX- XI вв.

Ключевые слова: вятичи, ополья, расселение, северное Поочье, особенности ведения хозяйства, восточнославянские объединения.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-02-39-48

Введение. Одним из направлений научных интересов автора настоящей статьи, наряду с прочим, является тема особенностей расселения представителей этнопотестарного объединения вятичей на землях бассейна Верхней Оки, специфика их материальной и духовной культуры. Следует отметить, что физико-географические особенности этого большого региона (за исключением, пожалуй, принципиального для русской истории значения речной сети), в их совокупности, описываются и анализируются весьма нечасто. Главным предназначением настоящего текста является частичное заполнение данной лакуны.

Объект и методы исследования. При рассмотрении специфики жизнедеятельности ранних обществ очень важным является анализ продуктивности их сельскохозяйственной активности, в части растениеводства, неизменно зависящей от плодородия почв. В этой связи особенно любопытным выглядит то обстоятельство, что проходящая через Верхнеокский речной бассейн

граница чернозёмной и нечернозёмной зон Русской равнины графически выступает в качестве своеобразной географической «оси», на которую буквально «нанизан» верхнеокский ареал расселения вятичей, восстанавливаемый по данным археологических исследований (см. рис. 1). В тексте рассматривается ряд признаков, указывающих на существование прямой связи между характеристиками ландшафтов северного Поочья и ареалом расселения вятичей. Настоящая статья основывается на традиционном историко-генетическом методе, сочетающимся с методом картографическим, многофакторным междисциплинарным анализом и применением диахронно-компаративистского подхода.

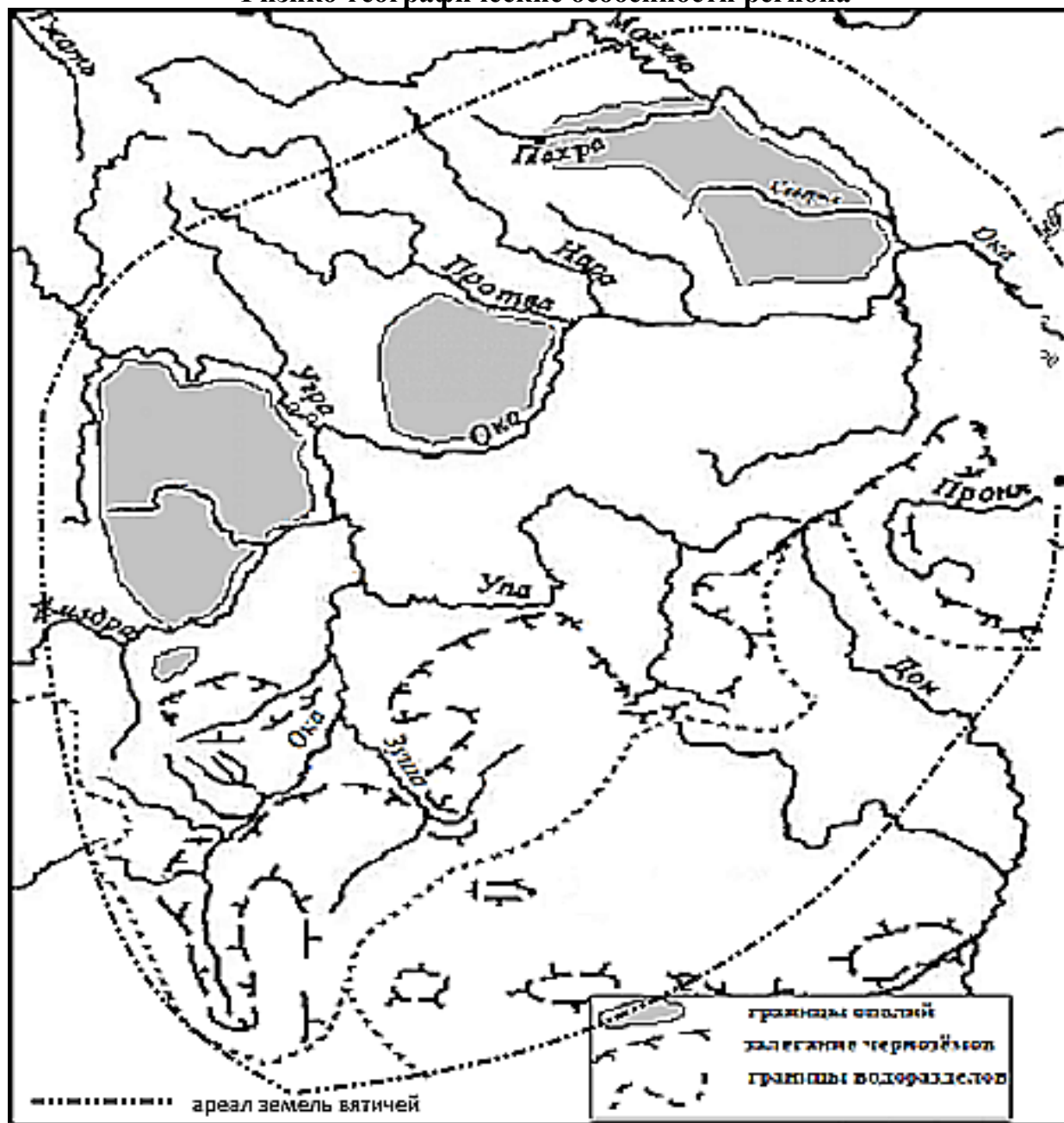
Результаты и их обсуждение. В грубом приближении в ландшафтно-географическом аспекте верхнеокский вятичский ареал можно разделить на несколько крупных «подзон», из которых юго-восточная в виде лесостепи и степей по всем их многообразии (к югу и востоку

от Оки) и северная, включающая в себя непосредственно к ней прилегающую (к северу и западу от главного окского

течения) часть ополье-полесского ландшафтного пояса являются самыми крупными и очевидными (см. рис. 1, 2, 3, 4).

Рисунок 1

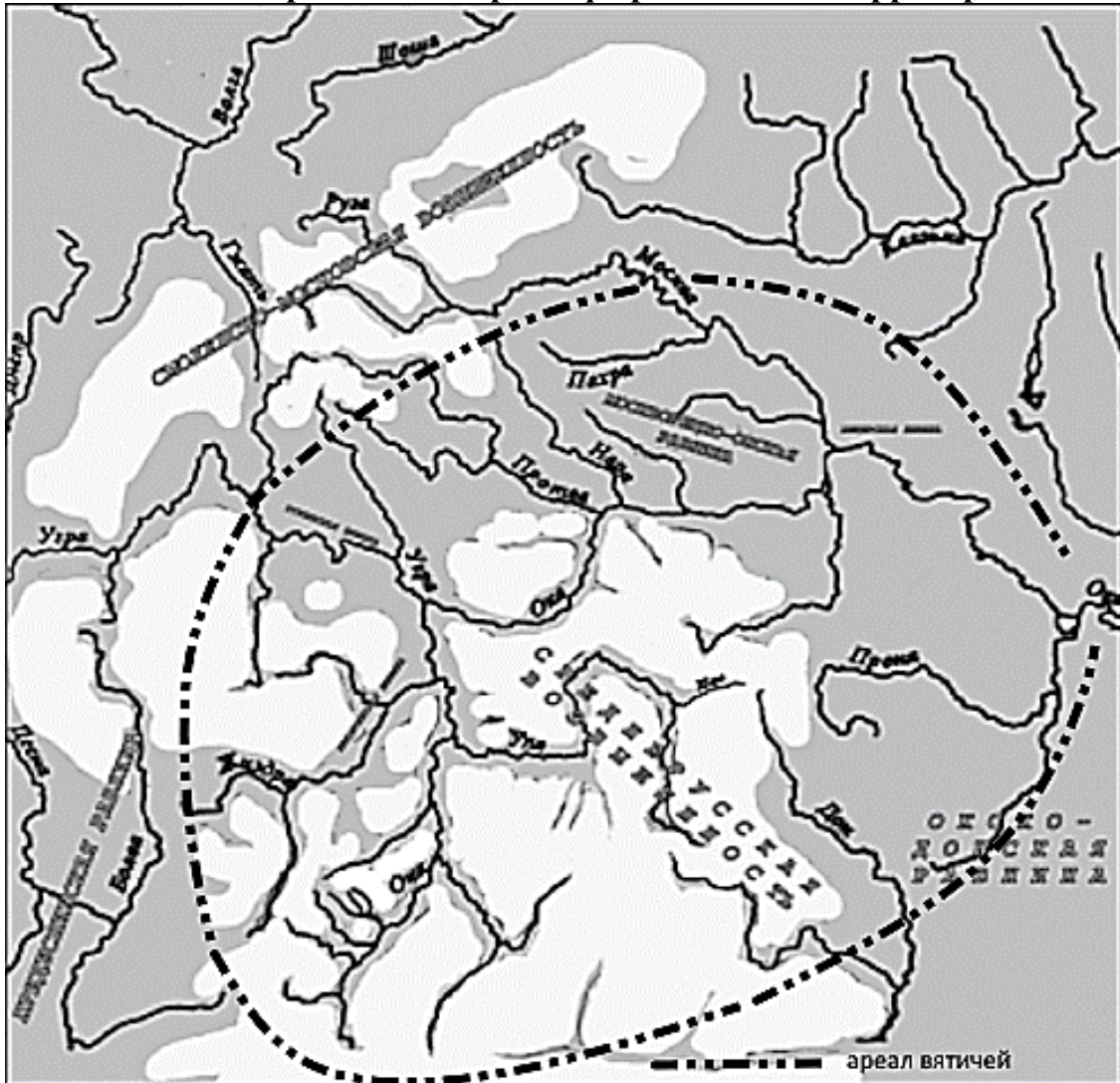
Физико-географические особенности региона

Оставим в стороне юго-восток вятичского ареала, нуждающийся в отдельном рассмотрении и относящийся к «лесостепной зоне, где на глинистых и суглинистых дерново-подзолистых почвах, сменяющихся местами плодородными серыми лесными землями и черноземовидными почвами, раскинулись поля» и сосредоточимся на северном Поочье [6,

с.35]. Здесь преимущественно распространены подзолы: «...дерново-подзолистые (слабо- и среднеподзоленные) суглинистые почвы чередуются с серыми лесными почвами» [6, с.35]. Долины многочисленных, хотя и относительно мелководных, рек насыщены аллювиальными, песчаными и лугово-черноземными почвами [6, с.46].

Бассейн Верхней Оки и рельеф прилегающих территорий

Именно вдоль Оки проходят границы широколиственных и смешанных лесов с лесостепью и луговыми степями: для лесостепной зоны здесь характерно чередование луговых степей и лиственных лесов на длинных местных водоразделах, сосняки же характерны для песчаных участков в речных долинах [5, с.48]. Северный берег преимущественно, в отличие от более высокого южного (относящегося к Среднерусской возвышенности), хотя и не полностью, занят равнинами и низменностями - Москворецко-Окской, Окско-Донской и Придеснинской (Угровской, Жиздринской) [6, с.28].

Для целей настоящего текста важным представляется явное наличие в рассматриваемом ареале расселения весьма

многочисленных так называемых азональных ландшафтов, неспецифичных для своего окружения. Наряду с очевидной почвенной и растительной «пограничностью» (черноземы/нечерноземы, степи/леса), речь идет о явно прослеживаемой полосе так называемых «ополий» и «полесий», распространенных в местной лесной зоне, преимущественно на севере и северо-западе. «Полесья» представляют собой обширные обычно сильно заболоченные задровые равнины, которые расположены среди моренных равнин, покрытых смешанными лесами. Почти сплошной покров песчаных отложений, на которых формируются песчаные подзолистые почвы, обуславливает широкое распространение хвойных лесов, особенно разного типа сосновых боров» [3, с.35-36].

Ополье-Полесский ландшафтный пояс

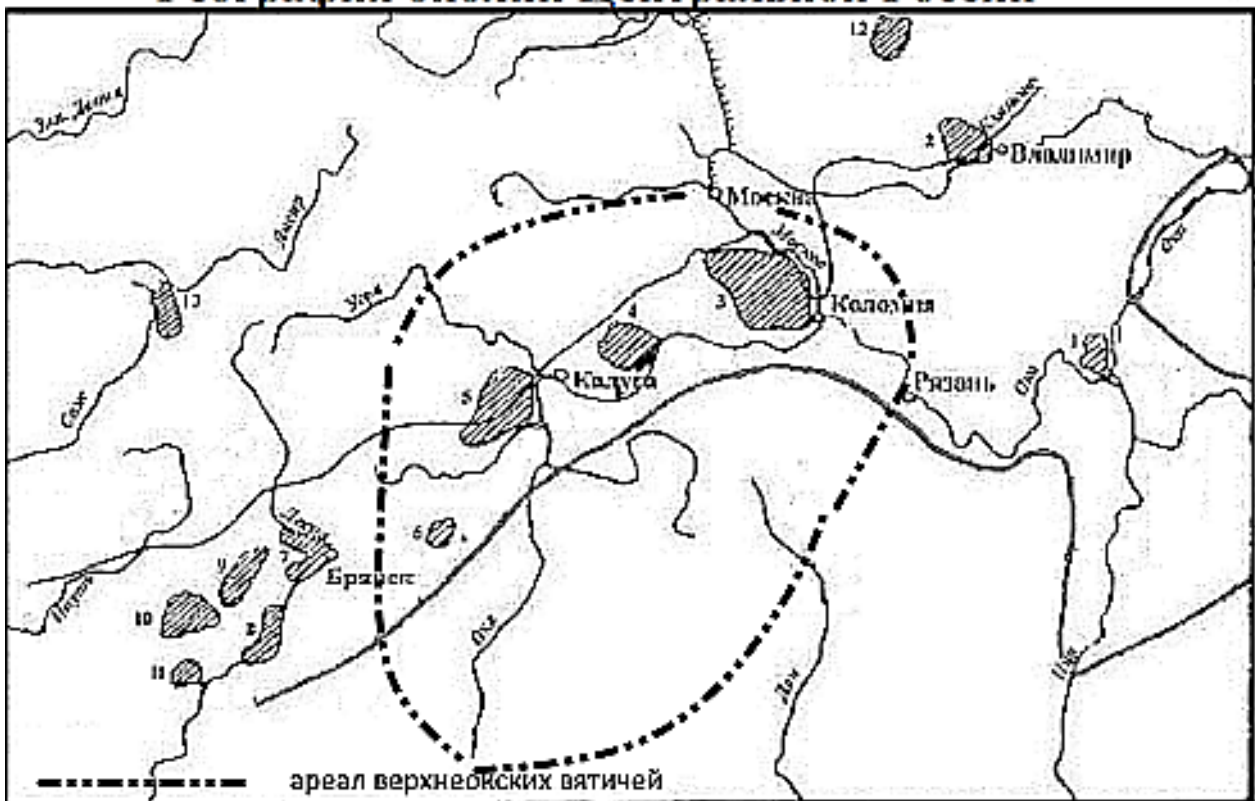

Ополья, напротив, «занимают возвышенные, расчлененные (а следовательно, хорошо дренируемые) районы, где материнской породой для почв являются легкие лёссовидные суглинки. На них формируются плодородные «серые лесные земли» почвы, содержащие гумуса до 10%, т. е. вдвое больше, чем подзолистые. Такие почвы разбросаны в зоне подзолистых почв и лесов отдельными островками и резко выделяются всем обликом своего природного ландшафта. На этих островках междуречья совсем безлесны, повсеместно распаханы (почему и называются опольями), леса узкими полосками

вытягиваются лишь вдоль рек» [16, с.36].

Система ополий и полесий Центральной России не оставлена вниманием географов и историков [1; 17]. Феномен этот давно известен: такие местности стали одной из основ сельскохозяйственного освоения в период расселения восточных славян по Восточно-Европейской равнине. На территории современной России их полоса прослеживается примерно от среднего течения Десны до западных границ Владимирщины. Они «...издавня служили житницей Центральной России. На их основе... шло становление средневековой восточнославянской цивилизации» [17, с.47].

География ополей Центральной России

Ополя : 1 - Касимовское; 2 - Владимирское; 3 - Подольско-Коломенское; 4 - Тарусское; 5 - Мещовское; 6 - Ульяновское; 7 - Брянское; 8 - Трубчевское; 9 - Присудостьское; 10 - Стародубское; 11 - Вара-Судостьское; 12 - Переславское; 13 - Смоленско-Починковское.

граница Московского оледенения

северная граница лесостепи

Общепризнано значение указанных ландшафтных феноменов для становления Владимиро-Суздальской земли [16]. Этот пояс включает в себя более десятка различных структур: существующий список очевидно неполон и отчасти противоречив, что обусловлено незавершённостью процесса их полной идентификации и классификации. В частности, в профессиональной среде спорен статус Смоленско-Починковского, Переяславского, а также т.н. рязанских степных ополей: Михайлова (Михайловского) поля, Пронско-Рановского, Пара-Пожвинского и Цнинского ополей [19; 20]. К счастью, большая часть такого рода спорных земель находится за пределами рассматриваемой здесь верхнеокской вятичской

территории, что можно проследить на приводимых картах [1; 16].

В нашем же случае очевидно явное совпадение северных географических пределов вятичского ареала с границами рассматриваемой ландшафтной зоны. Результаты археологических изысканий дают возможность наблюдать её значимую роль, в частности, в ходе зарождения и развития предгородских поселений соседнего Деснинского региона [21, с.81, 83]. Аргументом, подтверждающим значимость почвенных характеристик, является непреодоленный вятичами барьер в верховьях рек Болвы и Снежети, «причиной чему стал тоже природный фактор: густые, отчасти заболоченные лесные массивы левобережья Десны» [7, с.80].

Представляется, что почвы ополей не могли быть эффективно обработаны с применением характерной для радимичского объединения агротехник, что, в частности, «делало для радимичей невозможным массовое заселение ополей» [7, с.79]. Следует полагать, что занимавшиеся обработкой преимущественно лесных почв кривичи, соседствовавшие с вятичами на севере и северо-западе их ареала, подобно радимичам, также были ограничены в происходившей территориальной экспансии спецификой своей аграрной культуры, в то время как вятичские навыки работы с почвами типа, близкого к черноземам, давали им на землях ополей очевидные преимущества [9, с.175-176; 8, с. 64-65; 11, с.51].

Судя по всему, специфической чертой территории расселения верхнеокских вятичей является наличие в их ареале значительного числа нетипичных для своего географического местоположения и окружения т.н. *азональных ландшафтов*, к числу которых следует отнести распространённые по западу и северу рассматриваемой территории ополья и полесья, находящиеся в лесной зоне и существующие в тесной связи друг с другом. В зону вятичского контроля можно уверенно включать Мещовское, Подольско-Коломенское и Тарусское ополья, а также, вероятно, небольшое Ульяновское [2, с.7]. Первые два из них являются наиболее богатыми на находки, относящиеся к периоду относительной самостоятельности вятичей. Подольско-Коломенское является, вероятно, наиболее подробно изученным в археологическом отношении, но, выступая в качестве пограничной и поздно освоенной зоны роменского этнокультурного ареала, представляет собой явление, нуждающееся в отдельном рассмотрении [12, с.83-88].

Весьма активно исследуется Мещовское ополье, располагающееся на равнине, ограниченной течением рек Жиздра, Теча, Угра и Ока с географическим

(но не административным) центром в городе Мещовск (центральная часть современной Калужской области). Эта территория – типичное восточноевропейское ополье: безлесная плодородная, увлажнённая, неболотистая равнина в окружении лесов («полесий»). Мещовское ополье стало основой и базой формирования северо-западной части Верхнеокского исторического региона [13]. Важным фактором для этого является то обстоятельство, что «преобладающими типами почв здесь являются серые и светло-серые лесные на суглинистой основе, встречаются богатые гумусовые лесные почвы мощностью до 0,5 м и более в местах расположения намытых почв, а также дерново-подзолистые луговые» [18, с.69].

Завершая тему аazonальных ландшафтов к северу от Оки, следует упомянуть распространённые здесь «болотные и аллювиальные почвы широких долин... больших рек. На поймах рек развиваются заливные луга, на террасах и придолинных склонах - суходольные луга» [3, с.36]. Прослеживаемая разветвленность речной сети с многочисленными проточными водоёмами и различных вариантов русел сочетается с распространённостью болот разного качества на востоке и севере, что привело к возникновению на рассматриваемой территории целого ряда своеобразных ландшафтных форм, не всегда типичных для данного природного пояса.

В качестве дополнительного аргумента удобства ополей в ведении хозяйства следует указать на наличие обильного в окском левобережье древесного ресурса: видовой состав окружавших их смешанных лесов представлен преимущественно долгорастущими (дуб, липа) и среднерастущими (ольха, береза, сосна) видами. При увеличении численности населения, нуждающегося в длительном периоде отопления, а также при использовании деловой древесины, этот ресурс склонен к быстрому истощению. Его же обилие, вероятно, побуждало ранее

проживавших преимущественно в степной и лесостепной местности восточных славян рассматривать окружённые лесами плодородные территории ополей в качестве привлекательного места переселения. Другим аргументом в пользу благоприятности физико-географических условий на территориях верхнеокского бассейна в целом является многочисленность несложных в добыче местных залегающих болотных руд, гончарных глин, песков и известняков на этой территории [10, с.36-38; 4, с. 31-33, 82,103-105, 113-114 и др.; 3, с. 188-199].

Заключение и выводы. Сопоставление зон распространения к северу и западу от основного окского течения целой цепи азональных ландшафтов в виде ополей с границами расселения вятичей позволяет констатировать крайне высокую степень совпадения, что может быть

объяснено эффективностью их актуальных агротехнических практик на местных почвах. С другой стороны, практики лесного земледелия не позволяли иным восточнославянским группировкам (кривичи, радимичи) вести здесь столь же успешное сельскохозяйственное производство. Судя по всему, разнообразие азональных ландшафтов и связанных с ними ресурсов оказалось весомым доводом для осуществления вятичской экспансии в северном направлении. Таким образом, совокупность приведенной выше аргументации позволяет говорить о вероятности высокой значимости фактора воздействия азональности ландшафтов северного Пolesья, в частности приокских ополей и полей, на формирование границ и становление вятичского этнопотестарного объединения в IX-X вв.

Список литературы

1. Ахромеев Л. М. История изучения ополей Центральной России: ландшафтный аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2000. № 1. С.19-22.
2. Ахромеев Л. М. Природа, генезис, история развития и ландшафтная структура ополей Центральной России; Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2008. 182 с.
3. Геология СССР. Т. IV. Центр Европейской части СССР. Геологическое описание. М.: Издательство «Недра», 1971. 742 с.
4. Геология СССР. Том VI. Брянская, Орловская, Курская, Воронежская и Тамбовская области Часть 2. Полезные ископаемые, подземные воды, инженерная геология и обзор геофизических исследований. М.: Государственное издательство геологической литературы, 1949. 348 с.
5. Гидрогеология СССР. Т.1. Московская и смежные области. М.: Издательство «Недра», 1966. 424 с.
6. Гидрогеология СССР. Т.IV. Воронежская и смежные области. Геологическое управление центральных районов. М.: Издательство «Недра», 1971. 499 с.
7. Гурьянов В. Н., Чубур А.А. Ландшафтный фактор в славянском освоении Среднего и Верхнего Подесенья в IX-XI веках // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I - начале II тысячелетия нашей эры: материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Э. М. Загоруйского, Минск, 06–07 декабря 2018 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2018. С. 77-82.
8. Довженок, В.И. Об уровне развития земледелия в Киевской Руси // История СССР. 1960. № 5. С. 59-74.
9. Кирьянова Н.А., Пушкина Т.А. Сельскохозяйственная деятельность населения

древнего Гнездова // Сельская Русь в IX–XVI веках / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов; сост. И.Н. Кузина; Ин-т археологии РАН. М.: Наука, 2008. С. 171–177;

10. Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период). Материалы и исследования по археологии СССР. № 32. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. 259 с.

11. Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII - начало XVI в / Акад. наук СССР. Ленингр. отделение Ин-та истории. Москва; Ленинград: Наука. [Ленингр. отд-ние], 1965. 462 с., 4 л. ил.

12. Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск: Свиток, 2019. 392 с.

13. Майоров А. А. Вятчи земель верховских. Орел: Картуш, 2025. 280 с.

14. Майоров А. А. Вятчское этнопотестарное образование в контексте экономических и политических процессов в Восточной Европе IX - X вв // Вестник Брянского государственного университета. 2023. № 1(55). С. 119-130.

15. Майоров А. А. Социально-политическая история Верхнеокского (Верховского) региона с VIII до середины XVI вв : специальность 5.6.1 "Отечественная история" : дис. на соискание ученой степени доктора исторических наук Брянск, 2022. 647 с.

16. Максимова А.В. Владимиро-Суздальское ополье : пространство и время / Российский институт стратегических исследований. М.: РИСИ, 2022. 280 с.

17. Николаев В.А. Парагенезис полесий – ополжий Центральной России// Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2013. №1. С.45-50.

18. Прошкин О.Л. Мещовское ополье – основные этапы освоения в IX–XIII вв. по археологическим данным// Краткие сообщения Института археологии. Вып.249. Часть. II. 2017. С.68-85.

19. Стрикалов И.Ю. Рязанские ополья: динамика и характер колонизации в XII–XV вв.// Российская археология. 2015, № 4, С.158–171.

20. Русаков П.Е. Памятники древнерусского времени на территории Михайловского поля// Великое княжество Рязанское: историко-археологическое исследование. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С.397-412.

21. Шинаков Е.А. Освоение ополжий в X – XII вв.// Брянские ополья: Природа и природопользование. М.: Московский филиал Географического общества СССР, 1991. С.75-131.

AZONALITY OF LANDSCAPES OF THE TERRITORIES TO THE NORTH AND WEST OF THE OKA RIVER AS ONE OF THE FACTORS IN THE FORMATION OF THE VYATICHI ETHNO-POTESTARIAN UNION

This article examines the influence of certain landscape types on the speed and success of Vyatichi territorial expansion north and west of the main course of the Oka River. A comparison of information available to various branches of modern science on the characteristics and specifics of various types of existing complex geographic features in the territory under consideration allows us to conclude that the existence of a number of atypical (azonal) features is of relatively high importance for establishing the boundaries of the settlement areas of representatives of various East Slavic associations. The text particularly emphasizes the importance of the presence of so-called "opolie's" in the northern and western Oka region for the continuation and consolidation of Vyatichi territorial expansion northward. The special role of the Meshchovsk, Podolsk-Kolomensk, and Tarusa opolyes, as well as, potentially, the Ulyanovsk opolyes, in the formation and subsequent stability of the so-called Vyatichi ethnopotestary association in the 9th-11th centuries is noted.

Keywords: Vyatichi, opolye's, settlement development, northern Oka region, economic characteristics, East Slavic unions.

References

1. Ahromeev L. M. Istoriya izucheniya opolij Central'noj Rossii: landshaftnyj aspect. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geografiya. Geoekologiya [History of the Study of Opolies in Central Russia: Landscape Aspect. Bulletin of Voronezh State University. Series: Geography. Geoecology]. 2000. № 1. pp.19-22.
2. Ahromeev L. M. Priroda, genesis, istoriya razvitiya i landshaftnaya struktura opolij Central'noj Rossii; Bryanskij gosudarstvennyj universitet im. akad. I.G. Pet-rovskogo. [Nature, Genesis, History of Development, and Landscape Structure of Opolies in Central Russia; Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky]. Bryansk: Bryanskij gosudarstvennyj universitet imeni akademika I.G. Pet-rovskogo, 2008. 182 p. S.7.
3. Geologiya SSSR. T. IV. Centr Evropejskoj chasti SSSR. Poleznye iskopaemye [Geology of the USSR. Vol. IV. Center of the European part of the USSR. Useful Fossils]. M.: «Nedra», 1974. 200 p.
4. Geologiya SSSR. Tom VI. Bryanskaya, Orlovskaya, Kurskaya, Voronezhskaya i Tambov-skaya oblasti CHast' 2. Poleznye iskopaemye, podzemnye vody, inzhenernaya geologiya i ob-zor geofizicheskikh issledovanij [Geology of the USSR. Volume VI. Bryansk, Oryol, Kursk, Voronezh, and Tambov Regions. Part 2. Useful Minerals, Groundwater, Engineering Geology, and a Review of Geophysical Re-search]. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geologicheskij lite-ratury, 1949. 348 p.
5. Hidrogeologiya SSSR. T.1. Moskovskaya i smezhnye oblasti [Hydrogeology of the USSR. Vol. 1. Moscow and Adjacent Regions]. M.: Izdatel'stvo «Nedra», 1966. 424 p.
6. Hidrogeologiya SSSR. T.IV. Voronezhskaya i smezhnye oblasti. Geologicheskoe upravlenie central'nyh rajonov [Hydrogeology of the USSR. Vol. IV. Voronezh and Adjacent Regions. Geological Admin-istration of the Central Regions]. M.: Izdatel'stvo «Nedra», 1971. 499 p.
7. Gur'yanov V. N., Chubur A.A. Landshaftnyj faktor v slavyanskom osvoenii Sred-nego i Verhnego Podesen'ya v IX-XI vekah. Etnokul'turnye processy na territorii Belarusi v I - nachale II tysyacheletiya nashej ery: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konfe-rencii, posvyashchennoj 90-letiyu professora E. M. Zagorul'skogo, Minsk, 06–07 dekabrya 2018 goda. [Landscape factor in the Slavic development of the Middle and Upper Decembrists in the 9th-11th centuries. Ethnocultural processes on the territory of Belarus in the 1st - early 2nd millennium AD: materials of the international scientific conference dedicated to the 90th anniversary of Professor E. M. Zagorulsky, Minsk, December 6-7, 2018]. Minsk: Belorusskij gosudarstvennyj universitet, 2018. – pp. 77-82.
8. Dovzhenok, V.I. Ob urovne razvitiya zemledeliya v Kievskoj Rusi. Istoriya SSSR [On the level of development of agriculture in Kievan Rus. History of the USSR]. 1960. № 5. pp. 59-74.
9. Kir'yanova N.A., Pushkina T.A. Sel'skohozyajstvennaya deyatel'nost' naseleniya drevnego Gnezdova. Sel'skaya Rus' v IX–XVI vekah. Otv. red. N.A. Makarov, S.Z. Chernov; sost. I.N. Kuzina; In-t arheologii RAN [Agricultural activities of the population of ancient Gnezdovo. Rural Rus' in the 9th–16th centuries. Responsible. ed. N.A. Makarov, S.Z. Chernov; comp. I.N. Cousin; Institute of Archeology RAS]. M.: Nauka, 2008. pp. 171–177;
10. Kolchin B.A. Chernaya metallurgiya i metalloobrabotka v Drevnej Rusi (Domon-gol'skij period). Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR [Ferrous metallurgy and metalworking in Ancient Rus' (Domon-Gol period). Materials and research on the archeology of the USSR]. № 32. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1953. pp.36-38.
11. Kochin G.E. Sel'skoe hozyajstvo na Rusi v period obrazovaniya Russkogo centra-lizovannogo gosudarstva. Konec XIII - nachalo XVI v. Akad. nauk SSSR. Leningr. otd-nie In-ta istorii [Agriculture in Rus' during the formation of the Russian centralized state. Late 13th — early 16th century / USSR Academy of Sciences. Leningrad Branch of the Institute

of History]. Moskva; Leningrad: Nauka. [Leningr. otd-nie], 1965. 462 p., 4 l. il. S.78.

12. Krenke N.A. Drevnosti bassejna Moskvu-reki ot neolita do Srednevekov'ya: etapy kul'turnogo razvitiya, formirovanie proizvodnyashchej ekonomiki i antropogennogo landshafta. [Antiquities of the Moskva River Basin from the Neolithic to the Middle Ages: Stages of Cultural Development, Formation of a Producing Economy and an Anthropogenic Landscape]. M.; Smolensk, 2019. S.83-88.

13. Majorov A. A. Vyatichi zemel' verhovskih [Vyatichi of the Verkhovsky Lands]. Orel: Kartush, 2025. 280 p.

14. Majorov A. A. Vyatichskoe etnopotestarnoe obrazovanie v kontekste ekonomicheskikh i politicheskikh processov v Vostochnoj Evrope IX - X vv. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [Vyatichi Ethnopotestary Formation in the Context of Economic and Political Processes in Eastern Europe in the 9th-10th Centuries. Bulletin of Bryansk State University]. 2023. № 1(55). pp. 119-130.

15. Majorov A. A. Social'no-politicheskaya istoriya Verhneokskogo (Verhovskogo) regiona s VIII do serediny XVI vv [Socio-political history of the Upper Oka (Verkhovsky) region from the 8th to the mid-16th centuries]: special'nost' 5.6.1 "Otechestvennaya istoriya" : dis. na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk Bryansk, 2022. 647 p.

16. Maksimova A.V. Vladimiro-Suzdal'skoe opol'e : prostranstvo i vremya. Rossijskij institut strategicheskikh issledovanij [Vladimir-Suzdal Opolye: space and time. Russian Institute for Strategic Studies]. M.: RISI, 2022. 280 p.

17. Nikolaev V.A. Paragenezis polesij – opolij Central'noj Rossii. Vestnik Moskovskogo universiteta [Paragenesis of polesias - opolyes of Central Russia. Bulletin of Moscow University]. Seriya 5. Geografiya. 2013. №1. pp.45-50.

18. Proshkin O.L. Meshchovskoe opol'e – osnovnye etapy osvoeniya v IX–XIII vv. po arheologicheskim dannym. Kratkie soobshcheniya Instituta arheologia [Meshchovskoe Opolye - the main stages of development in 9th–13th centuries according to archaeological data. Brief communications of the Institute of Archaeology and Science]. Vyp.249. Chast' II. 2017. pp.69.

19. Strikalov I.YU. Ryazanskije opol'ya: dinamika i harakter kolonizacii v XII–XV vv. [Ryazan opolyas: dynamics and character of colonization in the 12th–15th centuries]. Rossijskaya arheologiya. 2015, № 4, pp.158–171;

20. Rusakov P.E. Pamyatniki drevnerusskogo vremeni na territorii Mihajlovsko-go polya. Velikoe knyazhestvo Ryazanskoe: istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Monuments of the Old Russian period on the territory of Mikhailovskoye Pole. Grand Duchy of Ryazan: historical and archaeological research] M.: Pa-myatniki istoricheskoy mysli, 2005. pp.397-412.

21. Shinakov E.A. Osvoenie opolij v X – XII vv. Bryanskije opol'ya: Priroda i prirodopol'zovanie [Development of opolyas in the 10th–12th centuries. Bryansk opolyas: Nature and nature management]. M.: Moskovskij filial Geograficheskogo obshchestva SSSR, 1991. pp.75-131.

Об авторе

Майоров Анатолий Александрович - доктор исторических наук, и.о. заведующего кафедрой истории, философии и русского языка, Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина (Россия), email: aamajorov@rambler.ru

Mayorov Anatoly Aleksandrovich - Doctor of History, Acting Head of the Department of History, Philosophy and Russian Language, Oryol State Agrarian University named after N.V. Parakhin (Russia), email: aamajorov@rambler.

УДК 94(47).073

Подлесных С. Н., кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова (Россия)

ЗАКРЫТИЕ СОВЕСТНЫХ СУДОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1852 Г.

В статье на основе неопубликованного архивного материала из фондов Российского государственного исторического архива рассматривается история закрытия совестных судов Российской империи в 1852 г. Основной причиной закрытия в 1852 г. совестных судов в 18-ти губерниях явилось формальное основание – количество производящихся в судебных учреждениях тяжёлых дел. Мотивы к упразднению совестных судов в 1852 г. необходимо искать в противоречиях двух философских политико-правовых систем: естественного права и юридического позитивизма. Архивные источники показывают, что в соответствии с законом от 25 июня 1852 г. с Высочайшего утверждения закрывались совестные суды в 18 губерниях Российской империи, где в течение года количество производящихся дел не превышало 50. Подчеркивается, что в отличие от закрытия совестных судов в Астраханской (1828 г.), Архангельской (1847 г.) и Олонецкой (1848 г.) губерниях упразднение 18-ти совестных судов в 1852 г. проходило по другому сценарию. В 1852 г. совестные суды, как самостоятельные судебные учреждения, закрывались. Однако должность совестного судьи сохранялась и была прикреплена к одной из местных судебных палат. Особое внимание уделено анализу цели реорганизации совестных судов, которая лежит в плоскости экономии бюджетных средств.

Ключевые слова: совестный суд, закрытие совестных судов, судебная система, судоустройство, до-реформенный суд, министерство юстиции, В.Н. Панин, Российская империя.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-02-49-58

Введение. Совестные суды, учрежденные Екатериной Великой в 1775 г., в сравнении с иными судебными учреждениями дореформенной Российской империи имели свои существенные особенности, связанные как с предметом судопроизводства, так и с обязанностью при вынесении судебного решения руководствоваться положениями «естественного права». Общие выводы по поводу сущности совестных судов, а также их отличительные особенности проанализированы нами в опубликованной статье [14].

Еще в 1832 г. один из творцов судебной реформы 1864 г. В.П. Бутков [23] в своей ранней работе писал о совестном суде, как об учреждении, которое охраняет «личную безопасность граждан». Бутков отмечал, что Екатерина Великая, издав в 1775 году Учреждение для управления губерний, и желая, чтобы личная безопасность каждого подданного Российской империи была всегда охраняема, для исполнения этой цели, учредила в

каждой губернии совестный суд [19, л. 5].

В современной отечественной историографии в последние десятилетия наметился некоторый интерес к проблематике деятельности российских совестных судов. Среди авторов работ по истории совестных судов необходимо назвать: Т.Ю. Амплеева [1], Ю.В. Баранов [2], В.А. Воропанов [3], В.А. Илюхина и С.Ю. Агафонов [10], Л.Ю. Мхитарян [12], Е.В. Разумов [15], А.А. Самсонов [22], Н.В. Старикова [25], В.Г. Тур [27]. Специальные исследования, посвященные упразднению совестных судов, в отечественной историографии отсутствуют.

Объект и методы исследования. Объектом исследования выступают совестные суды Российской империи, которые в соответствии с законом от 25 июня 1852 г. подлежали закрытию в 18-ти губерниях.

Основными источниками исследования явились следующие материалы:

- делопроизводственная документация, представленная архивными делами,

введенными в научный оборот впервые, из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА) – Фонд 1149 Департамент законов Государственного совета, Фонд 1152 Департамент государственной экономии Государственного совета, Фонд 1250 Дела и бумаги председателей и членов Государственного совета (Коллекция), Фонд 1286 Департамент полиции исполнительной МВД.

- нормативно-правовые акты: документы из Полного собрания законов Российской империи.

Методологической основой исследования послужили как общие, так и частные методы научного познания: метод структурного анализа, который позволил оценить место совестных судов в судебной системе Российской империи к началу 1850-х гг.; историко-сравнительный метод, с помощью которого в исследовании путем сравнения данных о количестве производящихся в совестных судах дел, выводятся общие и частные заключения; историко-системный метод, который позволил в комплексе выявить и проанализировать причины закрытия совестных судов в 1852 г.; формально-логический метод, который позволил проанализировать действующее законодательство Российской империи 1840–1850-х гг.; в статье также использовались иные методы научного познания.

Результаты и их обсуждение. Первые о закрытии совестных судов в губерниях Российской империи заговорили в 1827 г. Такой прецедентной губернией явилась Астраханская губерния, где местный совестный суд был закрыт по инициативе А.П. Ермолова, который с 1816 г. по 1827 г. был главноуправляющим Астраханской губернии, Грузии и Кавказской области [13]. В итоге Астраханский совестный суд был закрыт на основании Высочайше утвержденного мнения Государственного совета, и, как самостоятельное учреждение, прекращал свое существование. Дела совестного суда присоединялись

к местной палате уголовного и гражданского суда [4, с. 675-677]. Должность совестного судьи сокращалась.

В последствие по схеме 1828 г. были упразднены совестные суды еще в двух губерниях Российской империи: в 1847 г. – в Архангельской губернии [6, с. 862-863], в 1848 г. – в Олонецкой губернии [8, с. 57-58]. Первое массовое закрытие в России совестных судов состоялось в 1852 г. В этот год прекратили свое существование, как самостоятельные судебные учреждения, 18 совестных судов.

Предыстория к упразднению в 1852 г. в 18-ти губерниях совестных судов берет свое начало в 1843 г. В этот год 7 апреля министр юстиции В.Н. Панин писал министру внутренних дел Л.А. Перовскому, что совестные суды должны иметь одно общее дежурство с одной из судебных палат. Для чего совестные суды должны размещаться в одном здании с одной из местных судебных палат [20, л. 2–2 об.]. Официальным поводом для таких объединений послужила необходимость общих дежурств. Однако на самом деле целью размещения судов в одном здании была экономия бюджетных денег.

Большим ударом по системе совестных судов было принятие в 1848 г. временных штатов, в соответствии с которыми совестным судьям полностью отменялись оклады. Хотя совестные судьи имели самые маленькие оклады в сравнении с другими чиновниками, занимавшими судебские должности [18, л. 187–350].

Впервые оклад совестному судье был отменен в Санкт-Петербургской губернии еще в 1847 г. [16]. Мнение Государственного совета о новом штате Санкт-Петербургского совестного суда было Высочайше утверждено 5 ноября 1847 г. [5, с. 837-838]. В 1848 г. практика столичного совестного суда была применена относительно всех губерний Российской империи. Правда, до новых выборов совестного судьи их финансовое содержание оставалось прежним [7, с. 284-285].

Временные штаты совестных судов 1848 г. принимались на три года. Однако 1 мая 1851 г. действие временных штатов было продлено еще на один год [17, л. 3–3 об.]. Таким образом, у центрального правительства было четыре года на обдумывание нового штатного расписания совестных судов.

К 1852 г. в Российской империи действовало 42 совестных суда [17, л. 4 об.–5 об.], по одному в каждой губернии, где велось совестное разбирательство тяжёлых дел. Последним открытым в дореформенное время совестным судом стал Самарский совестный суд. 6 декабря 1850 г. император Николай I подписал именной, данный Сенату указ об образовании на левом берегу Волги новой Самарской губернии [11, с. 279]. Соответственно в новой губернии учреждались губернские присутственные места, в том числе совестный суд. 20 декабря 1850 г. штат Самарского совестного суда был Высочайше утвержден [17, л. 7 об.].

Самарский совестный суд стал 42-м действующим совестным судом Российской империи и проработал менее всех остальных совестных судов – всего два с половиной года. Этот суд входил в число 18-ти совестных судов, которые закрывались в соответствии с законом от 25 июня 1852 г. «О штатах совестных судов» [9, с. 434-436].

В записке министра юстиции В.Н. Панина в адрес государственного секретаря Н.И. Бахтина от 3 апреля 1852 г. указывалось, что сокращение штатов совестных судов возможно в двух направлениях:

- в некоторых совестных судах возможно уменьшить число делопроизводителей;

- в других совестных судах возможно полностью упразднить канцелярии и даже закрыть некоторые совестные суды, как самостоятельные учреждения [17, л. 8].

На подобных сокращениях министерством юстиции предполагалось сэкономить до 32 000 руб. серебром и потратить их на усиление штатов для Санкт-

Петербуржских надворных судов и двух департаментов уездных судов. Со стороны министерства финансов возражений встречено не было, так как при этом не требовалось никакого нового расхода [17, л. 8 об.-9 об.]. Дореформенная судебная система страдала от хронического недофинансирования. Денег на увеличение окладов судьям и расходов канцелярий судов у государства не было. Хронический дефицит бюджета был для дореформенной России нормой [24].

Для обоснования закрытия части совестных судов было избрано формальное основание – количество производящихся в конкретном совестном суде дел. Данное обстоятельство было основным критерием эффективности работы совестных судов. В соответствии с названным критерием все совестные суды были поделены на четыре разряда.

К первому разряду были отнесены совестные суды, в которых в год производилось от 150 до 220 дел. Это Санкт-Петербургский, Курский, Киевский и Пермский совестные суды. В числе этих судов первое место занимал Санкт-Петербургский совестный суд, «как по обширности делопроизводства, так и по самой важности и разнородности дел о преступлениях, в столице совершаемых» [17, л. 33].

Ко второму разряду относились совестные суды, в которых в год разрешалось до 150 дел. Таких судов на 1852 г. было шесть: Вятский, Бессарабский, Полтавский, Московский, Подольский и Оренбургский [17, л. 37 об.].

К третьему разряду были причислены совестные суды, которые в год разрешали от 50 до 90 дел. Таких судов насчитывалось 14: Тамбовский, Саратовский, Черниговский, Херсонский, Волынский, Харьковский, Орловский, Виленский, Смоленский, Симбирский, Костромской, Екатеринославский, Воронежский и Казанский [17, л. 38 об.-39].

К четвертому разряду относились совестные суды, в которых в год

производилось менее 50 дел. Это следующие 18 судов: Владимирский, Ковенский, Тверской, Тульский, Нижегородский, Гродненский, Самарский, Ярославский, Калужский, Рязанский, Витебский, Псковский, Минский, Новгородский, Пензенский, Таврический, Вологодский, и Могилевский [17, л. 39-40 об.].

По каждому разряду совестных судов согласно их загруженности министерством юстиции предлагались штатные изменения в виде сокращения количества канцелярских работников, уменьшения бюджетных ассигнований на содержание, как канцелярии, так и жалования служащих суда [17, л. 33-39]. Самые радикальные реорганизационные меры касались совестных судов четвертого разряда. Именно эти суды впоследствии подлежали закрытию согласно закона от 25 июня 1852 г. В этой связи министр юстиции В.Н. Панин отмечал, что существование 18-ти совестных судов в виде отдельных учреждений при столь незначительном делопроизводстве едва ли может представляться необходимым, тем более, что содержание членов присутствий и канцелярий этих судов сопряжено с издержками Государственного казначейства [17, л. 39 об.].

Учитывая опыт упразднения совестных судов в Архангельской и Олонецкой губерниях, граф В.Н. Панин полагал закрыть все 18 судов четвертого разряда и все дела этих судов, как нерешенные, так и решенные, но неисполненные передать по принадлежности в судебные палаты местных губерний [17, л. 40].

Необходимо отметить, что Государственный совет в своих заключениях, вынесенных на общем собрании 28 апреля, 5, 10 и 26 мая 1852 г., изначально предполагал закрыть совестные суды в 18 губерниях России временно [17, л. 74]. В документах не был указан срок, на который временно закрываются эти суды [17, л. 60]. Однако когда 19 июня 1852 г. Николай I утверждал заключение общего собрания Государственного совета, в деле не было

указано на временное закрытие совестных судов [17, л. 64]. Вероятно, на окончательном закрытии 18 совестных судов настоял министр юстиции В.Н. Панин, сторонник юридического позитивизма и противник будущей судебной реформы 1864 г. [26].

Правительство, в частности министерство юстиции, не утруждало себя обязанностями по разъяснению среди руководства губерний причин тех или иных организационных изменений. Руководители генерал-губернаторств и губерний, в которых в 1852 г. закрывались совестные суды, были весьма удивлены этим сообщением. Так, Оренбургский и Самарский генерал-губернатор В.А. Перовский 23 августа 1852 г. писал товарищу министра внутренних дел М.И. Лексу, что местное губернское руководство приняло к исполнению распоряжение правительства о закрытии самарского совестного суда, однако из существа дела было непонятно, почему данный суд закрывается. В этой связи Перовский просил Лекса разъяснить причины, по которым Самарский совестный суд закрывался [21, л. 1-1 об.].

В министерстве внутренних дел не знали, как ответить на письмо генерал-губернатора, ибо совершенно не располагали информацией о закрытии части совестных судов. Отношением от 15 сентября 1852 г. МВД запрашивало у министерства юстиции причины, по которым был закрыт Самарский совестный суд. Только 21 ноября 1852 г. на имя министра внутренних дел Д.Г. Бибикова был дан ответ [21, л. 3].

При закрытии совестных судов в 18-ти губерниях в 1852 г. в обязанности местных судебных палат была вменена обязанность в производстве и решении дел, совестному разбирательству подлежащих, руководствоваться предписанными в Учреждении Совестного суда узаконениями, с тем, чтобы в рассмотрении этих дел и постановлении по ним решений участвовал и совестный судья, в качестве старшего после председателя палаты [9, с. 434-436].

Служащие по выборам члены 18-ти

закрываемых совестных судов увольнялись от должностей без производства им годового жалованья. Чиновников канцелярий было предписано перевести в местные судебные палаты или же распределить по иным местным присутственным местам. В случае невозможности таких переводов предписывалось выдавать им годовые оклады жалованья. Суммы сбережения, которые следовали от закрытия 18-ти совестных судов в размере 37 681 руб. 24 коп., шли на усиление канцелярий местных судебных палат (Гражданским палатам по 200 руб. и Уголовным палатам по 400 руб. в год). Усиление местных канцелярий судебных палат было продиктовано признанием со стороны министерства юстиции увеличения нагрузки на судебные палаты после передачи дел, подведомственных в силу действующего закона совестному разбирательству [17, л. 46–46 об.].

Оставшаяся большая часть экономии в размере 31 592 руб. 29 коп. причислялись к запасной сумме министерства юстиции «впредь до особо об них распоряжения». Все мероприятия, касающиеся увольнения членов совестных судов, перемещения чиновников канцелярии, передачи дел в местные судебные палаты, возлагались на местных начальников губерний [9, с. 434–436].

Должность совестного судьи в 18-ти губерниях сохранялась и была отнесена к местной судебной палате (как правило, палате уголовного суда). Министр юстиции граф В.Н. Панин признавал необходимым сохранить без изменения правила об участии совестных судей во всех тех делах, которые подлежат их разбирательству [17, л. 41 об.]. Уголовные дела, подведомственные совестному суду, рассматривались палатами уголовного суда под председательством совестного судьи с участием двух заседателей палаты, избранных тем сословием, к которому принадлежит подсудимый. Такие отдельные присутствия должны были согласовываться с председателем судебной палаты. Гражданские дела,

составляющие предмет совестного суда, должны были поступать в палаты гражданского суда. Так как действия совестного судьи по гражданским делам в основном состояли в примирении спорящих сторон, то министр юстиции Панин полагал для рассмотрения гражданских дел составлять отдельные присутствия в палате гражданского суда под председательством совестного судьи с участием двух заседателей от сословий. По общему согласию спорящих сторон было возможно рассмотрение гражданского дела одним совестным судьей [17, л. 44–45].

В отдельном пункте закона от 25 июня 1852 г. указывалось, что дворянству Самарской губернии предоставляется право избрать в должность совестного судьи кандидатов по установленному порядку, на общем основании [9]. На этот счет в министерстве юстиции полагали, что с упразднением Самарского совестного суда нет надобности замещать в нем должность совестного судьи чиновником от правительства. В этой связи, в том числе по причине сокращения расходов Государственного казначейства, министр юстиции признавал справедливым прекратить производимое Самарскому совестному судье жалованье, предоставив местному дворянству избирать в должность эту кандидатов по установленному правилу [17, л. 37–37 об.].

Заключение (выводы). Массовое упразднение части совестных судов Российской империи в 1852 г. в форме закрытия нельзя рассматривать, как решение Государственного совета, утвержденного Высочайше, без учета анализа предшествующих событий, связанных с регламентацией деятельности совестных судов, а также без учета сущности их судопроизводства, которая изначально в момент их учреждения Екатериной Великой в 1775 г. задумывалась как альтернатива формальному процессу.

В отличие от закрытия совестных судов в Астраханской (1828 г.),

Архангельской (1847 г.) и Олонецкой (1848 г.) губерниях упразднение 18-ти совестных судов в 1852 г. проходило по другому сценарию. В 1852 г. совестные суды, как самостоятельные судебные учреждения, закрывались. Однако должность совестного судьи сохранялась и была прикреплена к одной из местных судебных палат. Формально получалось так, что сам правовой институт совестного суда продолжал функционировать. Решение о его окончательном упразднении будет принято только в 1866 г. Вместе с тем важно заметить, что перемещение должности совестного судьи в судебную палату, не способствовало эффективному разбирательству дел, подлежащих совестному суду. Данное обстоятельство еще более приводило в упадок деятельность совестного судьи. О развитии данного института не приходилось говорить.

Закрытие 18-ти совестных судов в 1852 г. необходимо рассматривать, как один

из этапов их полного упразднения, как самостоятельных учреждений, (в условиях сложившейся политико-юридической обстановки) в 1828–1861 гг. Также необходимо отметить, что в начале 1850-х гг. министерство юстиции во главе с графом В.Н. Паниным не решалось на закрытие вообще всех совестных судов Российской империи. Данное обстоятельство может говорить о том, что в самом министерстве юстиции, Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а также в Государственном совете были противники подобных радикальных изменений дореформенной судебной системы России.

Мотивы к упразднению совестных судов необходимо искать в противоречиях двух философских политико-правовых систем: естественного права и юридического позитивизма. Основная цель руководства министерства юстиции в вопросе закрытия совестных судов в 1852 г. лежала в плоскости экономии бюджетных денег.

Список литературы

1. Амплеева Т.Ю. Совестный суд в системе местных судебных учреждений Екатерины Великой // *Право и государство: теория и практика*. № 4(40), 2008. С. 100–102.
2. Баранов Ю.В. Судебная практика Московского совестного суда (1782–1861 гг.) // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Юриспруденция. № 1, 2020. С. 67–73.
3. Воропанов В.А. Практика совестных судов на Урале и в Западной Сибири (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // *Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право*. № 2(11), 2010. С. 126–130.
4. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О порядке наполнения в Астраханской губернии мест, зависящих от выборов дворянства, и о присоединении дел совестного суда к палате уголовного и гражданского суда» от 8 июля 1828 г. // *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание II (далее – ПСЗ-II). Т. III. № 2138. СПб.: Типогр. II отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. С. 675–677.
5. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О новом штате С.-Петербургского совестного суда» от 5 ноября 1847 г. // ПСЗ-II. Т. XXII. Отд. I. № 21684. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1848. С. 837–838.
6. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О закрытии Архангельского совестного суда и о передаче дел его в Архангельскую Палату уголовного и гражданского суда» от 24 ноября 1847 г. // ПСЗ-II. Т. XXII. Отд. 1. № 21730. СПб.: Типогр. II отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1848. С. 862–863.
7. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О временных штатах совестных судов» от 3 мая 1848 г. // ПСЗ-II. Т. XXIII. Отд. I. № 22232. Санкт-

Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1849. С. 284–285.

8. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О закрытии Олонецкого Совестного суда и о передаче дел онаго в тамошнюю Палату уголовного и гражданского суда» от 29 ноября 1848 г. // ПСЗ-II. Т. XXIII. Отд. II. № 22768. СПб.: Типогр. II отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1849. С. 57–58.

9. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О штатах совестных судов» от 25 июня 1852 г. // ПСЗ-II. Т. XXVII. Отд. I. № 26396. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1853. С. 434–436.

10. Илюхина В.А., Агафонов С.Ю. Институт совестного суда в Российской империи (1775–1852) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. № 1, 2024. С. 23–32.

11. Именной, данный Сенату «О образовании на левом берегу Волги новой Самарской губернии» от 6 декабря 1850 г. // ПСЗ-II. Т. XXV. Отд. II. № 24708. СПб.: Типогр. II отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1851. С. 279.

12. Мхитарян Л.Ю. Деятельность совестных судов в дореволюционной России (на примере Пермской губернии) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. № 1(23), 2014. С. 37–43.

13. Подлесных С.Н. Астраханский совестный суд: история присоединения к палате уголовного и гражданского суда (1828 год) // Кавказология. № 4, 2024. С. 27–40.

14. Подлесных С.Н. Совестные суды в Российской империи как альтернатива формальному судопроизводству: 1775–1866 годы // Научный диалог. Т. 13, № 10, 2024. С. 445–462.

15. Разумов Е.В. Становление системы совестных судов в Российской империи. // Вестник Чувашского университета. № 3, 2014. С. 286–288.

16. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1149. Оп. 3 1847. Д. 76.

17. РГИА. Ф. 1149. Оп. 4 1852. Д. 48.

18. РГИА. Ф. 1152. Оп. 4 1852. Д. 113.

19. РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 2.

20. РГИА. Ф. 1286. Оп. 8. Д. 1071.

21. РГИА. Ф. 1286. Оп. 13. Д. 440.

22. Самсонов А.А. Новгородский совестный суд // История государства и права. № 6, 2015. С. 42–47.

23. Семиошина А.С., Ковалев В.А. Выдающийся творец российской юридической системы второй половины XIX века В.П. Бутков // Юридическая наука: история и современность. № 3, 2022. С. 156–162.

24. Сорокин А.И. Реформа государственных финансов российской империи в начале XIX века // Финансы и кредит. № 28 (508), 2012. С. 68–76.

25. Старикова Н.В. Совестный суд в судебной системе Екатерины II (по материалам Нижегородской губернии) // Вестник Мининского университета. № 4(4), 2013. С. 6.

26. Суздалева Т.Р., Федоров К.В. Противник судебной реформы 1864 г. В.Н. Панин // Гуманитарный вестник. № 1(27), 2015. С. 1–11.

27. Тур В.Г. Учреждение и значение совестных судов в Российской империи. В кн.: Вопросы развития государства и права: теория, история и практика: Сб. науч. статей по материалам Всерос. науч.-практ. конференции (к 100-летию Верховного Суда РФ), Симферополь, 09 ноября 2022 г. / Ред.-сост. В.Г. Тур. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2023. С. 191–196.

CLOSURE OF CONSCIENTIFIC COURTS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN 1852

The article, based on unpublished archival material from the funds of the Russian State Historical Archive, examines the history of the closure of conscientious courts of the Russian Empire in 1852. The main reason for the closure of conscientious courts in 18 provinces in 1852 was a formal reason - the number of litigation cases being conducted in judicial institutions. The motives for the abolition of conscientious courts in 1852 must be sought in the contradictions of two philosophical political and legal systems: natural law and legal positivism. Archival sources show that in accordance with the law of June 25, 1852, with the highest approval, conscientious courts were closed in 18 provinces of the Russian Empire, where the number of cases in progress during the year did not exceed 50. It is emphasized that, unlike the closure of conscientious courts in the Astrakhan (1828), Arkhangelsk (1847) and Olonetsk (1848) provinces, the abolition of 18 conscientious courts in 1852 took place according to a different scenario. In 1852, conscientious courts, as independent judicial institutions, were closed. However, the position of conscientious judge was retained and was attached to one of the local judicial chambers. Particular attention is paid to the analysis of the purpose of the reorganization of conscientious courts, which lies in the plane of saving budget funds.

Keywords: court of conscience, closure of courts of conscience, judicial system, pre-reform court, Ministry of Justice, V.N. Panin, Russian Empire.

References

1. Ampleeva T.Ju. (2008). Sovestnyj sud v sisteme mestnyh sudebnyh uchrezhdenij Ekateriny Velikoj [The court of conscience in the system of local judicial institutions of Catherine the Great] *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika*. № 4(40). Pp. 100–102.

2. Baranov Ju.V. (2020). Sudebnaja praktika Moskovskogo sovestnogo suda (1782–1861 gg.) [Judicial practice of the Moscow Court of Conscience (1782–1861)] *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Jurisprudencija*. № 1. Pp. 67–73.

3. Voropanov V.A. (2010). Praktika sovestnyh sudov na Urale i v Zapadnoj Sibiri (konec XVIII – pervaja polovina XIX vv.) [Practice of joint courts in the Urals and Western Siberia (late 18th – first half of the 19th centuries)] *Nauchnyj vestnik Ural'skoj akademii gosudarstvennoj sluzhby: politologija, jekonomika, sociologija, pravo*. № 2(11). Pp. 126–130.

4. Vysochajshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta «O porjadke napolneniya v Astrahanskoj gubernii mest, zavisyashchih ot vyborov dvoryanstva, i o prisoedenii del sovestnogo suda k palate ugolovnogo i grazhdanskogo suda» ot 8 iyulya 1828 g. (1830). [The opinion of the State Council "On the procedure for filling the positions in the Astrakhan province that depend on the nobility's elections, and on the addition of the affairs of the local court to the chambers of criminal and civil courts" dated July 8, 1828] *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie II (dalee – PSZ-II)*. T. III. № 2138. SPb.: Tipogr. II otd. Sobstv. E.I.V. Kancelyarii. Pp. 675–677.

5. Vysochajshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta «O novom shtate S.-Peterburgskogo sovestnogo suda» ot 5 noyabrya 1847 g. (1848). [Vysochajshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta "about the new shtate S.-Peterburgskogo sovestnogo suda" ot 5 noyabrya 1847 g.] *PSZ-II*. T. XXII. Otd. I. № 21684. Sankt-Peterburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. Pp. 837–838.

6. Vysochajshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta «O zakrytii Arhangel'skogo sovestnogo suda i o peredache del ego v Arhangel'skuyu Palatu ugolovnogo i grazhdanskogo suda» ot 24 noyabrya 1847 g. (1848). [Vysochajshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta "O za mykrytii Arhangel's mykogo sovestnogo suda I O peredache del ego V Arhangel's Mykuyu Palatu ugolovnogo I grazhdans mykogo suda" ot 24 noyabrya 1847 g.] *PSZ-II*. T. XXII. Otd. 1. № 21730. SPb.: Tipogr. II otd. Sobstv. E.I.V. Kancelyarii. Pp. 862–863.

7. Vysochajshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta «O vremennyh shtatah sovestnyh sudov» ot 3 maya 1848 g. (1849). [Vysochajshe utverzhdennoe mnenie

Gosudarstvennogo soveta "about vremennyh shtatah sovestnyh barrels" ot 3 May 1848 g.] *PSZ-II*. T. XXIII. Otd. I. № 22232. Sankt-Peterburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. Pp. 284–285.

8. Vysochajshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta «O zakrytii Oloneckogo Sovestnogo suda i o peredache del onago v tamoshnyuyu Palatu ugolovnogogo i grazhdanskogo suda» ot 29 noyabrya 1848 g. (1849). [Vysochajshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta "O zakrytii olonek Sovestnogo suda I O peredache del onago v tamoshnyuyu Palatu ugolovnogogo I grazhdans mykogo suda " ot 29 noyabrya 1848 g.] *PSZ-II*. T. XXIII. Otd. II. № 22768. SPb.: Tipogr. II otd. Sobstv. E.I.V. Kancelyarii, 1849. Pp. 57–58.

9. Vysochajshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta «O shtatah sovestnyh sudov» ot 25 iyunya 1852 g. (1853). [Vysochajshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta "O shtatah sovestnyh sudov" ot 25 iyunya 1852 g.] *PSZ-II*. T. XXVII. Otd. I. № 26396. Sankt-Peterburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. Pp. 434–436.

10. Iljuhina V.A., Agafonov S.Ju. (2024). Institut sovestnogo suda v Rossijskoj imperii (1775–1852) [The Institute of the Court of Conscience in the Russian Empire (1775–1852)] *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs*. № 1. Pp. 23–32.

11. Imennoj, dannyj Senatu «O obrazovanii na levom beregu Volgi novoj Samarskoj gubernii» ot 6 dekabrya 1850 g. (1851). ["On education on the left BEREG of the Volga new Samara governorate" from 6 dekabrya, 1850.] *PSZ-II*. T. XXV. Otd. II. № 24708. SPb.: Tipogr. II otd. Sobstv. E.I.V. Kancelyarii. Pp. 279.

12. Mhitarjan L.Ju. (2014). Dejatel'nost' sovestnyh sudov v dorevoljucionnoj Rossii (na primere Permskoj gubernii) [The activities of conscientious courts in pre-revolutionary Russia (using the example of Perm province)] *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki*. № 1(23). Pp. 37–43.

13. Podlesnyh S.N. (2024). Astrahanskij sovestnyj sud: istorija prisoedinenija k palate ugolovnogogo i grazhdanskogo suda (1828 god) [Astrakhan Court of Conscience: history of joining the chamber of criminal and civil courts (1828)] *Kavkazologija*. № 4. Pp. 27–40.

14. Podlesnyh S.N. (2024). Sovestnye sudy v Rossijskoj imperii kak al'ternativa formal'nomu sudoproizvodstvu: 1775-1866 gody [Conscientious courts in the Russian Empire as an alternative to formal legal proceedings: 1775-1866] *Nauchnyj dialog*. Vol. 13, № 10. Pp. 445–462.

15. Razumov E.V. (2014). Stanovlenie sistemy sovestnyh sudov v Rossijskoj imperii [The formation of the system of conscientious courts in the Russian Empire] *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. № 3. Pp. 286–288.

16. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (dalee – RGIA). F. 1149. Op. 3 1847. D. 76.

17. RGIA. F. 1149. Op. 4 1852. D. 48.

18. RGIA. F. 1152. Op. 4 1852. D. 113.

19. RGIA. F. 1250. Op. 2. D. 2.

20. RGIA. F. 1286. Op. 8. D. 1071.

21. RGIA. F. 1286. Op. 13. D. 440.

22. Samsonov A.A. (2015). Novgorodskij sovestnyj sud [Novgorod Court of Conscience] *Istorija gosudarstva i prava*. № 6. Pp. 42–47.

23. Semioshina A.S., Kovalev V.A. (2022). Vydajushhijsja tvorec rossijskoj juridicheskoj sistemy vtoroj poloviny XIX veka V.P. Butkov [The outstanding creator of the Russian legal system of the second half of the 19th century V.P. Butkov] *Juridicheskaja nauka: istorija i sovremennost'*. № 3. Pp. 156–162.

24. Sorokin A.I. (2012). Reforma gosudarstvennyh finansov rossijskoj imperii v nachale XIX veka [Reform of state finances of the Russian Empire in the early 19th century] *Finansy i kredit*. № 28 (508). Pp. 68–76.

25. Starikova N.V. (2013). Sovestnyj sud v sudebnoj sisteme Ekateriny II (po materialam Nizhegorodskoj gubernii) [The court of conscience in the judicial system of Catherine II (based on materials from the Nizhny Novgorod province)] *Vestnik Mininskogo universiteta*. № 4(4). P. 6.

26. Suzdaleva T.R., Fedorov K.V. (2015). Protivnik sudebnoj reformy 1864 g. V.N. Panin [Opponent of the judicial reform of 1864 V.N. Panin] *Gumanitarnyj vestnik*. № 1(27). Pp. 1–11.

27. Tur V.G. (2023). Uchrezhdenie i znachenie sovestnyh sudov v Rossijskoj imperii. [The establishment and significance of courts of conscience in the Russian Empire] V kn.: Voprosy razvitiya gosudarstva i prava: teorija, istorija i praktika: Sb. nauch. statej po materialam Vseros. nauch.-prakt. konferencii (k 100-letiju Verhovnogo Suda RF) [Issues of development of the state and law: theory, history and practice: Collection of scientific articles based on materials of the All-Russian scientific and practical conference (for the 100th anniversary of the Supreme Court of the Russian Federation)], Simferopol', 09 nojabrja 2022 g. / Red.-sost. V.G. Tur. Simferopol': ООО «Izdatel'stvo Tipografija «Arial». Pp. 191–196.

Об авторе

Подлесных Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова (Россия), E-mail: agera3@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2613-5777>.

Podlesnykh Sergey Nikolaevich – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Voronezh State Forest Engineering University named after G.F. Morozov (Russia), E-mail: agera3@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2613-5777>.

УДК 94(73)"1862"

Прилуцкий В.В., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ДЖОЗЕФ МОРРИС И МОРРИСИТСКАЯ ВОЙНА 1862 ГОДА

В статье рассматривается выступление морриситов – религиозного эсхатологического движения начала 1860-х гг. на западных территориях США. Оно было направлено против Мормонской церкви (Церкви Иисуса Христа Святых последних дней) и теократического правления ее пророка-президента Бригама Янга (1801-1877). Трагические события в Северной Юте были связаны с крупнейшим расколом в Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, вызванным деятельностью Джозефа Морриса (1822/1824-1862). Моррис провозгласил себя в 1857 г. новым пророком, а в 1860 г. – седьмым ангелом из Откровения Иоанна Богослова. Он создал «Церковь Первенца» и собрал до 1 тыс. последователей. Возникновение новой религиозной группы происходило в условиях «мормонской реформации» (1856-1858 гг.) – духовного «пробуждения» или «возрождения» на колонизируемых «святыми последних дней» (мормонами) землях Запада США. В результате вооруженного столкновения 13-15 июня 1862 г. между сторонниками Морриса и милицией территории Юта были жертвы с обеих сторон. Насилие являлось характерной особенностью периода колонизации американского Дальнего Запада – так называемой «эпохи пионеров» (т.е. первопоселенцев). Серия столкновений и «малых войн» между «святыми последних дней» и их противниками продолжалась полвека (1833-1884 гг.). Вооруженный конфликт мормонов-бригамитов и раскольников-морриситов являлся частью «Мормонских войн». Морриситская война – одно из наиболее значимых и ярких событий в истории штата Юта. В исторической памяти американцев оно осталось как одно из свидетельств «тирании Бригама Янга» в Юте. Убийство вождей морриситов и нескольких рядовых членов общины стало одним из наиболее известных преступлений мормонов в XIX в., которое иногда сопоставляли по значению с резней переселенцев в Маунтин-Медоуз (сентябрь 1857 г.). Беженцы-морриситы из Юты сыграли определенную роль в освоении западных территорий Америки: Айдахо, Монтаны, Калифорнии, Невады, Небраски, Вашингтона. Тема является практически неисследованной в отечественной историографии.

Ключевые слова: история религиозных движений в США в новое время, мормоны, морриситы, Морриситская война, Джозеф Моррис, Бригам Янг.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-02-59-68

Введение. Отечественные читатели впервые узнали о морриситах в 1872 г., когда в Санкт-Петербурге была опубликована книга 1870 г. американского журналиста Джона Хэнсона Бидла (1840-1897), содержащая критику мормонизма [1, с. 313-324]. Впоследствии о данной религиозной группе упоминалось в первом издании на русском языке 1981 г. (переиздан в 1985 г.) романа американского писателя Ирвинга Стоуна (1903-1989) «Достойные моих гор. Открытие Дальнего Запада. 1840-1900» (1956 г.) [2, с. 375-377]. И. Стоун, опираясь на документы, в художественной форме описал историю колонизации американских западных территорий и деятельность

на фронтире (границе, зоне освоения западных земель) отважных и предприимчивых пионеров и скваттеров (поселенцев). В книге И. Стоуна кратко рассмотрено восстание морриситов в Юте в 1862 г.

Важными источниками по истории движения морриситов является значительная по объему книга откровений Джозефа Морриса, изданная его последователями в Калифорнии в 1886 г., которой исследователи не уделяли должного внимания, и периодическая печать Юты изучаемой эпохи [7; 10]. В американской историографии единственной монографией, посвященной Джозефу Моррису и морриситам, является книга С. Лероя Андерсона «Ведь Христос

придет завтра: сага о морриситах» (переиздавалась с дополнениями в 1988 г. и 2010 г.) [4; 5]. Но в данной работе не нашла отражения биография «пророка» до 1857 г., и даже не были указаны время и место его рождения. Представляют интерес также научные статьи американских историков о движении морриситов [6; 8].

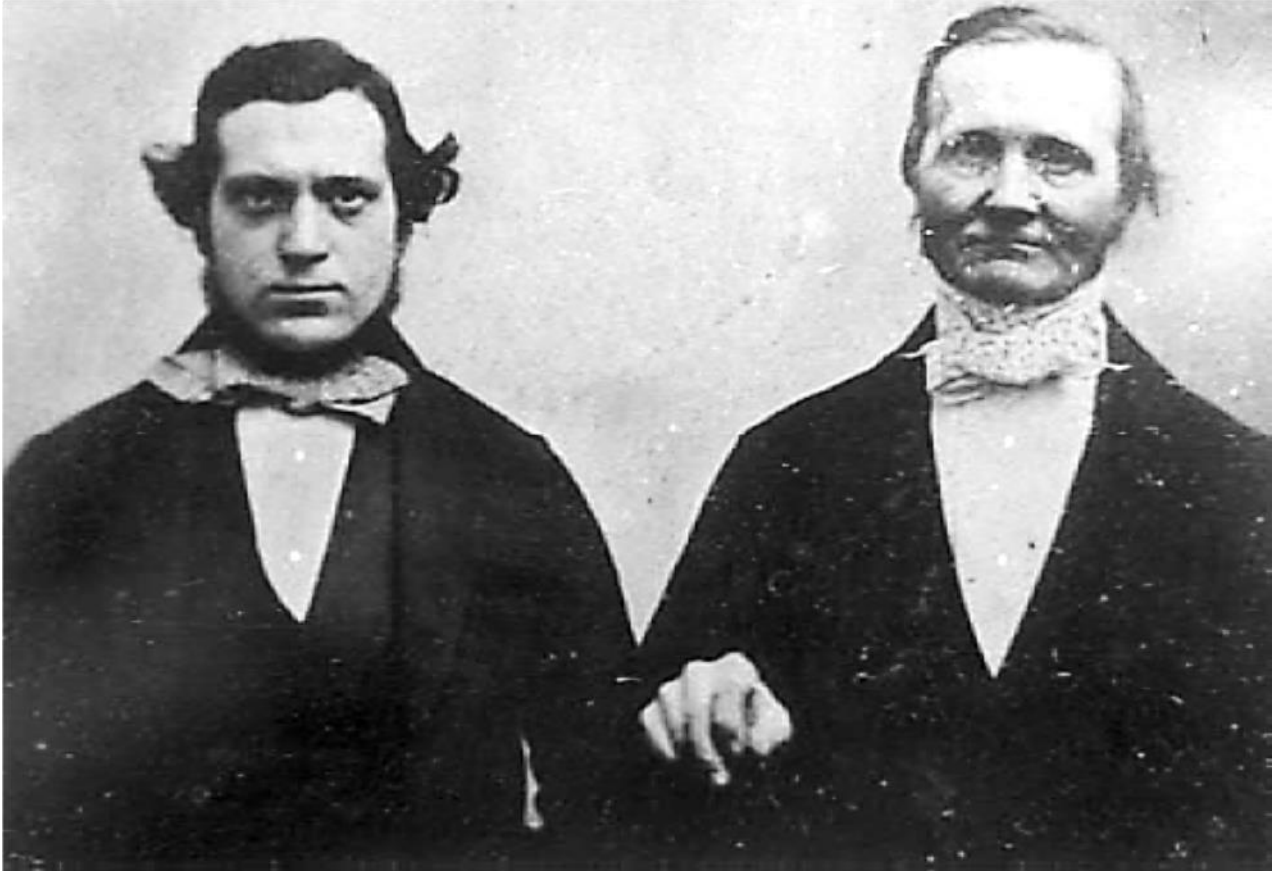
Джозеф Моррис родился в период между 1822 г. и 1824 г. в деревне Бёрвардсли в графстве Чешир в северо-западной Англии на границе с Уэльсом. Он был 5-м ребенком из 8 детей в семье. В юности работал на ферме и в шахте. Моррис был невысокого роста – не выше 5 футов 6 дюймов (167-168 см.), но его тело было подтянутым и мускулистым. У Морриса были темные глаза и длинные черные волосы, которые резко контрастировали с его светлой кожей, отличавшейся особенной белизной. Необычный внешний вид способствовал харизме будущего пророка. Несмотря на то, что в обычной жизни Моррис был застенчивым и сдержанным, он становился страстным, эмоциональным и откровенным, когда выражал свои глубокие внутренние убеждения. В возрасте 23-х лет Моррис был обращен в мормонизм (около 1848 г.). Вскоре он женился на Мэри Торп и впоследствии покинул Англию вместе с женой (в период между 1848 г. и 1851 г.). Однако семейная пара сразу не переехала в Юту, а жила около 2-х лет в г. Сент-Луис (штат Миссури). Моррис работал кочегаром на судне, курсировавшем по реке Миссисипи. Затем он с женой и единственным ребенком переехал в г. Питтсбург (штат Пенсильвания), где на некоторое время служил президентом местной мормонской общины. Но вскоре был вынужден покинуть занимаемую должность, вероятно, из-за недовольства прихожан его «странными» учениями. Наконец, осенью 1853 г. Моррис с семьей прибыл в Юту, где временно поселился в доме своего родного брата Джорджа в г. Солт-Лейк-Сити. Спустя полгода он перебрался в Центральную Юту – в округ Санпит, где в

г. Эфраим поселился с женой у ее брата. Спустя несколько месяцев жена (которую поддержал епископ прихода) ушла от него, забрав с собой ребенка и все вещи. В 1855 г. Моррис женился второй раз – на вдове Элизабет Миллс, но этот брак продлился всего лишь полгода. Весной 1857 г. будущий пророк переехал в г. Прово в северной части Юты, где женился в третий раз – на Элизабет Джонс. Ситуация в Юте в 1857 г. была тяжелой, связанной с засухой, массовым падежом скота, нашествием вредителей сельскохозяйственных растений – сверчков и саранчи. В это время в Юте проживало более 40 тыс. мормонов, многие из которых были иммигрантами из стран Западной Европы.

В 1856-1858 гг. на мормонских территориях происходил ривайвел – религиозное оживление, духовный подъем, сопровождавшийся высоким эмоциональным воодушевлением, доходившим иногда до крайностей. Осуществлялась организованная во многом по инициативе Бригама Янга «мормонская реформация». Моррис активно включился в данный процесс и стал известным учителем, выступавшим со страстными проповедями, в которых обличал зло, которое он видел рядом с собой. Наибольшее неприятие у него вызывала полигамия «святых последних дней», о существовании которой он не знал до переезда в Юту в 1853 г. Вскоре возник конфликт с президентом церковного округа, по совету которого третья жена бросила Морриса, поступив также, как это сделали две предыдущие. (Интересно, что его четвертая жена начала 1860-х гг. – датчанка также конфликтовала с ним). От него отвернулись местные епископы и члены прихода. Морально подавленный Моррис оказался в одиночестве и полном отчаянии. Он искал утешения в молитве, за что получил прозвище «Молящийся Джо». Но эти долгие молитвы были особенными. Весной 1857 г. в г. Прово Моррис начал получать «откровения» от Бога. Ему было открыто, что он якобы был «избран еще до основания мира,

чтобы стать могущественным человеком, чтобы быть пророком в Израиле»: «...И будешь ты пророчествовать многим народам и племенам, и царям, и языкам. Да, Я говорю тебе, что горы содрогнутся от звука

голоса твоего; и люди будут искать тебя, чтобы покончить с твоей жизнью, и будут жаждать крови твоей, как вол жаждет воды; но не смогут погубить тебя, прежде чем дело твое совершится» [9, р.9].

Рис. 1. Единственная известная фотография Джозефа Морриса (на фото – слева), сделанная в Англии в 1840-е гг., до его иммиграции в США. Справа – его старший брат Уильям, который переехал в США после Джозефа (Anderson C.L. Joseph Morris: and the Saga of the Morrisites (Revisited). Logan, Utah, 2010. P. 118).

Вдохновленный полученным духовным опытом, Моррис написал несколько писем Бригаму Янгу, на которые последний не ответил [9, р. 663-669]. В 1860 г. получил известность как пророк и обрел первых сторонников, недовольных руководством Мормонской церкви. В феврале 1861 г. он и его сторонники были отлучены за «отступничество». Моррис, вероятно, является самым плодовитым на откровения пророком за всю историю движения «святых последних дней». В период с весны 1857 г. и вплоть до своей смерти 15 июня 1862 г. он стал автором 304 «канонических» откровений, а также еще 16 дополнительных откровений, пророчеств, статей, писем и толкований библейских текстов. Некоторое время Моррис

проживал в поселке Слейтервилл (в наши дни – г. Марриотт-Слейтервилл) в округе Уйбер (Вебер) с административным центром г. Огден на севере Юты. Впоследствии обосновался в небольшом поселении Саут-Уйбер в соседнем округе Дэвис и призвал «святых» и «праведных» переезжать к нему [9, р. 91-93]. Со всех частей Юты последователи съезжались в Саут-Уйбер – в заброшенный в 1858 г. форт Кингтон на реке Уйбер, который стал их пристанищем [11]. Большинство морриситов являлись иммигрантами из стран Скандинавии, включая Исландию (в основном они были выходцами из Дании). Значительную группу среди них составляли также переселенцы из Англии. Иммигранты оказались в непривычных для

них природных и социальных условиях США, не знали местных законов, не знали английского языка. Некоторых переселенцев из Европы шокировало многоженство мормонов, о существовании которого до переезда в Юту они не подозревали. Произошедший раскол серьезно обеспокоил верхушку Мормонской церкви.

Объекты и методы исследования.

В отечественной исторической науке тема данной статьи является практически неисследованной. В зарубежной (американской) историографии некоторые значимые аспекты деятельности Джозефа Морриса и морриситов остаются недостаточно изученными. Объектом исследования является религиозная ситуация на колонизируемом Западе США (территория Юта) в 1860-е гг. Предмет изучения – Морриситская война (июнь 1862 г.).

Морриситов («Церковь Первенца») следует отнести к религиозному движению миллениаристского типа. Данная группа ожидала скорого пришествия Иисуса Христа и наступления «конца времен», «Тысячелетнего Царства», т.е. «счастливого будущего», «золотого века». «Церковь Первенца» официально была учреждена 6 апреля 1861 г. Этот апокалиптический культ получил распространение преимущественно в северной части Юты. К нему присоединились недовольные мормонской теократией и установленными в Юте Бригамом Янгом порядками. Морриситы в своих религиозных взглядах и обрядах были очень похожи на ранних «святых последних дней» эпохи Джозефа Смита-младшего (1830-1844 гг.) и мормонов-странгитов (последователей пророка Джеймса Стрэнга, 1844-1856 гг.). Вооруженное столкновение между раскольниками-морриситами и теократическим мормонским квазигосударством в Юте было неизбежным. Западные территории США в XIX в. отличал высокий уровень насилия. Несмотря на то, что выступление сторонников Джозефа Морриса произошло в условиях Гражданской войны (1861-1865

гг.), об этом событии написали газеты не только Севера, но и Юга. Американские публицисты и ученые в отношении Морриситской войны использовали следующие понятия: «восстание морриситов», «вооруженный конфликт», «инцидент», «сражение территориальной милиции, состоявшей из мормонов-бригамитов, с мормонами-морриситами».

Теоретико-методологическая основа исследования сформирована на базе принципов историзма, объективности, историко-генетического, проблемно-хронологического и сравнительно-исторического методов исследования.

Результаты и их обсуждение. Обосновавшиеся в поселении Саут-Уйбер и форте Кингтон на стыке округов Дэвис и Уйбер до 500 сторонников Морриса обобществили имущество в соответствии с «законом посвящения», установленным Джозефом Смитом в откровении 9 февраля и в мае 1831 г. [3]. Морриситы вынуждены были находиться в оборонительной позиции. Происходили постоянные стычки и даже перестрелки с соседями-мормонами. Имела место также взаимная кража скота. Община морриситов испытывала нехватку продуктов питания. Некоторые люди разочаровались в пророчествах Джозефа Морриса о скором пришествии Христа (которое никак не наступало) и уходили. Трое мужчин – бывших членов общины захватили повозку с пшеницей, принадлежавшую морриситам. Но вскоре они были задержаны сторонниками Морриса и содержались под арестом в хижине. Одному из пленников удалось сбежать. Жены двух других обратились в суд, который 24 мая 1862 г. вынес решение о необходимости освобождения незаконно удерживаемых граждан. Лидеры морриситов отказались выполнять решение суда. Руководство Мормонской церкви решило воспользоваться ситуацией и разгромить раскольников [4, р. 101-114].

В июне 1862 г. главный судья Юты обратился к исполняющему обязанности

губернатора территории Фрэнку Фуллеру с просьбой о мобилизации «окружного отряда» (лат. *posse comitatus*) для «пресечения беззакония» и «защиты правопорядка». Были приведены в боевую готовность 200 пехотинцев и артиллеристов территориальной милиции (ополчения) Юты. Мормоны рассматривали морриситов как «мятежников» и «бандитов» и стремились к аресту их лидеров. Возглавлял отряд полковник территориальной милиции мормон Роберт Т. Бёртон (Бёртон) (1921-1907), который также являлся заместителем маршала территории Юта. Будучи уроженцем Верхней Канады, он присоединился к «святым последних дней» в 1838 г. Участвовал в вооруженных стычках с антимормонами в районе г. Наву в 1844-1846 гг., в нескольких экспедициях против индейцев, в Ютской войне 1857-1858 гг. против федеральных войск. Отличался воинственностью и агрессивным поведением в бою. Накануне столкновения с морриситами в начале мая 1862 г. он возглавил отряд ополченцев, осуществивших вылазку против индейцев на юго-западе современного штата Вайоминг в районе реки Грин-Ривер. Маршал Юты отказался участвовать в военной операции против морриситов, поэтому вся ответственность за нее легла на Бёртона. 12 июня 1862 г. отряд Бёртона выступил из столицы Юты – г. Солт-Лейк-Сити на север к заброшенному форту, где укрылись морриситы. Ему предстояло пройти 30 миль (48 км.). По пути следования к нему присоединились многочисленные добровольцы – мормонские ополченцы из округа Дэвис и г. Огден. В итоге численность отряда достигла 1 тыс. чел. Утром 13 июня 1862 г. территориальная милиция Юты окружила лагерь сторонников Морриса в Саут-Уибере. На возвышенностях на юго-западе ополченцы разместили пушки. Бёртон надеялся, что подобная демонстрация силы заставит Морриса подчиниться. Он отправил сообщение в лагерь морриситов через пастуха -

члена общины Морриса с требованием сдаться в течение получаса.

Картину произошедших событий в лагере морриситов оказалось невозможным выяснить в деталях, поскольку материалы судебных процессов изобиливали противоречивыми показаниями участников и свидетелей. Известно, что осада ополченцами убежища отделившихся «святых» продолжалась 3 дня. Сразу после получения прокламации от Бёртона Моррис уединился и попросил Господа о «правильном поступке». Ему было дано «откровение», напоминающее несколько предыдущих, согласно которому Бог якобы даровал «абсолютную безопасность для своего народа» и уничтожение врагов «в нужный момент» [9, р. 626-632]. Руководство морриситов решило собрать общину и зачитать текст откровения. По сигналу горна прихожане покинули свои дома и собрались на короткую молитву. Затем Джон Парсонс прочитал текст откровения, а Ричард Кук начал подробно раскрывать его значение. Но его речь была прервана грохотом выстрелов из артиллерийских орудий с горных склонов. Пушечное ядро убило двух женщин и раздробило нижнюю челюсть третьей женщине. Собравшиеся разбежались по своим домам и приготовились к обороне. Морриситы были плохо вооружены. Только немногие из них имели ружья и дробовики. Некоторое время пушечный огонь сотрясал окрестности, но вскоре у мормонской милиции закончились ядра. В тот же день начался дождь, продолжался всю ночь и весь следующий день, усиливая настроение отчаяния среди морриситов, ожидавших скорого второго пришествия Христа и «быстрого спасения». Третий день осады (воскресенье, 15 июня 1862 г.) выдался ясным и солнечным. Но утреннюю тишину разорвали крики и ружейные выстрелы. Ополченцы толкали к форту повозки, груженные ветками и досками. Стрелки укрывались за этим своеобразным «щитом». Морриситы, измученные долгой осадой, подняли белый флаг и объявили о

капитуляции. Бёртон во главе группы бойцов первым вошел в лагерь и потребовал сдаться. Возникла перестрелка, в ходе которой были убиты Джозеф Моррис и, по меньшей мере, еще две женщины. Один из лидеров морриситов, ближайший советник Морриса Джон Бэнкс (1806-1862), выходец из Англии, в прошлом известный мормонский проповедник и миссионер, был смертельно ранен и умер ночью [12]. Возникла суматоха, женщины и дети закричали, толпа бросилась в укрытия. В разных источниках приводится различное количество погибших с обеих сторон (от 9 до 11 чел.). Как правило, говорится о 8 убитых морриситах и 1 или 2 бойцах мормонской милиции. Бёртон восстановил порядок, взял в плен 90 чел. (все они подозревались во владении оружием и в вооруженном сопротивлении), накормил их и дал возможность отдохнуть в течение ночи. Утром 16 июня 1862 г. ополченцы и пленные отправились в двухдневный путь в г. Солт-Лейк-Сити. Тела Джозефа Морриса и Джона Бэнкса погрузили на повозку и привезли в столицу территории для опознания и последующего захоронения вечером 17 июня 1862 г. [4, p. 127-145]. Тела Морриса и его помощника Бэнкса были выставлены на всеобщее обозрение в здании мэрии Солт-Лейк-Сити. Мантия, корона и жезл «пророка» были положены рядом с ним. Также были выставлены другие церемониальные предметы морриситов. В наши дни в мормонском Музее церковной истории в Солт-Лейк-Сити хранятся 3 из 12 полутораметровых скипетров морриситов, символизировавшие двенадцать колен Израилевых [5, p. 116-117]. Часть «святых последних дней» видела в гибели Морриса справедливое наказание того, кто «вознамерился учить ереси в Сионе и противостоять помазаннику Господа». Для тысяч мормонов Моррис стал объектом не только презрения, но и любопытства [4, p. 144-145].

В старейшей газете территории Юта «Deseret News» (выходила в свет с июня 1850 г.), принадлежавшей «Церкви Иисуса Христа Святых последних дней»

(мормонов), данные события характеризовались как борьба с «беззаконниками», «преступниками», опасными «мятежниками», «повстанцами», бандитами и разбойниками. Морриситы «тщательно подготавливались к обороне, и открыли огонь по отряду (ополченцев), убив двух молодых людей». «Лагерь инсургентов» «отчаянно сопротивлялся в течение 3-х дней, прежде чем сдаться, а несколько преступников» (включая «главных лидеров банды Морриса и Бэнкса») «были убиты». При этом журналисты-мормоны скрывали, что погибли женщины, а также ни слова не сообщали о новом религиозном культе и его пророке Моррисе. Они писали о том, что данное «кровавое происшествие» являлось «первым вооруженным сопротивлением закону, которое было оказано на территории Юты» [7]. Действия милиции характеризовались как абсолютно законные, поскольку она выполняла судебное решение. Мормоны оценивали в июне 1862 г. Морриситскую войну как «вооруженное сопротивление организованной банды отчаянных головорезов законам территории, которое было подавлено». В результате «справедливость восторжествовала» [10].

Спустя почти год после вооруженного столкновения в марте 1863 г. состоялся судебный процесс над морриситами. Суд приговорил 7 морриситов за убийство 2-х ополченцев к тюремному заключению на срок от 5 до 15 лет (в условиях Дальнего Запада в рассматриваемую эпоху это означало почти смертный приговор). Других 66 арестованных сторонников Морриса были осуждены за сопротивление аресту и оштрафованы каждый на 100 долл. Но губернатор Юты (1862-1863 гг.) Стивен Селвин Хардинг (1808-1891), в прошлом абolicционист, радикальный республиканец – противник полигамии мормонов, посчитал приговор несправедливым и помиловал спустя несколько дней всех осужденных. Данное решение привело к конфликту Хардинга с мормонской общиной Юты. В июне 1863 г. под давлением

мормонов он вынужден был оставить пост губернатора. Полковник Бёртон был обвинен в убийстве морриситов лишь в 1870 г., но суд над ним состоялся только в 1879 г., спустя 17 лет после трагедии. Судебное

разбирательство продолжалось 2 недели. Присяжные, среди которых было примерно равное число мормонов и немормонов, обсуждали вопрос 2 дня, и в итоге вынесли вердикт: «невиновен».

Рис. 2. Скипетры морриситов (Anderson C.L. Joseph Morris: and the Saga of the Morrisites (Revisited). Logan, Utah, 2010. P. 116-117).

Вооруженное насилие в отношении морриситов стало возможным из-за того, что мормоны на некоторое время в 1861-1862 гг. де-факто установили полный контроль над территорией Юта. Произошло это в связи с тем, что с началом Гражданской войны (1861-1865 гг.) федеральные войска вынуждены были в первой половине 1861 г. покинуть мормонский регион. Только в августе 1862 г. был

учрежден военный округ Юта, включавший территории современных штатов Юта, Айдахо и Невада. Здесь впоследствии для борьбы с индейцами разместились подразделения 3-х кавалерийских полков, 1 пехотного полка и 1 кавалерийского батальона. В октябре 1862 г. 3-й калифорнийский пехотный добровольческий полк (штатной численностью около 1 тыс. чел.) расположился в лагере Дуглас

в 5 км. от г. Солт-Лейк-Сити. Его задачей было предотвращение возможного вооруженного восстания мормонов и психологическое давление на их церковное руководство. Однако, несмотря на подписанный 1 июля 1862 г. президентом Авраамом Линкольном Акт Моррилла против двоеженства, у правительства США еще в течение четверти века не было реальных возможностей и ресурсов для борьбы с мормонским квазигосударством. Полковник армии США Патрик Эдвард Коннор (1820–1891) помогал морриситам. Он укрыл их в военном лагере Дуглас в Юте (морриситы помогали его строить). Впоследствии в мае 1863 г. Коннор способствовал их переселению под охраной солдат за пределы мормонской территории.

Для большинства сторонников Морриса после конфликта самой насущной проблемой являлся поиск работы, чтобы обеспечить себе средства для жизни [5, р. 156-157]. Исход морриситов из Юты был связан преимущественно с экономическими причинами, со скудостью водных ресурсов на территории, дефицитом пригодных пахотных земель, неразвитой промышленностью и наличием враждебно настроенного населения. Большой караван с поселенцами-морриситами отправился в район г. Карсон-Сити (столица территории Невада), где были обнаружены залежи серебра и золота. Второй караван двинулся в окрестности г. Сода-Спрингс (территория Айдахо), где была основана колония Морристаун. Морриситы рассеялись по Дальнему Западу США. Но впоследствии большая их часть обосновалась в долине Дир-Лодж в Монтане, где они сохраняли свою идентичность на протяжении 3-х поколений. Морриситы занимались сельским хозяйством, скотоводством и уже никогда не пытались возродить «закон посвящения» [5, р. 163-164]. Данная религиозная община исчезла в середине XX в., поскольку потомки морриситов перешли в протестантизм или присоединились к мормонам-джозефитам («Реорганизованной Церкви

Иисуса Христа Святых последних дней»).

Заключение (выводы). Морриситы – уникальное течение внутри религиозного движения «святых последних дней». Его особенностями являлись: отрицание полигамии, представление о том, что второе пришествие Христа состоится очень скоро, а также вера в реинкарнацию – переселение душ, отличавшая их от других групп мормонов. Причины конфликта в 1862 г. заключались в разочаровании части мормонов Юты в руководстве и практиках «Церкви Иисуса Христа Святых последних дней». При этом в Бригаде Янг они перестали видеть «истинного пророка божьего». В отличие от провидцев и визионеров Джозефа Смита и Джозефа Морриса, Янг напрямую не обращался к Богу, а часто получал «откровение» во снах. Несмотря на негативное отношение к современным им церковным лидерам мормонов, Моррис и его последователи сохранили веру в пророческую миссию и учения основателя движения «святых последних дней» Джозефа Смита. Во время осады своего лагеря морриситы не понимали, что войска, выступившие против них, требовали безоговорочной капитуляции. Они полагали, следуя «пророчествам» Морриса, что участвуют в религиозной войне – в Армагеддоне в «конце времен».

После гибели своих лидеров только небольшая часть морриситов осталась жить в Юте (в Саут-Уйбере, в лагере Дуглас и даже в г. Солт-Лейк-Сити). Бригаде Янг (непосредственно ответственный за «войну» 1862 г.) издал специальное распоряжение, запрещавшее возвращение бывших морриситов в лоно Мормонской церкви. Морриситы превратились в изгоев и беженцев, вынужденных искать новые места для поселения на территориях американского Горного Запада. Но они вскоре восстановили церковную структуру. Среди них появились новые лидеры и пророки. После «войны» некоторые из морриситов покинули США, вернувшись в страны прежнего проживания в Западной Европе. В Англии в 1870-е гг. действовали

миссионеры морриситов. В Дании некоторое время существовала небольшая община последователей Морриса (сохранилось значительное количество морриситских документов на датском языке). Лишь незначительная группа бывших последователей Морриса была повторно крещена и осталась в «Церкви Иисуса Христа

Святых последних дней». В наши дни данные трагические события служат напоминанием об эпохе в истории США, когда различные группы населения вынуждены были применять оружие для защиты своих интересов. Морриситская война 1862 г. дискредитировала мормонов и оставила след в исторической памяти штата Юта.

Список литературы

1. Бидль Дж.Г. Жизнь мормонов в Ута, или Тайнства и преступления мормонизма. Изложение тайных обрядов и церемоний святых последних дней: С подробным и достоверным описанием многоженства и секты мормонов, с начала их происхождения до настоящего времени. СПб.: Типография М. Хана, 1872. 416 с.
2. Стоун И. Достойные моих гор: Открытие Дальнего Запада 1840–1900. М.: Прогресс, 1981. 624 с.
3. Учение и Заветы 42; 51.
4. Anderson C.L. For Christ Will Come Tomorrow: The Saga of the Morrisites. Logan, Utah: Utah State University Press, 1981. 263 p.
5. Anderson C.L. Joseph Morris: and the Saga of the Morrisites (Revisited). Logan, Utah, 2010: Utah State University Press. 250 p.
6. Bryant S.L. Reviving the Millennial Kingdom: Mormons, Morrisites, and Massacre // The John Whitmer Historical Association Journal. 2009. Vol. 29. P. 115–139.
7. Fatal Resistance to the Laws // Deseret News. 1862. June 18. P. 4.
8. Howard G.M. Men, Motives, and Misunderstandings: A New Look at the Morrisite War of 1862 // Utah Historical Quarterly. 1976. Spring. Vol. 44. №2. P. 112–132. URL: <http://www.gordonbanks.com/gordon/family/Morrisite.html>.
9. Morris J. The «Spirit Prevails»: Containing The Revelations, Articles, And Letters. San Francisco: G.S. Dove; J.A. Dover & Co., printers, 1886. 684 p.
10. The Davis County Bandits // Deseret News. 1862. June 25. P. 4.
11. The Kington Fort-Morrisite War Site // JacobBarlow.com. // <https://jacobbarlow.com/2022/02/15/the-kington-fort-morrisite-war-site/>. Дата обращения: 15.04.2026 г.
12. Treasures of Pioneer History. In 6 volumes / Compiled by K.B. Carter. Salt Lake City: Daughters of Utah Pioneers, 1952–1957. Vol. 6. P. 54–55.

JOSEPH MORRIS AND THE MORRISITE WAR OF 1862

The article examines the performance of the Morrisites, a religious eschatological movement of the early 1860s in the Western territories of the United States. It was directed against the Mormon Church (the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints) and the theocratic rule of its prophet-president Brigham Young (1801-1877). The tragic events in Northern Utah were associated with a major schism in The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints, caused by the activities of Joseph Morris (1822/1824-1862). In 1857, Morris proclaimed himself the new prophet, and in 1860 – the seventh angel from the Revelation of John the Theologian. He founded the «Church of the Firstborn» and gathered up to 1,000 followers. The emergence of a new religious group took place under the conditions of the «Mormon Reformation» (1856-1858), a spiritual «awakening» or «revival» in the lands of the Western United States colonized by Latter-day Saints (Mormons). As a result of an armed clash on June 13-15, 1862, between Morris supporters and the Utah Territory militia, resulted in casualties on both sides. Violence was a characteristic feature of the period of colonization of the American Far West – the so-called «Pioneer Era» (i.e., the first settlers). A series of clashes and «small wars» between Latter-day Saints and their opponents lasted for half a century (1833-1884). The armed conflict between the Brighamite Mormons and the Morrisite schismatics was part of the «Mormon Wars». The Morrisite War is one of the most significant and colorful events in

the history of the state of Utah. In the historical memory of Americans, it remained as one of the evidences of the «tyranny of Brigham Young» in Utah. The murder of Morrisite leaders and several ordinary members of the community became one of the most famous Mormon crimes in the XIXth century, which was sometimes compared in importance with the massacre of pioneers in Mountain Meadows (September 1857). Morrisite refugees from Utah played a role in the development of the Western territories of America: Idaho, Montana, California, Nevada, Nebraska, Washington. This topic remains virtually unexplored in Russian historiography.

Keywords: the history of religious movements in the USA in modern times, Mormons, Morrisites, Morrisite War, Joseph Morris, Brigham Young.

References

1. Bidl' Dzh.G. (1872). Zhizn' mormonov v Uta, ili Tainstva i prestupleniya mormonizma. Izlozhenie tajnyh obryadov i ceremonij svyatyh poslednih dnejj: S podrobnym i dostovernym opisaniem mnogozhenstva i sekty mormonov, s nachala ih proiskhozhdeniya do nastoyashchego vremeni. SPb.: Tipografiya M. Hana. 416 s. [Beadle J.H. (1872). Life in Utah; or, The Mysteries and Crimes of Mormonism. Being an Exposé of the Secret Rites and Ceremonies of the Latter-Day Saints, With a Full and Authentic History of Polygamy and the Mormon Sect From its Origin to the Present Time. St. Petersburg: M. Khan Printing House. 416 p.].
2. Stoun I. Dostojnye moih gor: Otkrytie Dal'nego Zapada 1840–1900. M.: Progress, 1981. 624 s. [Stoun I. (1981). Men to Match My Mountains: The Opening of the Far West 1840–1900. Moscow: Progress. 624 p.].
3. Uchenie i Zavety 42; 51. [Doctrine and Covenants 42; 51].
4. Anderson C.L. (1981). For Christ Will Come Tomorrow: The Saga of the Morrisites. Logan, Utah: Utah State University Press. 263 p.
5. Anderson C.L. (2010). Joseph Morris: and the Saga of the Morrisites (Revisited). Logan, Utah: Utah State University Press. 250 p.
6. Bryant S.L. Reviving the Millennial Kingdom: Mormons, Morrisites, and Massacre // The John Whitmer Historical Association Journal. 2009. Vol. 29. P. 115–139.
7. Fatal Resistance to the Laws // Deseret News. 1862. June 18. P. 4.
8. Howard G.M. Men, Motives, and Misunderstandings: A New Look at the Morrisite War of 1862 // Utah Historical Quarterly. 1976. Spring. Vol. 44. №2. P. 112–132. URL: <http://www.gordonbanks.com/gordon/family/Morrisite.html>.
9. Morris J. The «Spirit Prevails»: Containing The Revelations, Articles, And Letters. San Francisco: G.S. Dove; J.A. Dover & Co., printers, 1886. 684 p.
10. The Davis County Bandits // Deseret News. 1862. June 25. P. 4.
11. The Kington Fort-Morrisite War Site // JacobBarlow.com. // <https://jacobbarlow.com/2022/02/15/the-kington-fort-morrisite-war-site/>. Data obrashcheniya: 15.04.2026 g.
12. Treasures of Pioneer History. In 6 volumes / Compiled by K.B. Carter. (1952–1957). Salt Lake City: Daughters of Utah Pioneers. Vol. 6. P. 54–55.

Об авторе

Прилуцкий Виталий Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: vitaliypr@yandex.ru

Prilutskiy Vitaliy Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History and International Relations, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University (Russia), E-mail: vitaliypr@yandex.ru

УДК 930.85

Прокопенко С.Н., кандидат исторических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Россия)

Рябцева М.Л., кандидат исторических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Россия)

ТАТУИРОВКА КАК ЭЛЕМЕНТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В АРХАИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ (ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ)

В статье освещаются основные аспекты, раскрывающие символическое значение татуировки в архаических культурах. При этом особое внимание уделяется ее предназначению в системе коммуникации «свой – чужой». Что особенно актуально для бесписьменных культур. «Неизгладимые знаки» на теле человека появились очень давно и были выявлены на всех континентах, за исключением Антарктиды. Наиболее ценные сведения о них дают: мумифицированные останки со следами татуировок, предметы, с помощью которых выполнялся рисунок, иконографические изображения татуированных людей. Нанесение на тело особых знаков преследовало множество целей, в первую очередь, отражая принадлежность человека к определенному обществу. Это способствовало формированию системы представлений о «своих» (коллективное «мы») и «чужих» (неопределенное «они»). Для большинства бесписьменных культур знаки на теле имели сакральное значение. Они несли глубокий, понятный лишь представителям данного общества, смысл, оставаясь с человеком на всю его жизнь. Таким образом, складывалась система бесписьменной коммуникации. Татуировка часто служила неотъемлемой составляющей обряда инициации. Болезненные ощущения, переживаемые при татуировании, как бы способствовали переходу в качественно новое состояние. Рисунки на теле человека также несли определенную информацию о той нише, которую занимал их обладатель в общественной иерархии. В настоящее время также бытует мнение, что в древних обществах татуировки могли наноситься и в терапевтических целях. В любом случае неизгладимые знаки на теле человека архаической эпохи всегда были не случайны и имели глубокий смысл.

Ключевые слова: татуировка, инициация, архаические культуры, «неизгладимые знаки», «свой – чужой», пазырыкская культура, культура Чинchorro, Этци («Ледяной человек»).

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-02-69-78

Введение. Татуировка рассматривается нами в широком смысле как неизгладимые изображения на теле человека, нанесенные разнообразными способами (шрамирование, татуирование, клеймение). Сложность и многоплановость изучаемого явления обусловлены синкретизмом первобытной культуры. Возникновение татуирования тела могло быть спровоцировано конкретной задачей, связанной с обозначением принадлежности индивидуума к определенному коллективу, социальной группе, сообществу. Возможно, что наиболее ранние татуировки возникли в процессе инициации. Изучаемое явление теснейшим образом было

связано с практикой нанесения увечий посвящаемому. «Изуродованного» человека как бы выводили из одной группы и окончательно включали в другую. Татуировка становилась «знаком единения» и отличительным признаком «своего» от «чужого». При формировании единой системы символической коммуникации при определении «свой – чужой» в архаических культурах татуировки дополнялись одеждой и предметами персональной орнаментации.

Сугубо научный интерес к исследованию практики нанесения неизгладимых знаков на теле человека возник не так давно. Связано это, скорее всего, с тем,

что долгое время данная практика считалась неотъемлемым атрибутом девиантного поведения, пресущего низшим слоям. Среди работ, в которых тема татуирования в древних обществах стала центральной, отметим публикации американского ученого Аарона Детер-Вулфа (Aaron Deter-Wolf) [21, с. 15-25; 22, с. 19-24], французского исследователя Люка Рено (Luc Renaut) [23, с. 243-261].

В большей части отечественных трудов данной темы касались в контексте изучения тех или иных археологических культур. В частности, среди работ по изучению пазырыкской культуры стоит назвать публикации С.И. Руденко [18, 404 с.], В.И. Молодина [10, с. 292-293; 11, с. 87-89], Н.В. Полосьмак [16, 54 с.; 17, с. 95-102]. Татуировки были также выявлены у некоторых представителей таштыкской культуры на территории современной Хакасии. Об этом находим у Л.Р. Кызласова, С.В. Панковой [4, с. 61-67; 13, с. 91-97]. В данной статье были привлечены работы по изучению южноамериканской культуры Чинчорро [19, 176 с.; 20, с. 35-41].

Всестороннее исследование в данной области было проведено М.Б. Медниковой. Автор анализирует письменные и вещественные источники по теме, рассматривает разные способы манипуляции над телом, географию распространения татуировок, их роль в обществе в исторической ретроспективе [7, 208 с.; 8, 216 с.].

В своем труде, посвященном традиционному и первобытному искусству, В.Б. Мириманов исследовал татуировку как значимый элемент первобытного искусства. [9, 272 с.].

Как система определенных знаков, имеющих глубокий смысл, татуировки были проанализированы в трудах Е.Н. Петровой [14, 254 с.], О.А. Овсянниковой [12], К.Л. Банникова [2, с. 91-109].

Объект и методы исследования. Объектом исследования выступает татуировка (в широком смысле – «неизгладимые знаки» на теле, включая

шрамирование и клеймение) как феномен архаических культур. Анализируется её символическая роль в системе коммуникации «свой – чужой», социальной идентификации, инициации и репрезентации статуса в бесписьменных обществах.

Методологической основой работы служит междисциплинарный подход, сочетающий историю, культурологию, антропологию и археологию. Это позволило рассмотреть татуировку не как древнюю практику, а как сложный социально-символический феномен. В соответствии с принципом историзма явление изучено в развитии – от ранних образцов (мумия Этци, культура Чинчорро) до поздних архаических культур (пазырыкская, таштыкская), что позволило выявить эволюцию функций татуировки и устойчивость её роли в системе «свой – чужой».

Сравнительно-исторический метод реализован при сопоставлении географически и хронологически удалённых культур (Алтай, Чили, Альпы, Апулия), что помогло выявить универсальные функции татуировки: идентификацию, инициацию, социальную иерархию, терапию. Семиотический анализ дал возможность рассмотреть татуировку не как орнамент, а как знак в бесписьменной коммуникации: проанализировано соотношение означающего (рисунок, шрам, клеймо) и означаемого (принадлежность к «своим», статус, возраст, пол). Историко-антропологический метод позволил трактовать тело как поле социального конструирования, где татуировка превращает биологическую плоть в социальный текст. Герменевтический метод использовался для реконструкции значения татуировок носителя культуры через контекст погребения, положение тел, инвентарь и повторяющиеся мотивы. Можно констатировать, что данный комплекс методов обеспечил всестороннее изучение феномена татуировки в архаических культурах как документа, инструмента социальной идентификации и механизма поддержания коллективной памяти.

Результаты и их обсуждение. Внешние неизгладимые знаки на теле человека играли и продолжают играть большую роль в невербальном общении и межличностном познании. Это, своего рода, источники информации о человеке, индикаторы его личности [14, с. 53; 12]. По мнению Аарона Детер-Вулфа, татуировка стала одним из осознанных поступков человека, отличающего его от других представителей животного мира [21, с. 15].

В культуре традиционных сообществ наносимые изображения могли служить для обозначения этнической принадлежности, гендерной идентичности, социального статуса, возраста и других характеристик. [5, с. 38]. В подобных обществах «бесписьменная» память сакрализована, освящена ритуалами [6, с. 10-11]. Татуировки и украшения выполняли важную роль в древних обществах, они служили для идентификации личности, показывали её статус в коллективе и обозначали границы между группами и соседними сообществами.

В первобытности искусство и религия отражали коллективное сознание. Художественное творчество того времени не имело личных мотивов и целей [5, с. 47]. «Шрамы, татуировки, магические увечья и другие значимые метки являются метками социального насилия, именно они гарантируют сообществу необходимое поле мнемонических значений, с помощью которых оно постоянно воспроизводит себя в отдельном индивиде, наделяя его памятью о том, что можно, а что нельзя» [15, с. 90].

Включение человека в систему социально-символических отношений в архаических обществах обладало чрезвычайной важностью. Практика остракизма (исключения) из этой системы была эквивалентом смертной казни. Символы были основой бытия, и любая ошибка в обращении с элементами этой системы могла привести к гибели [2, с. 103].

Жизнь человека всегда делилась на

определенные этапы, присущие каждому возрасту. Переход из одного этапа в другой всегда сопровождался определенными манипуляциями, как правило, болезненными. Результатом такого перехода становилось возрождение в новом социальном качестве [8, с. 12]. В условиях господства в традиционных обществах коллективного начала это символизировало также тотальное возрождение всего племени. Знаки, которые после этого оставались на теле, сопровождали человека всю его оставшуюся жизнь.

Исследование архаических культур показало, что манипулирование с телом было свойственно человеку с глубокой древности. По-видимому, самой ранней формой украшения тела стала его роспись красками. Косвенным доказательством использования красок для украшения тела является наскальное изображение «колдуна» (шамана) из Труа Фрер, датируемое XIII тыс. лет до н.э., начало исследования которого было положено французом Анри Брейлем. На его теле четко просматриваются полосы. Ученые полагают, что это демонстрация раскрашенного тела, явления, очень распространенного в рамках традиционной культуры многих народов.

Иным способом сохранения изображений на теле на длительный период стало шрамирование. О данной практике свидетельствуют находки черепов со следами скарификации на верхнепалеолитической стоянке Дольни-Вестонице (Чехия, Южная Моравия, 29-25 тыс. лет назад). Одинаковые повреждения справа от лобной кости выявлены на мужских черепах, причем, в тройном погребении они есть у молодого человека, возраст которого 17-19 лет, но их нет у 16-17-ти летнего юноши. Можно предположить, что это следы ритуальной практики глубокого шрамирования, произведенного в рамках обряда инициации, которым подвергались юноши, достигшие возраста 18 лет [7, с. 124-125]. В 2012 году подобный случай древнейшей

символической трепанации установлен Марией Медниковой для черепа из Тельмановской стоянки (Костёнки 8, Воронежская область).

Клеймение также можно считать еще одним ранним способом нанесения «неизгладимых» изображений на тело человека. В древних обществах раскаленным железом клеймили, как правило, рабов и преступников.

По-видимому, достаточно рано появились и первые способы нанесения татуировок с помощью красок. Отметки на теле могли оставлять посредством нанесения надрезов с последующим втиранием под кожу красящих веществ.

Стоит отметить ещё одну особенность, что шрамирование и татуирование с помощью красок массово стали распространяться только с осветлением кожи человека, а, как отмечают исследователи, еще в конце бронзового века смуглых на Земле было больше, нежели обладателей светлых оттенков кожи.

Татуировки, выполненные с помощью красок, получают широкое распространение в эпоху металлов. В VII – III вв. до н.э. они представляли собой сложный комплекс изображений, з которые покрывали значительную часть тела.

Сам термин «татуировка» имеет полинезийское происхождение («tatay» – рисовать, изображения на теле). В англоязычной практике он утвердился, благодаря Джеймсу Куку, впечатлившемуся внешним видом татуированных жителей о. Таити. В нашем исследовании мы опираемся на максимально широкое определение термина «татуировка» — это любой перманентный рисунок на теле, который создается тремя способами: проколом кожи с занесением краски (плоское графическое изображение), нанесением шрамов и рубцов от надрезов (рельефный узор, шрамирование), формирование рельефного изображения с использованием ожога, оставляемого на теле раскаленным металлом (клеймение).

Среди всех атрибутивных свойств татуировок следует отдельно выделить две, придающие им статус документа: идентификационную и презентационную. В рамках традиционных и архаических социумов данное документальное значение татуирования подвергалось осознанию, рефлексии и последующей институализации [2, с. 102].

Самые ранние письменные свидетельства о татуировках относятся к V в. до н.э., например, Геродот описывал их наличие у фракийцев. Однако письменные источники не позволяют выяснить, насколько древней была эта традиция — ни в отношении отдельных регионов, ни в общемировом масштабе. Именно поэтому ученые, изучая феномен татуировки тела, уделяют первостепенное внимание изучению археологического материала.

Практику татуирования в древних обществах позволяют проследить антропологические останки (преимущественно, это находки мумий, имеющие хорошую сохранность в силу благоприятных для данного процесса природных условий). Следует также отметить изобразительные источники, среди которых: наскальная живопись, костяные или глиняные антропоморфные фигурки, изображения на керамических сосудах. Третью группу составляют орудия для нанесения татуировок и следы красящих веществ на них [22, с. 19-20].

Древние мумии с татуировками обнаружены по всему миру: в Арктике, Сибири, на Филиппинах, в Западном Китае, Африке, Европе, Мексике, Андах, Гренландии [13, с. 93; 21, с. 15].

Изображения татуированных женщин, обнаруженные на фигурных стелах в районе Даунии (Апулия, Италия), датированные VII – VI вв. до н.э., были исследованы археологом Камиллой Норман. Татуировки на изображения нанесены в районе тыльной стороны ладони, предплечье, внешнюю сторону пальцев [23, с. 257-258].

Уникальным доказательством

высокого уровня развития искусства нанесения татуировки в некоторых догосударственных обществах являются находки на плато Уюк (республика Алтай). В 1948 году экспедицией этнографического отдела Государственного Русского музея под руководством С.И. Руденко при исследовании Второго Пазырыкского кургана был зафиксирован первый случай обнаружения в регионе мумифицированного тела с признаками татуирования. На теле субъекта монголоидного типа присутствовали графические изображения, включающие образы реальных и полумифических животных, а также рыб. Зоны локализации татуировок: верхняя часть спины, область голеней и обе верхние конечности [18, с. 137].

Летом 1993 года в кургане № 1 могильника Ак-Алаха 3 нашли вторую мумию с татуировками [16, с. 22]. Это были останки женщины. У умершей вся кожа на руках – от плеч до самых кистей – была покрыта татуировками. Кроме того, изображения присутствовали даже на некоторых фалангах пальцев. Несколько позднее в кургане 3 могильника Верх-Кальджин 2 было выявлено третье мумифицированное тело молодого мужчины [10, с. 292-293].

Мотивы татуировок, нанесенных на тело погребенных мужчин, очень схожи: изображения фантастических животных сочетаются с образами реально живших на данных территориях (хищники семейства кошачьих, бараны). Женская татуировка отличалась более ажурным рисунком, она имела меньше полностью зачерненных мест. Сходство женских татуировок с мужскими сводится, в основном, лишь к изображениям агонизирующих копытных на руках и птицы на большом пальце [1, с. 55]. По мнению исследователей, пазырыкской культуры, количество татуировок на теле и характер изображений являлись показателем места их обладателя в социальной иерархии пазырыкского общества.

Татуирование в культуре пазырыкцев – консервативная традиция,

заклучавшаяся в том, что на тело наносился не просто изображение, а, своего рода, текст [16, с. 23]. Доказательством этому может служить и тот факт, что символы на одежде, головных уборах, утвари, седлах пересекались с выявленными на телах, погребенных образами.

В октябре 1983 года при строительстве водопровода на песчаном утесе с видом на город Арика в Чили были выявлены многочисленные захоронения, содержащие естественно и намеренно мумифицированные останки представителей культуры Чинчорро. В ходе исследований, проведенных сотрудниками археологического музея Сан-Мигель-де-Азапа при университете Тарапаки, в месте Эль-Морро, было обнаружено в общей сложности 96 останков [19]. При первоначальном анализе этих материалов Эллисон и ее коллеги выявили что татуировки были выполнены в единой технике [см. 19, с. 12].

Общество Чинчорро – это докерамическая культура Южной Америки (VII – II тыс. до н.э.), основой хозяйства которой было рыболовство. Географически она занимала прибрежные зоны современного Чили и южных районов Перу.

До недавнего времени считалось, что самая древняя из известных татуировок – «усы» на верхней губе мумии, обнаруженной в Южной Америке (возраст около 4.300 лет). В своем обзоре социальной организации доисторических популяций Северного Чили 1988 года Арриаза сообщает, что только четыре мумии из коллекции Сан-Мигель-де-Азапа демонстрируют татуировки. К ним относятся один мужчина Чинчорро, найденный в Эль-Морро, и три женские мумии из более поздних культур майта Чирибая, Тиуанако и Сан-Мигель [20, с. 35-36]. В исследовании 1988 года и последующих работах естественно мумифицированный мужчина Чинчорро идентифицирован как Мо-1. Татуировки, выявленные на мужской мумии, описываются Арриаза как состоящие из отдельных линий черных

точек через верхнюю губу по обе стороны от носа «a modo de bigotes» («в виде усов» – в пер. с испанского).

Сенсационной стала находка в 1991 году «ледяного человека» Этци (встречаются наименования Эци или Отци). После своей смерти около 3250 г. до н.э. Этци был погребен под альпийским ледником, где сочетание талой воды и экстремального холода привело к естественной мумификации его тела и сохранности одежды и инструментов. На момент смерти «Ледяному человеку» было от 25 до 40 лет [8, с. 29]. После случайной находки в Этци стал международной археологической сенсацией, более чем за два десятилетия научных исследований было собрано огромное количество данных о его жизни, здоровье, окружающей среде и обстоятельствах, сопровождавших его смерть [22, с. 21].

На теле Этци была выявлена 61 татуировка (на левом запястье, голених, пояснице и торсе). Они включают в себя 19 групп линий толщиной от 1 до 3 мм и длиной от 7 до 40 мм. Наибольшая концентрация отметин обнаружена на его ногах, которые в совокупности содержат 12 групп линий. Как и в случае с другими аспектами «Ледяного человека», эти метки были тщательно изучены с точки зрения их расположения, состава и возможной функции в качестве терапевтических средств. Именно к последней версии склоняются многие современные исследователи, полагая, что места нанесения татуировок совпадают с акупунктурными точками (биологически активными точками) [23, с. 261; 8, с. 29].

В настоящее время Этци является старейшим из обнаруженных на сегодняшний день человеческих останков с татуировками, что предшествует мумии Чинчорро по меньшей мере на 500 лет. Путаница с происхождением татуировок возникла из-за неверной интерпретации данных радиоуглеродного анализа.

Хотя теперь можно утверждать, что

Этци является старейшим человеком с татуировкой, обнаруженной на сегодняшний день, маловероятно, что он является первым татуированным человеком на Земле. Аналогичные социальные или терапевтические практики, видимо, существовали в его культуре задолго до его рождения. В то время как другие археологические свидетельства указывают на то, что нанесение татуировок на тело в истории человечества могло происходить значительно раньше, убедительные доказательства древности татуировки еще предстоит найти. Пока что есть находки заостренных костяных и каменных предметов со следами охры и отсутствие наскальной живописи на стоянке Мас д Азиль во Франции. Что, по мнению Марты и Сен-Жюста Пекар, свидетельствует о традициях татуирования. А. Детер-Вульф в принципе данную версию поддерживает, но его настораживает тот факт, что охра мало применялась для нанесения татуировок в древности [23, с. 243].

Выводы. Подводя некоторый итог вышесказанному, отметим, что проведенное исследование подтверждает, что в архаических обществах татуировка являлась не просто формой украшения тела, а ключевым элементом символической коммуникации. В условиях отсутствия письменности «неизгладимые знаки» выполняли функцию документа, однозначно идентифицируя принадлежность индивида к коллективу («свой») и отделяя его от чужаков («чужие»). Татуировки формировали систему коллективной памяти и социальных норм, где телесные метки становились визуальным воплощением мифологии, иерархии и истории группы.

Рисунки на теле не только маркировали групповую принадлежность, но и несли детальную информацию о месте носителя в социальной иерархии. На примере пазырыкской культуры (мумии с плато Укок) показано, что количество, сложность и тематика изображений (реальные и фантастические животные)

коррелировали со статусом погребенного. Женские и мужские татуировки различались по стилю, что отражало гендерные роли. Таким образом, тело человека представляло собой «карту» его социального положения, достижений и функций.

В архаических культурах татуировка никогда не была случайной или чисто эстетической. Она представляла собой «текст на теле», адресованный знающему читателю (члену своей группы). Исключение из системы символического обмена

(например, отсутствие нужных знаков) приравнялось к социальной смерти. Таким образом, практика татуирования выступала механизмом поддержания идентичности, дисциплины тела и памяти сообщества, а также средством коммуникации.

Тема исследования представляется перспективной для дальнейших изысканий в рамках сравнительного анализа с современными практиками татуирования в традиционных культурах.

Список литературы

1. Азбелев П.П. Пазырыкские татуировки как художественное свидетельство древних войн и бракосочетаний // Искусство и художественная культура Древнего мира. 2017. №7. С. 51-60.
2. Банников К.Л. Татуировка: конфликтный треугольник тела, социума и знака / Банников К.Л., Чианкони П. // *Studia Religiosa Rossica*: научный журнал о религии. 2022. № 1. С. 91–109.
3. Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1961. Вып. 3. С. 7-31.
4. Кызласов Л.Р. Татуировка древней мумии из Хакасии (рубеж нашей эры) / Кызласов Л.Р., Панкова С.В. // Сообщения Государственного Эрмитажа. LXII. СПб., 2004. С. 61-67.
5. Лбова Л.В. Предметы персональной орнаментации в контексте знаковых систем палеолита Сибири // *Universum Humanitarium*. 2016. № 1 (2). С. 37-50.
6. Лотман Ю.М. Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры? // *Экология и жизнь*. 2002. № 6. С. 10–12.
7. Медникова М.Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. М.: Алетейа, 2004. 208 с.
8. Медникова М.Б. Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник. М.: Языки славянской культуры, 2007. 216 с.
9. Мириманов В.Б. Первобытное и традиционное искусство. М.: Форум, 2009. 272 с.
10. Молодин В.И. Исследование кургана с мерзлотой могильника Верх-Кальджин II // Археологические открытия 1994 года. М., 1995. С. 292 – 293.
11. Молодин В.И. Укок – 1995 – новые находки и открытия // III Годовая итоговая сессия Ин-та археологии и этнографии СО РАН: Тез. докл. Новосибирск, 1995. С. 87–89.
12. Овсянникова О.А. Татуировка как социокультурное явление // *Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство»* 2017. Т. 5. № 1 (17) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 29.04.2026)
13. Панкова С.В. Татуировки на древних мумиях в собраниях Эрмитажа // 250 историй про Эрмитаж: «Собрание пестрых глав...»: в 5 кн. Кн. 3 / Государственный Эрмитаж. Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. С. 91-97.
14. Петрова Е.Н. Знаки общения. М.: ГНОМ и Д, 2000. 254 с.
15. Подорога В.А. Феноменология тела: Введ. в филос. антропологию: Материалы лекц. курсов 1992-1994 гг. М.: Изд. фирма "Ad Marginem", 1995. 339 с.
16. Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура: реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений: автореферат докт. ист. наук. Новосибирск: Институт

археологии и этнографии СО РАН, 1997. 54 с.

17. Полосьмак Н.В. Татуировка у пазырыкцев // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 4. С. 95–102.

18. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1953. 404 с.

19. Arriaza Bernardo T. «Beyond Death: The Chinchorro Mummies of Ancient Chile». Washington: Smithsonian Institution Press, 1995. 176 с.

20. Arriaza Bernardo T. Maternal Mortality in Pre-Columbian Indians of Arica, Chile / Arriaza Bernardo T., Marvin Allison, E. Gerszten // American Journal of Physical Anthropology. 1988. № 77. pp. 35-41. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1002/ajpa.1330770107> (дата обращения: 30.04.2026)

21. Deter-Wolf A. The Material Culture and Middle Stone Age Origins of Ancient Tattooing // Tattoos and Body Modifications in Antiquity: Proceedings of the Sessions at the EAA Annual Meetings in The Hague and Oslo, 2010/11 // Zurich Studies in Archaeology. Vol. 9. 2013. pp. 15-25.

22. Deter-Wolf A. The World's Oldest Tattoos / Deter-Wolf A., Robitaille B., Krutak L., Galliot S. // Journal of Archaeological Science. 2016. Reports 5. pp. 19–24.

23. Luc Renaut «What to Make of the Prehistory of Tattooing in Europe?» // Ancient Ink: The Archaeology of Tattooing. Seattle: University of Washington Press, 2017. pp. 243-261.

TATTOO AS AN ELEMENT OF SYMBOLIC COMMUNICATION IN DETERMINING "FRIEND OR FOE" IN ARCHAIC CULTURES (HISTORICAL CONTEXT).

The article highlights the main aspects that reveal the symbolic meaning of tattoos in archaic cultures. At the same time, special attention is paid to its purpose in the «friend-foe» communication system. What is especially important for non-literate cultures. «Indelible marks» on the human body appeared a long time ago and have been identified on all continents except Antarctica. The most valuable information about them is provided by: mummified remains with traces of tattoos, the objects used to make the drawing, iconographic images of tattooed people. The application of special signs to the body pursued many goals, primarily reflecting a person's belonging to a particular society. This contributed to the formation of a system of ideas about «our own» (the collective «we») and «strangers» (indefinite «they»). For most non-literate cultures, body markings had a sacred meaning. They carried a deep meaning, understandable only to representatives of this society, remaining with a person for the rest of his life. Thus, a system of non-written communication was formed. Tattooing was often an integral part of the initiation ceremony. The painful sensations experienced during tattooing seemed to contribute to the transition to a qualitatively new state. Drawings on the human body also carried certain information about the niche that their owner occupied in the social hierarchy. Currently, there is also a perception that tattoos could have been applied for therapeutic purposes in ancient societies. In any case, the indelible marks on the human body of the archaic era were always not accidental and had a deep meaning.

Keywords: tattoo, initiation, archaic cultures, «indelible marks», «friend or foe», The Pazyryk culture, Chinchorro culture, Etzi («The Ice Man»).

References

1. Azbelev P.P. (2017) Pazyrykskie tatuirovki kak hudozhestvennoe svidetel'stvo drevnih vojn i brakosochetaniy [Pazyryk tattoos as artistic evidence of ancient wars and marriages] // *Iskusstvo i hudozhestvennaya kul'tura Drevnego mira*. N7. S. 51-60.

2. Bannikov K.L. (2022) Tatuirovka: konfliktnyj treugol'nik tela, sociuma i znaka [Tattooing: the conflicting triangle of body, society and sign] / Bannikov K.L., Chianconi P. // *Studia Religiosa Rossica: nauchnyj zhurnal o religii*. N 1. S. 91–109.

3. Gryaznov M.P. (1961) Drevnejshie pamyatniki geroicheskogo eposa narodov Yuzhnoj Sibiri [The oldest monuments of the heroic epic of the peoples of Southern Siberia] // *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*. Vyp. 3. S. 7-31.

4. Kyzlasov L.R. (2004) Tatuirovka drevnej mumii iz Hakasii (rubezh nashej ery) [Tattoo of an ancient mummy from Khakassia (the turn of our era)] / Kyzlasov L.R., Pankova

S.V. // *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha*. LXII. SPb. S. 61-67.

5. Lbova L.V. (2016) Predmety personal'noj ornamentacii v kontekste znakovykh sistem paleolita Sibiri [Objects of personal ornamentation in the context of the iconic systems of the Paleolithic of Siberia] // *Universum Humanitarium*. N 1 (2). S. 37-50.

6. Lotman Yu.M. (2002) Al'ternativnyj variant: bespis'mennaya kul'tura ili kul'tura do kul'tury [Alternative: non-written culture or pre-culture culture?] // *Ekologiya i zhizn'*. N 6. S. 10–12.

7. Mednikova M.B. (2004) Trepanacii v drevnem mire i kul't golovy [Trepanations in the ancient world and the cult of the head]. M.: Aleteja. 208 s.

8. Mednikova M.B. (2007) Neizgladimye znaki: tatuirovka kak istoricheskij istochnik [Indelible marks: tattooing as a historical source]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury. 216 s.

9. Mirimanov V.B. (2009) Pervobytnoe i tradicionnoe iskusstvo [Primitive and traditional art]. M.: Forum. 272 s.

10. Molodin V.I. (1995) Issledovanie kurgana s merzlotoj mogil'nika Verh-Kal'dzhin II [Investigation of the burial mound with permafrost Verkh-Kaljin II] // *Arheologicheskie otkrytiya 1994 goda*. M. S. 292–293.

11. Molodin V.I. (1995) Ukok – 1995 – novye nahodki i otkrytiya [Ukok – 1995 – new findings and discoveries] // III Godovaya itogovaya sessiya In-ta arheologii i etnografii SO RAN: Tez. dokl. Novosibirsk. S. 87–89.

12. Ovsyannikova O.A. (2017) Tatuirovka kak sociokul'turnoe yavlenie [Tattooing as a sociocultural phenomenon] // *Elektronnyj nauchnyj zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo»*. T. 5. N 1 (17). URL: <http://www.esj.pnzgu.ru> (accessed: 29.04.2026)

13. Pankova S.V. (2014) Tatuirovki na drevnih mumiyah v sobraniyah Ermitazha [Tattoos on ancient mummies in the Hermitage collections] // 250 istorij pro Ermitazh: «Sobran'e pestyh glav...»: v 5 kn. Kn. 3 / Gosudarstvennyj Ermitazh. Izd-vo Gos. Ermitazha. S. 91-97.

14. Petrova E.N. (2000) Znaki obshcheniya [Signs of communication]. M.: GNOM i D. 254 s.

15. Podoroga V.A. (1995) Fenomenologiya tela: Vved. v filos. antropologiyu [The phenomenology of the body: Introduction. in philos. Anthropology]: Materialy lekc. kursov 1992-1994 gg. M.: Izd. firma "Ad Marginem". 339 s.

16. Polos'mak N.V. (1997) Pazyrykskaya kul'tura: rekonstrukciya mirovozzrencheskih i mifologicheskikh predstavlenij [Pazyryk culture: reconstruction of ideological and mythological concepts]: avtoreferat dokt. ist. nauk. Novosibirsk: Institut arheologii i etnografii SO RAN. 54 s.

17. Polos'mak N.V. (2000) Tatuirovka u pazyrykcev [The tattoo of the Pazyryk people] // *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. N 4. S. 95–102.

18. Rudenko S.I. (1953) Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya [Culture of the Altai Mountain population in the Scythian period]. M.–L.: Izd-vo Akad. Nauk SSSR. 404 s.

19. Arriaza Bernardo T. (1995) «Beyond Death: The Chinchorro Mummies of Ancient Chile». Washington : Smithsonian Institution Press. 176 s.

20. Arriaza Bernardo T. (1988) Maternal Mortality in Pre-Columbian Indians of Arica, Chile / Arriaza Bernardo T., Marvin Allison, E. Gerszten // *American Journal of Physical Anthropology*. N 77. pp. 35-41. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1002/ajpa.1330770107> (accessed: 30.04.2026)

21. Deter-Wolf A. (2013) The Material Culture and Middle Stone Age Origins of Ancient Tattooing // *Tattoos and Body Modifications in Antiquity: Proceedings of the Sessions at the EAA Annual Meetings in The Hague and Oslo, 2010/11* // *Zurich Studies in*

Archaeology. Vol. 9. pp. 15-25.

22. Deter-Wolf A. (2016) The World's Oldest Tattoos / Deter-Wolf A., Robitaille B., Krutak L., Galliot S. // *Journal of Archaeological Science. Reports* 5. pp. 19–24.

23. Luc Renaut (2017) «What to Make of the Prehistory of Tattooing in Europe?» // *Ancient Ink: The Archaeology of Tattooing*. Seattle: University of Washington Press. pp. 243-261.

Об авторах

Прокопенко Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Россия), E-mail: sprokopenko@bsuedu.ru

Рябцева Марина Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Россия), E-mail: ryabtseva@bsuedu.ru

Prokopenko Sergey Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History, Belgorod State National Research University (Russia), E-mail: sprokopenko@bsuedu.ru

Ryabtseva Marina Leonidovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod State National Research University (Russia), E-mail: ryabtseva@bsuedu.ru

УДК 94(44).082"1916"

Сагимбаев А.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия);

Вавилин А.В., магистрант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

ПРОБЛЕМА ВНУТРЕННЕЙ ЛЕГИТИМНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ В ВОЕННЫХ ДНЕВНИКАХ ЛУИ БАРТАСА (1916 Г.)

Первая мировая война явилась рубежным событием, принципиально изменившим ход мировой и европейской истории. По своему характеру и применяемым технологиям она явилась военным конфликтом принципиально нового типа. Принципиально важной исторической проблемой является анализ, в том числе, морально-психологических аспектов фронтовой повседневности, нашедших отражение в сохранившихся источниках личного происхождения. В статье на материале дневника французского пехотинца Луи Бартаса исследуются процессы эрозии символической легитимности военной власти во французской армии в 1916 году. Автор анализирует повседневные практики и моральные дилеммы солдатской среды, выявляя механизмы десакрализации формальных символов иерархии (униформы, ритуалов), формирования альтернативной нормативности в условиях локального фронтового контекста и моральной дискредитации командования. Опираясь на микроисторический подход и теорию символической власти П. Бурдьё, в статье реконструируется латентный кризис признания армейского авторитета, рассматриваемый как одна из социально-психологических предпосылок мятежей 1917 года.

Ключевые слова: Первая мировая война, французская армия, кризис легитимности, символическая власть, микроистория, фронтовая повседневность, моральный выбор, Луи Бартас, эго-документы, мятежи 1917 года.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-02-79-90

Введение. Проблема устойчивости военной дисциплины и легитимности власти в условиях позиционной войны занимает важное место в современной историографии Первой мировой войны. Если ранние исследования преимущественно сосредотачивались на стратегических аспектах кампаний и институциональной организации армий, то в рамках социально-культурного поворота внимание исследователей сместилось к повседневному опыту солдат, структурам восприятия насилия и механизмам моральной мобилизации [11, р. 5-12]. В этом контексте особое значение приобретает анализ не только формальных институтов дисциплины, но и процессов внутреннего признания или непризнания власти на уровне фронтовой повседневности.

Во французской армии 1916 года, находившейся в условиях затяжной позиционной войны и крупных сражений (в

частности, при Вердене и на Сомме) [12, р. 220-228], сохранялась формальная управляемость и институциональная целостность. Однако последующие события 1917 года, связанные с массовыми отказами от наступательных действий [7, р.20-40], поставили вопрос о предпосылках кризиса военной дисциплины и о характере трансформаций, происходивших в армейской среде на предшествующем этапе. В этой связи представляется значимым исследование латентных процессов эрозии символической легитимности военной власти до их перехода в открытую форму протеста.

В историографии проблема дисциплины и морального состояния французской армии рассматривается в нескольких направлениях. Традиционная военная история акцентировала внимание на институциональных механизмах поддержания порядка и функциональной устойчивости

армии в условиях позиционного тупика [6, р.12-20]. Социально-культурные исследования (в том числе работы, посвящённые «культуре войны») анализировали механизмы адаптации солдат к экстремальному опыту, коллективные представления и формы мобилизации сознания. Отдельный корпус исследований посвящён мятежам 1917 года, где рассматриваются их причины, социальный состав участников и реакция командования [7, р.25-40].

Несмотря на значительное число исследований, посвящённых моральному состоянию французской армии и мятежам 1917 г., процессы постепенной эрозии символического авторитета командования на уровне повседневного фронтового опыта остаются менее изученными.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования выступает фронтовая повседневность французской пехоты на Западном фронте в 1916 году, отражённая в эго-документах участников войны.

Предметом исследования являются процессы трансформации восприятия и признания военной власти в солдатской среде на материале дневника Луи Бартаса. Цель работы состоит в выявлении механизмов эрозии символической легитимности военной власти на микроуровне фронтового опыта.

Источниковую основу исследования составляет дневник французского пехотинца Луи Бартаса, представляющий собой подробный эго-документ, фиксирующий повседневные наблюдения, эмоциональные реакции и оценки военной действительности. Данный источник позволяет реконструировать не только события фронтовой жизни, но и внутреннюю логику солдатского восприятия власти, дисциплины и насилия. Использование дневника как основного материала предполагает микроисторический подход [4, р.511-520], ориентированный на анализ конкретного индивидуального опыта как «лаборатории» социальных процессов.

Методологически работа опирается

на инструментарий микроистории, предполагающий внимательное изучение частного случая с целью выявления структурных механизмов более широкого порядка. При интерпретации символических аспектов военной власти используется понятие легитимности как формы признания нормативности власти её носителями [1, р. 137-150]. Анализ направлен не на оценку формальной эффективности дисциплинарных институтов, а на исследование степени внутреннего согласия с ними и характера трансформации этого согласия в условиях затяжной войны.

Научная новизна статьи заключается в реконструкции микроуровневых механизмов эрозии символической легитимности военной власти во французской армии 1916 года на материале эго-документа. Впервые дневник Л. Бартаса рассматривается не только как свидетельство фронтового быта, но и как источник для анализа различия между формальным подчинением и внутренним признанием нормативности приказа. В работе выявляются повседневные практики, свидетельствующие о нарастании дистанции между официальной дисциплиной и солдатским моральным опытом, что позволяет уточнить представления о предпосылках кризисных явлений 1917 года [5, р. 7].

Необходимо отметить, что использование дневника Луи Бартаса в качестве основного источника накладывает определённые ограничения на интерпретацию полученных данных. Во-первых, эгодокумент отражает субъективный опыт одного солдата и не может полностью репрезентировать поведение и моральное состояние всей французской армии 1916 года. Во-вторых, дневник фиксирует события и переживания с позиции конкретного социального и культурного контекста автора, что может влиять на характер интерпретаций и придавать им индивидуальный оттенок. В-третьих, микроисторический подход, сосредоточенный на локальных практиках и повседневном опыте, позволяет

глубоко анализировать механизмы символической легитимности, но ограничивает возможности для количественной или сравнительной оценки дисциплины на более широком фронтовом уровне. Эти ограничения следует учитывать при экстраполяции выводов на армейскую среду в целом и при сравнении с другими источниками или корпусами данных.

Результаты и их обсуждение. Армия как иерархическая структура функционирует не только посредством институционального принуждения, но и через систему символических механизмов признания. В логике П. Бурдьё, символическая власть эффективна постольку, поскольку воспринимается как легитимная и не требует постоянной актуализации прямого насилия [1, р. 137-150]. В военном контексте эта власть материализуется через униформу, знаки различия, церемониальные практики и дисциплинарный язык.

Материалы дневника Луи Бартаса позволяют проследить, каким образом в условиях позиционной войны 1916 г. происходило постепенное ослабление внутреннего признания этой символической системы.

Показателен эпизод, связанный с ношением капральских нашивок. Бартас отмечает, что до инспекции не придавал значения обозначению своего звания и воспринимал его скорее, как внешнюю деталь, чем как выражение авторитета. Лишь замечание капитана во время осмотра заставляет его формально восстановить «уставной» вид. Более того, сам процесс восстановления символа носит принудительный и даже насильственный характер: капитан приказывает выдать Бартасу нашивки, а когда тот заявляет, что не умеет шить, на следующее утро является полковой портной ишивает их, помимо воли солдата. Бартас с иронией называет их «непременными признаками престижа, призванными обмануть непополосатую чернь». [3, р. 147]

В данном случае нашивка функционирует не как знак признанной иерархии,

а как элемент, необходимый для избежания санкции. Символ утрачивает внутреннее содержание и сохраняется исключительно в регламентированной форме, насаждаемой через прямое принуждение. Такой переход от внутреннего принятия к вынужденному соблюдению может рассматриваться как индикатор ослабления символической легитимности, когда дисциплина поддерживается преимущественно через контроль, а не через признание.

Сходный характер имеет эпизод с рядовым Вашером, отказавшимся заменить неуставное кепи. Ответ солдата, апеллирующий к личной собственности («я купил его»), [3, р. 156] вводит альтернативную нормативную логику — частную автономию — в пространство, где официально доминирует логика институциональной регламентации.

Здесь важно не само нарушение устава, а смена языка аргументации. Офицер апеллирует к дисциплинарному порядку; солдат — к индивидуальному праву. Подобное столкновение нормативных регистров свидетельствует о фрагментации единого символического поля армии. Формальное подчинение может сохраняться, однако его когнитивное и ценностное основание оказывается размытым.

Особый интерес представляет описание церемонии приветствия полкового знамени. Генерал д'Эрваль, прибывший для вручения наград, произносит патетическую речь, обращаясь к знамени: «Флаг 280-го, я приветствую тебя. Отправляйся в Дом инвалидов вместе со славными штандартами Аустерлица, Арколы, Йены». [3, р. 183] Эта риторика, включающая отсылки к наполеоновским победам, воспроизводит традиционный героический нарратив французской военной истории. Однако реакция солдат, зафиксированная Бартасом, связана не с эмоциональным подъёмом, а с физическим истощением и холодом. С неподражаемой иронией он замечает: «В отчете

следующего дня говорилось, что в этот момент по рядам прошла дрожь. Я тоже дрожал, но это было от холода». [3, р.183]

Таким образом, ритуал, предназначенный для сакрализации жертвы и укрепления коллективной идентичности, не достигает заявленной цели. Между официальной репрезентацией войны и непосредственным телесным опытом фронтовика возникает ощутимый разрыв. Этот разрыв не разрушает дисциплину автоматически, но формирует дистанцию между языком командования и повседневной реальностью солдат.

Описание помещения для наказанных, где солдаты «помещались» [3, р. 156] под охраной, фиксирует обезличенный характер дисциплинарной процедуры. Лексика Бартаса подчёркивает механистичность и рутинность наказания [8, р.15-28].

Когда дисциплинарная мера воспринимается не как справедливая санкция, а как формальное администрирование тел, её воспитательный эффект ослабевает. В этом случае насилие перестаёт быть интегрированным в систему моральных координат и начинает восприниматься как внешнее давление. Подобное восприятие усиливает ощущение отчуждения по отношению к командованию.

Наиболее существенным индикатором трансформации символического порядка являются описанные Бартасом негласные «перемирия» с противником. Эти эпизоды не отменяют официального состояния войны, но демонстрируют способность солдат формировать локальные режимы взаимного ограничения насилия. Особенно показателен пример с аванпоста №10, где французских и немецких солдат разделяли лишь несколько метров и полосы колючей проволоки. Бартас описывает, как часовые спокойно сидят на парашетах, курят, обмениваются табаком, сигаретами, газетами и даже зажигалками. Один из немцев, сжимая руку в кулаке, восклицает: «Французы, немцы, солдаты, все товарищи. Офицеры... — и тут он

поднял сжатый кулак: — Нет!». [3, р. 294]

Возникновение подобных практик свидетельствует о формировании горизонтальной солидарности, основанной на общем опыте уязвимости. На микроуровне фронта вырабатывается прагматическая норма выживания, частично автономная по отношению к официальной логике тотального противостояния. Эта логика настолько сильна, что солдаты готовы защищать её даже от своих офицеров. Когда лейтенант Грулуа, стремясь спровоцировать немцев, подло застрелил выглянувшего немецкого часового, реакцией солдат было не одобрение, а возмущение. Бартас с отвращением называет поступок лейтенанта «трусливым» и замечает: «И подумать только, что этот лейтенант был самым награжденным офицером полка!». Это не означает исчезновения дисциплины, но указывает на сосуществование двух нормативных систем — институциональной и ситуативной, причем последняя обладает для солдат большей моральной силой.

Повседневный опыт французского солдата в 1916 г. представлял собой не абстрактный «фронтной быт», а совокупность конкретных телесных и пространственно обусловленных практик, жестко детерминированных локальными условиями боевой обстановки [10, р 33-41]. Материальная среда — глинистые траншеи Артуа, изолированные позиции в районе Аньес-ле-Дюисан, участки фронта, приближенные к тыловым зонам (Минервуа), — выступала не нейтральным фоном, а структурным фактором, трансформирующим характер отношений между рядовым составом и институтом командования. Анализ дневника Луи Бартаса позволяет рассматривать локальный фронтной контекст как ключевой механизм эрозии символической и практической легитимности армейской власти.

Первый механизм кризиса был связан с противоречием между материальными условиями выживания и

формализованными требованиями военной дисциплины [9, p.140-155]. В источнике систематически фиксируются физические страдания — холод, сырость, недосыпание, нехватка продовольствия, постоянная угроза артиллерийского и снайперского огня. В этих условиях приказы, игнорирующие конкретную ситуацию на позиции, начинали восприниматься не как выражение рационально организованной власти, а как формализм, оторванный от практики выживания. Показателен в этом смысле конфликт Бартаса с капитаном, приказавшим отправить людей на работу в ливень для поддержания проходимости траншеи. Бартас отказывается, мотивируя это не неповиновением, а практической бессмысленностью: «их усилия были бы бесполезны, и вся их усталость, их страдания были бы напрасны. И, кроме того, они не подчинились бы мне». [3, p. 146–147] В этом диалоге сталкиваются две логики: формальный приказ, рождённый в тепле и безопасности штаба, и солдатское знание, что работа в таких условиях не даст результата, а лишь истощит людей. Отказ Бартаса — не мятеж, а акт ответственной заботы о вверенных ему людях, которая оказывается выше уставных требований.

Если исходить из понимания легитимности как признания власти осмысленной и оправданной (в терминах социологии господства), то траншейная реальность подрывала именно этот аспект признания. Требования безупречного соблюдения формы, проведения второстепенных проверок или выполнения регламентированных процедур утрачивали функциональную целесообразность и воспринимались как внешнее принуждение. Особенно ярко это проявлялось в периоды отдыха, когда, казалось бы, забота о восстановлении сил должна была стать приоритетом. Однако Бартас с горькой иронией описывает инспекции коменданта Леблана в Бетанкуре: «То, что мы ели, для него ничего не значило. Но то, куда мы складировали остатки

кухонь, имело для него первостепенное значение... Но сквозняки холодного воздуха, грязность заготовок, отсутствие соломы для сна — всё это было для него второстепенным». [3, p. 151] Возникали формы скрытого сопротивления — замедление работы, формальное исполнение распоряжений, селективное игнорирование отдельных требований. Эти практики не являлись прямым мятежом, однако свидетельствовали о разрыве между нормативным порядком и повседневной рациональностью солдат [6, p. 12-20]. Тем самым материальность фронта становилась фактором демаргинализации принудительного характера власти и ослабления её символического основания [1, p. 137-150].

Второй механизм кризиса проявлялся в условиях изоляции и тактической автономии отдельных позиций. Аванпосты в районе Аньес-ле-Дюисан, характеризующиеся ограниченной видимостью, высокой степенью риска и удаленностью от непосредственного контроля командования, формировали пространство частичной нормативной автономии. В подобных ситуациях выживание зависело не столько от строгого следования уставу, сколько от ситуативных решений и неформальных договоренностей.

Описываемые Бартасом эпизоды локальных «перемирий» следует интерпретировать не как эмоциональные жесты гуманности, а как прагматические стратегии минимизации взаимного ущерба. Эта прагматика раскрыта предельно ясно: описывая ночные работы по установке колючей проволоки, Бартас замечает, что немцы слышали весь шум, «но они так и не выстрелили. Это было взаимно; мы редко обращали внимание на рабочие детали друг друга». И добавляет ключевую фразу: «Сколько тысяч других жертв было бы без этого молчаливого согласия, продиктованного не нашими боссами, а разумом и здравым смыслом!» [3, p. 172]. Они формировали параллельную систему практической легитимности, основанную

на согласованном интересе непосредственных участников боевого взаимодействия. В рамках этой логики требование активизации огня или демонстративных атак могло восприниматься как иррациональное вмешательство, увеличивающее риск без стратегической необходимости. Более того, солдаты были готовы защищать эту автономию. Когда сержант из соседней роты, «жаждущий повышения», попытался бросить гранату в немецкого часового и донести на «братающихся», обитатели аванпоста помешали ему, а сам доносчик был встречен враждебно. Таким образом, на микроуровне возникала альтернативная нормативность, в которой критерием оправданности действий становилась не формальная иерархия, а практическая целесообразность. Это означало не только ослабление дисциплинарного контроля, но и частичное перераспределение нормативной компетенции — от центра к локальному сообществу солдат.

Третий механизм кризиса был связан с опытом кратковременных отпусков и соприкосновения с тыловой реальностью. В секторах, расположенных в относительной близости к родным регионам солдат (например, Минервуа), фронтовой и мирный миры оказывались пространственно сопоставимыми, но нормативно несовместимыми. Возвращение в гражданскую среду обнажало разрыв между повседневной логикой мирной жизни и официальной военной риторикой долга, жертвы и героизма [5, р. 15].

Этот разрыв имел двусторонний характер. С одной стороны, солдат сталкивался с непониманием или поверхностной интерпретацией фронтового опыта в тылу, что усиливало чувство социальной изоляции. Бартас с горечью фиксирует это после своего отпуска в январе 1916 года: «Я заметил, что в тылу царил блаженный оптимизм, абсолютная уверенность в быстром и победоносном окончании войны. Это была гнусная работа лживых газет... Только матери и жены

дрожали, страдали, молились, но молча, заглушая свои рыдания». [3, р. 187] Итогом становится чувство тотальной отчужденности: «У нас было чувство, что нас принесли в жертву и что наши неопишуемые страдания не были оценены и никоим образом не нарушали мягкую тишину жизни в тылу». [3, р. 188] С другой стороны, возвращение в окопы после соприкосновения с мирной жизнью делало армейские ритуалы и символические формы власти особенно очевидно искусственными. Апелляции к патриотическому долгу утрачивают убедительность, если они не соотносятся с непосредственным опытом страдания и утраты. В результате подрывался ключевой элемент легитимности — способность власти предлагать интерпретационную рамку, придающую страданию осмысленный характер [2, р. 292]. Командование переставало восприниматься как медиатор смысла между фронтом и нацией.

Таким образом, локальный фронтовой контекст 1916 г. выступал не только совокупностью экстремальных условий существования, но и фактором, трансформировавшим характер признания военной власти на уровне повседневных практик и моральных оценок солдат. На материальном уровне он демонтировал символическое основание дисциплины; на уровне микросоциальной организации способствовал формированию альтернативной нормативности; на идеологическом уровне обнажал разрыв между фронтовым опытом и официальной военной мифологией. В совокупности эти процессы формировали латентный, но системный кризис легитимности армейской власти, проявлявшийся не столько в открытых актах неповиновения, сколько в постепенной эрозии признания её нормативного приоритета.

В условиях позиционной войны 1916 г. моральные дилеммы, фиксируемые в дневнике Луи Бартаса, выходят за пределы индивидуальной рефлексии и

приобретают социально-нормативное измерение. Они выявляют конфликт между двумя системами регуляции поведения: институциональной дисциплинарной логикой военной организации и внутренними этическими установками солдатского коллектива, сформированными в ситуации совместного риска и постоянного соприкосновения со смертью [10, р.101-110]. В этом контексте моральный выбор становится не частным актом совести, а формой микросоциального сопротивления и механизмом формирования альтернативной нормативности.

Показательным является описанный Бартасом эпизод, в котором офицер без предупреждения открывает огонь по немецкому часовому, с которым на данном участке фронта сложился режим негласного нейтралитета. Речь идёт о лейтенанте Грулуа, которого Бартас с отвращением характеризует как «самого награжденного офицера полка». С формально-правовой точки зрения действие офицера не нарушало воинского устава и соответствовало логике ведения боевых действий. Однако реакция рядовых демонстрирует расхождение между нормативной легитимностью приказа и его моральным восприятием. В солдатской интерпретации данный акт квалифицируется как нарушение неформального, но признанного обеими сторонами порядка минимизации взаимного риска. Более того, этот поступок имел прямые и опасные последствия для солдат: спровоцированные выстрелом немцы весь следующий день обстреливали позиции, ставя жизни французских часовых под угрозу.

Таким образом, возникает ситуация двойной легитимности: формальная — основанная на военной иерархии и нормативных актах, и практическая — основанная на локальном консенсусе и представлениях о справедливости, выработанных в повседневном взаимодействии [2, р. 9]. Действие офицера, будучи институционально оправданным, оказывается

морально дискредитированным в рамках солдатской общности. Это расхождение подрывает символический авторитет власти, поскольку её решения перестают восприниматься как справедливые и соразмерные ситуации [1, р. 137-150].

В ответ на подобные эпизоды внутри подразделения формируется горизонтальная структура солидарности, основанная на взаимопомощи и эмпатии [10, р.33-41]. В дневнике подробно описываются забота о раненых, распределение ограниченных ресурсов, психологическая поддержка товарищей. Эти практики не сводятся к функциональной необходимости поддержания боеспособности; они выступают механизмами воспроизводства коллективной идентичности. В рамках данной солидарности формируется система ценностей, в которой приоритет отдается сохранению конкретной жизни и взаимной поддержке, а не абстрактным идеологическим установкам.

Показателен в этом смысле эпизод с рядовым Сабатье, вернувшимся из верденского ада на Кот-304. Во время отдыха в Бетанкуре он, неся караул, демонстративно не отдал честь коменданту батальона Леблану и его неизменному спутнику, капитану Кро. На гневный вопрос офицера Сабатье невозмутимо ответил: «Я говорю, что на Лазурном берегу 304 мы тебя никогда не видели. Здесь мы никому не отдаём честь больше». [3, р. 209] В этой дерзкой реплике — квинтэссенция перераспределения авторитета: боевой опыт, совместное страдание и выживание там, «где тебя не видели», дают моральное право игнорировать формальные знаки иерархии здесь, в тылу.

Так складывается альтернативный источник нормативного авторитета, который можно определить как практическую моральную легитимность. Он не институционализирован и не закреплён в официальных регламентах, однако обладает высокой степенью признания внутри коллектива [9, р.140-155]. Легитимность в

этой системе определяется не формальным званием, а способностью разделять риск, соблюдать негласные правила и поддерживать товарищей. В результате внутри армейской структуры возникает конкуренция между вертикальной моделью власти и горизонтальной этикой взаимности [1, р. 137-150].

Наиболее яркое проявление этой конкуренции — позиция лейтенанта Кордые, командира одной из рот. После кровопролитных боёв на Кот-304, когда от него потребовали представить список «наиболее отличившихся» для награждения Военным крестом, он категорически отказался, заявив: «Все мои люди выполнили свой долг. Вознаградить немногих — значило бы нанести вред остальным. Это несправедливость, с которой я не соглашусь». Офицер, рисковавший карьерой («он был далек от того, чтобы быть на хорошем счету у двух нелепых диктаторов нашего батальона»), встаёт на сторону солдатской этики, согласно которой подвиг на войне — не индивидуальная доблесть, а коллективная судьба. [3, р. 205–206]

Особую роль в данном процессе играет постоянное присутствие смерти, систематически фиксируемое Бартасом. С одной стороны, массовая гибель сослуживцев ведет к девальвации официальных идеологических формул — «слава», «долг», «отечество» — которые в условиях повседневных потерь утрачивают убедительность. Патриотическая риторика оказывается слабо соотнесенной с конкретным опытом страдания, что ослабляет её мобилизационный потенциал и подрывает идеологическое основание власти.

С другой стороны, опыт смерти создает эффект радикального экзистенциального равенства. В ситуации, когда гибель может настичь любого независимо от звания и статуса, символические маркеры иерархии частично теряют своё значение. Если власть не способна обеспечить безопасность и предсказуемость,

её превосходство перестает восприниматься как функционально оправданное [2, р. 292]. Подчинение в подобных условиях всё чаще приобретает формальный характер, не сопровождаясь внутренним признанием авторитета.

Кульминацией морального кризиса становится эпизод, выходящий за рамки фронтальной повседневности и обнажающий цинизм самой системы. В декабре 1916 года в деревне Салуэль капрал Мюллер, «парижанин, обладающий всеми пороками», в пьяном виде случайно застрелил 15-летнюю внучку хозяйки таверны. [3, р. 327] Трагедия, однако, получает двойное дно в интерпретации Бартаса. Убийца предстаёт перед трибуналом, но благодаря заступничеству семьи жертвы получает всего два года тюрьмы. Но главное — о самом преступлении официальные инстанции предпочитают молчать. Бартас с горечью проводит мысленный эксперимент: если бы убийцей был немец, газеты раздули бы из этой истории символ зверства тевтонов, имя девушки вошло бы в историю, чтобы «разжечь ненависть к немцам». Но поскольку преступник — француз, «мы должны хранить молчание об этом преступлении, что не упоминалось в официальных депешах».

Этот эпизод выводит проблему кризиса легитимности на принципиально иной уровень. Власть более не является даже формальным арбитром справедливости. Она оказывается инструментом поддержания репутационного фасада, где справедливость ситуативна: преступление врага должно быть растиражировано, преступление своего — скрыто. В глазах солдата, подобный цинизм окончательно дискредитирует власть, апеллирующую к высоким моральным категориям. На месте абстрактной справедливости остается голая корпоративная солидарность офицерства и безразличие к судьбе «маленького человека» — будь то солдат или гражданское лицо. Моральный выбор, таким образом, перестаёт быть только

вопросом личной совести; он становится актом распознавания лжи и формой сопротивления ей.

Таким образом, моральный выбор, практики солидарности и экзистенциальный опыт смерти формируют внутри солдатской среды параллельную нормативную систему. Она не направлена на прямой разрыв с дисциплинарным порядком, однако постепенно лишает его моральной исключительности. Кризис 1916 г. проявляется не только в ослаблении дисциплины, но прежде всего в утрате армейской властью монополии на интерпретацию справедливого, должного и осмысленного [1, p. 137-150].

Дневник Бартаса позволяет зафиксировать этот процесс на микроуровне повседневности: моральная рефлексия солдат и их практики взаимности становятся фактором перераспределения символического авторитета внутри военной структуры. Тем самым кризис легитимности приобретает не только институциональное, но и ценностное измерение.

Заключение. Проведённое исследование, основанное на микроисторическом анализе дневника Луи Бартаса, позволяет уточнить характер трансформаций, происходивших во французской армии на Западном фронте в 1916 г. Полученные результаты свидетельствуют о том, что данный период следует рассматривать не только как этап нарастания физической и психологической усталости личного состава, но и как фазу постепенного кризиса легитимности символической власти командования на уровне повседневных практик.

Анализ источника с использованием теоретических положений П. Бурдьё о символической власти и признании позволил выявить несколько взаимосвязанных механизмов этой эрозии.

Во-первых, фиксируется процесс десакрализации формальных символов военной иерархии. Знаки различия, элементы униформы, церемониальные практики и ритуалы, призванные

поддерживать коллективную идентичность и дисциплину, в восприятии рядовых всё чаще утрачивают внутреннюю значимость. Показательно, что даже такие сакральные символы, как боевое знамя, в солдатском восприятии редуцируются к телесному опыту («я дрожал, но это было от холода»), а нашивки воспринимаются не как знак доблести, а как навязанный атрибут, необходимый для избегания санкций. Их соблюдение приобретает преимущественно формальный характер и обеспечивается главным образом угрозой санкций. Тем самым ослабляется ключевой ресурс символической власти — добровольное признание её нормативного статуса.

Во-вторых, локальный контекст фронта способствует формированию ситуации конкурирующих легитимностей. В экстремальных условиях траншей и изолированных аванпостов официальная модель легитимности, основанная на апелляции к долгу, нации и воинской дисциплине, сталкивается с практической нормативностью, вырабатываемой самими солдатами. Негласные договорённости о снижении взаимного огня, приоритет взаимопомощи и ориентация на минимизацию потерь формируют альтернативный критерий оправданности действий. В ряде случаев приказы, формально соответствующие уставу, воспринимаются как противоречащие локально признанным нормам справедливости и целесообразности. Солдаты не только следуют этим нормам, но и готовы защищать их, препятствуя доносительству и осуждая офицеров, чьи действия (как в случае с лейтенантом Грулуа) ставят под угрозу установившийся модус выживания. Это расхождение подрывает символический авторитет командования, не разрушая при этом саму институциональную структуру.

В-третьих, постоянное присутствие смерти и повседневное соприкосновение с гибелью сослуживцев способствуют

переоценке официального идеологического дискурса войны. Патриотическая риторика, обеспечивавшая мобилизационное единство в начальный период конфликта, в условиях затяжного позиционного противостояния утрачивает убедительность. Однако кризис затрагивает не только риторiku, но и фундаментальные моральные основания власти. Наиболее вопиющим проявлением этого становится цинизм институциональной системы, которая замалчивает преступления, совершённые «своими» (убийство 15-летней девушки капралом Мюллером), и применяет двойные стандарты в зависимости от того, кто является преступником — «свой» или враг. В солдатской среде формируется собственная система моральных ориентиров, основанная на опыте совместного страдания и взаимной зависимости. Эта система настолько сильна, что проникает и в саму структуру командования: отдельные офицеры (как лейтенант Кордье) открыто отказываются участвовать в несправедливом, с их точки зрения, распределении наград, ставя солдатскую этику выше карьерных интересов. Это приводит к частичной утрате армейской властью монополии на определение смысловых и ценностных координат поведения.

Таким образом, к концу 1916 г. во французской пехоте складывается ситуация структурного расхождения между формальным сохранением дисциплинарной иерархии и ослаблением её символического основания. Дисциплина при этом продолжает функционировать, однако всё чаще приобретает характер внешнего подчинения, не сопровождаемого внутренним признанием авторитета. Институциональные механизмы подчинения продолжают функционировать, однако степень их внутреннего признания заметно снижается. Регуляция повседневности в значительной мере осуществляется через горизонтальные связи, неформальные договорённости

и коллективные практики взаимопомощи. Авторитет начинает перераспределяться: он основывается не на формальном звании, а на способности разделить риск и страдание («на Лазурном берегу 304 мы тебя никогда не видели»).

Накопление подобных процессов в 1916 г. может рассматриваться как одна из социально-психологических предпосылок кризиса дисциплины 1917 г. когда латентные формы отчуждения трансформировались в открытые проявления недовольства. При этом дневник Бартаса демонстрирует, что истоки этих событий следует искать не исключительно в стратегических просчётах командования или материальных лишениях, но и в постепенной эрозии символического авторитета власти на уровне повседневного опыта, а также в её моральной дискредитации, вызванной цинизмом и двойными стандартами.

Научная значимость исследования заключается в апробации синтеза микроисторического подхода и теории символической власти для анализа военных институтов эпохи тотальной войны. Обращение к эгодокументу позволило реконструировать процессы, остающиеся малозаметными в источниках официального происхождения, и показать, каким образом макроисторический кризис дисциплины формируется через совокупность повседневных практик, моральных оценок и локальных стратегий поведения. Особую ценность представляет анализ ценностного измерения кризиса, выходящего за рамки противостояния «солдаты — офицеры» и обнажающего глубинные моральные противоречия внутри самой военной машины. Предложенная аналитическая модель может быть использована в сравнительных исследованиях кризисов легитимности в армиях других государств периода Первой мировой войны и более широкого контекста войн XX века.

Список литературы

1. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С. 181–207.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии. М.: Изд-во ВШЭ, 2016.
3. Barthas L. Poilu: The World War I Notebooks of Corporal Louis Barthas, Barrelmaker, 1914–1918. Translated by Edward M. Strauss. New Haven: Yale University Press, 2014.
4. Ginzburg C. Microstoria: due o tre cose che so di lei // Quaderni storici. 1994. Vol. 29. № 86. P. 511–539.
5. Audoin-Rouzeau S., Becker A. 14-18. Retrouver la Guerre. Paris: Gallimard, 2000.
6. Fuller J.G. Troop Morale and Popular Culture in the British and Dominion Armies 1914–1918. Oxford: Clarendon Press, 1990.
7. Loez A. 14-18. Les refus de la guerre. Une histoire des mutins. Paris: Gallimard, 2010.
8. Smith L. Between Mutiny and Obedience. The Case of the French Fifth Infantry Division during World War I. Princeton: Princeton University Press, 1994.
9. Rousseau F. La guerre censurée. Une histoire des combattants européens de 14–18. Paris: Éditions du Seuil, 1999.
10. Winter J. Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
11. Becker J. 1914–1918: Comment les Français sont entrés dans la guerre. Paris: Presses de la FNSP, 1977.
12. Cronier E. Permissionnaires dans la Grande Guerre. Paris: Belin, 2013.

THE DECLINE OF AUTHORITY: THE FRENCH ARMY IN 1916, AS WRITTEN BY LOUIS BARTAS.

The First World War was a turning point that fundamentally changed the course of world and European history. In terms of its nature and the technologies used, it was a military conflict of a fundamentally new type. A crucial historical issue is the analysis of the moral and psychological aspects of frontline daily life, which are reflected in the surviving personal sources. The article, based on the diary of the French infantryman Louis Bartas, explores the processes of erosion of the symbolic legitimacy of military power in the French army in 1916. The author analyzes the everyday practices and moral dilemmas of the soldier environment, revealing the mechanisms of desacralization of formal symbols of hierarchy (uniforms, rituals), the formation of alternative norms in the local frontline context, and the moral discrediting of the command. Based on the micro-historical approach and the theory of symbolic power by P. Bourdieu, the article reconstructs the latent crisis of recognition of the army's authority, which is considered as one of the socio-psychological prerequisites for the 1917 uprisings.

Keywords: World War I, French Army, Legitimacy Crisis, Symbolic Power, Microhistory, Frontline Everyday Life, Moral Choice, Louis Bartas, Ego-Documents, 1917 Uprisings.

References

1. Bourdieu P. (1994). Sotsial'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast' [Social Space and Symbolic Power]. In: Nachala [Beginnings]. Moscow: Socio-Logos, pp. 181–207. (In Russian).
2. Veber M. (2016). Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii [Economy and Society: Essays in Interpretive Sociology]. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian).
3. Barthas L. (2014). Poilu: The World War I Notebooks of Corporal Louis Barthas, Barrelmaker, 1914–1918. New Haven: Yale University Press.
4. Ginzburg C. (1994). Microstoria: due o tre cose che so di lei. Quaderni Storici, 29(86),

511–539.

5. Audoin-Rouzeau S., Becker A. (2000). 14–18. Retrouver la Guerre. Paris: Gallimard.
6. Fuller J.G. (1990). Troop Morale and Popular Culture in the British and Dominion Armies 1914–1918. Oxford: Clarendon Press.
7. Loez A. (2010). 14–18. Les refus de la guerre. Une histoire des mutins. Paris: Gallimard.
8. Smith L. (1994). Between Mutiny and Obedience: The Case of the French Fifth Infantry Division during World War I. Princeton: Princeton University Press.
9. Rousseau F. (1999). La guerre censurée. Une histoire des combattants européens de 14–18. Paris: Éditions du Seuil.
10. Winter J. (1995). Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Becker J. (1977). 1914–1918: Comment les Français sont entrés dans la guerre. Paris: Presses de la FNSP.
12. Cronier E. (2013). Permissionnaires dans la Grande Guerre. Paris: Belin.

Об авторах

Сагимбаев Алексей Викторович - доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: sagimbaev@yandex.ru;

Вавилин Андрей Витальевич - студент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: an.chertow@yandex.ru.

Sagimbaev Alexey Viktorovich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: sagimbaev@yandex.ru;

Vavilin Andrey Vitalievich - student, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: an.chertow@yandex.ru.

УДК 94(47).083

Сильченко И.С., кандидат исторических наук, Технический университет УГМК (Россия)

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС 26-ГО ШАДРИНСКОГО ГОРНЫХ СТРЕЛКОВ ПОЛКА В КОНЦЕ 1918 Г.: ВОЕННО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Статья представляет военно-антропологический анализ офицерского корпуса 26-го Шадринского горных стрелков полка Белой армии по состоянию на конец 1918 г. На основе просопографического метода и архивных материалов реконструирован коллективный социально-демографический профиль командного состава. Исследование выявляет ключевые характеристики, типичные для уральских формирований того периода: глубокий структурный дисбаланс с преобладанием молодых прапорщиков и острым дефицитом офицеров среднего звена; низкий уровень боевого опыта Первой мировой войны; преимущественно недворянское (крестьянско-мещанское) происхождение; молодой средний возраст (27 лет) и высокая доля холостых; разнородный образовательный уровень с сильной уральской региональной составляющей. Установлено, что конфессиональный состав, включавший иудеев, отражал трансформацию принципов отбора в условиях кадрового кризиса. Делается вывод, что офицерский корпус полка был продуктом мобилизационного режима Гражданской войны, а его социальный облик определял как потенциал, так и уязвимости белых частей на Урале.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Белое движение, Урал, военная антропология, просопография, офицерский корпус, социально-демографический профиль, 26-й Шадринский полк, мобилизация.
DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-02-91-98

Введение. Антропологический поворот, наблюдаемый в отечественной исторической науке последние десятилетия, закономерно запустил процесс смещения интересов исследователей Гражданской войны в России с анализа операций и идеологий к изучению её человеческого измерения [см., например: 3; 6; 7; 8; 14; 15]. Этот подход позволяет увидеть в участниках противостояния не безликие «массы» или носителей политических программ, а конкретных людей, чьи решения, мотивы и судьбы формировали ткань исторических событий. Особую актуальность приобретает изучение командного состава противоборствующих сторон, поскольку именно военное руководство различных уровней выступало ключевым элементом управления, поддержания боевого духа и трансляции ценностей в экстремальных условиях «русской Смуты».

Несмотря на растущий интерес к социальной истории Белого движения, многие его региональные особенности

остаются недостаточно изученными. При этом, специфика формирования местных частей, их кадровый состав и региональная обусловленность представляют значительный научный интерес для понимания внутренней структуры и потенциала Белого движения на востоке России. Наряду с этим Уральский регион, бывший важнейшим экономическим и военно-политическим узлом противостояния, представляет в этом отношении значительное поле для исследования.

Данная статья логически продолжает изыскания автора, посвящённые социально-демографическому портрету офицеров 25-го Екатеринбургского и 27-го Камышлово-Орвайского горных стрелков полков, и фокусируется на их соседе по дивизионному порядку — 26-м Шадринском горных стрелков полку. Цель исследования заключается в комплексном военно-антропологическом анализе персональных данных офицерского состава полка по состоянию на конец 1918 г., направленном на

реконструкцию его социально-демографического профиля. Задачами являются выявление ключевых характеристик офицеров, анализ внутренней структуры и дисбалансов, а также оценка потенциала и ограниченной части через призму её человеческого капитала.

Объекты и методы исследования.

Источниковую базу исследования составили неопубликованные документы из фондов Российского государственного военного архива (РГВА), прежде всего — «Списки по старшинству в чинах» офицеров 26-го Шадринского горных стрелков полка, хранящийся в Ф. 40307. Для верификации данных и реконструкции довоенного периода службы привлекались материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Методологической основой выступил просопографический метод, адаптированный к задачам военной антропологии. Он предполагает выявление, систематизацию и количественный анализ персональных данных с последующим построением обобщённого группового профиля. Для обеспечения достоверности применялись принципы внешней и внутренней критики источника, а также перекрёстная проверка данных по различным архивным делам.

Важно подчеркнуть, что реконструируемые социально-демографические характеристики не являются универсальными и исчерпывающими для всего Белого движения. Однако их глубокий анализ служит важной составляющей для решения нескольких взаимосвязанных задач:

- понимания антропологической стороны Гражданской войны — той «войны снизу», где мотивы, происхождение и жизненный путь конкретного человека напрямую влияли на его выбор и поведение;
- определения психологических мотиваторов и ограничителей для офицества в условиях кризиса;
- существенного углубления представлений об антропологии именно

уральского Белого движения, выявления его внутренней социальной ткани, региональной специфики набора и тех структурных проблем, которые предопределяли как сильные, так и слабые стороны этих формирований.

Таким образом, настоящее исследование направлено не на создание цельного образа уральского офицера, а на приращение его «мозаичной», микроисторической составляющей, которая в дальнейшем может усилить синергетический эффект в деле обобщения антропологического образа офицера эпохи Гражданской войны в России.

Результаты и их обсуждение. Летом 1918 г., в рамках общего развертывания антибольшевистских сил на Урале, началось создание 2-й Уральской дивизии горных стрелков. Формирование полков дивизии предполагалось организовать в Екатеринбургском, Шадринском, Камышловском и Красноуфимском уездах [12, л. 2]. Полки, получившие наименования согласно центрам формирования, первоначально получили нумерацию с 5-го по 8-й соответственно. 6 августа 1918 г. на должность командира 6-го Шадринского горных стрелков полка был назначен полковник А. Е. Иванов, в годы Первой мировой войны командовавший 13-м Финляндским стрелковым полком [12, л. 2]. С 19-го Августа 1918 г. 2-я Уральская горных стрелков дивизия получила порядковый номер «7», а входящие в ее состав полки стали именоваться: 25-й Екатеринбургский горных стрелков полк, 26-й Шадринский горных стрелков полк (далее—26-й Шадринский полк), 27-й Камышловский горных стрелков полк и 28-й Ирбитский (вместо Красноуфимского) горных стрелков полк [12, л. 2].

Первоначально полки пополнялись за счет добровольцев, так 14 августа 1918 г. в составе 26-го Шадринского полка числилось 106 офицеров и 73 рядовых и унтер-офицеров [12, л. 5]. 25 августа была объявлена мобилизация молодых людей

1898 и 1899 годов рождения, которая проходила «успешно и спокойно» [12, л. 5].

В конце лета — осенью 1918 г. полк осуществлял боевые действия на Екатеринбургском направлении, участвуя в сражениях в районах Кушвы и Кунгура. Весной-летом 1919 г. соединение приняло участие во взятии Уфы, после чего, в ходе общего отступления белых войск, было вынуждено отойти на восток. Полк прекратил своё существование как самостоятельное воинское формирование в начале 1920 г. [4, с. 86—88]

По данным на 29 ноября 1918 г., в 26-м Шадринском полку числилось 130 офицеров и военных чиновников [13, л. 156]. Отдельно необходимо учитывать, что 22 офицера находились в командировках [13, л. 128, 129, 137, 138, 152, 153]. В рамках данного исследования социально-профессиональный анализ ограничен наличным составом, поскольку его численность достаточна для репрезентативных выводов об офицерском корпусе указанной воинской части.

В указанный период в полку состоял 1 полковник, 1 подполковник, 4 штабс-капитана, 14 поручиков, 17 подпоручиков, 1 зауряд-прапорщик, 61 прапорщик, 3 чиновника военного времени, коллежский секретарь, титулярный советник, старший врач, младший врач, младший ординатор и полковой священник в чине протоиерея [13, л. 127—155].

Офицерский корпус полка демонстрировал характерный для русской армии заключительного периода Первой мировой войны структурный дисбаланс. Формальное превышение штатной численности на 50 человек, достигавшееся почти исключительно за счёт чина прапорщика, сочеталось с полным отсутствием капитанов при штатной потребности в 14 офицеров этого ранга [13, л. 156]. На практике это создавало ситуацию избытка младших, часто недостаточно опытных командиров при остром дефиците среднего звена управления. Данная

структурная диспропорция напрямую вытекала из системы кадрового пополнения [См., например: 1, с. 34—45]: абсолютное большинство офицеров (71 человек) являлись выпускниками школ прапорщиков военного времени, в основном Чистопольской, Ораниенбаумской и Оренбургской, а также ускоренных курсов при различных военных училищах [13, л. 127—155]. Общеобразовательный уровень корпуса отличался значительной неоднородностью. При преобладании выпускников учебных заведений среднего звена (27 человек) [13, л. 127—155], можно отметить их региональную концентрацию: основная масса этих офицеров окончила городские и реальные училища Екатеринбурга, что напрямую связано с уральской спецификой формирования полка. Параллельно в полку была заметна прослойка лиц с высшим образованием, или студентов высших учебных заведений (15 офицеров) [13, л. 127—155], представлявших Петроградский, Московский, Варшавский университеты, Харьковский и Томский технологические институты, Рижский политехнический институт, а в уникальном случае прапорщик Я. А. Васильковский — даже Берлинский университет [13, л. 150]. Таким образом, офицерская среда полка представляла собой продукт массовой мобилизации, сочетавший превышение штатной численности с качественной разнородностью, что отражало общие кризисные тенденции в армии и обществе к 1917 г [2, с. 12].

Анализ боевого опыта офицерского состава 26-го Шадринского полка на 29 ноября 1918 г. выявляет качественный дисбаланс, усугублявший структурные проблемы комплектования. Лишь 44 офицера (около 40%) обладали опытом Первой мировой войны, в то время как подавляющее большинство — 64 человека (около 60%) [13, л. 127—155] — такого опыта не имели. Единственным носителем опыта Русско-японской войны был командир полка полковник А. Е. Иванов.

Таким образом, основная масса офицеров была вынуждена приобретать боевые навыки уже в ходе Гражданской войны. Значительную часть этой группы составляли прапорщики и подпоручики военного времени, прошедшие ускоренную подготовку в 1916—1917 гг. и часто не успевшие попасть на фронт до его развала. Типичной в этом отношении является карьера прапорщика П.И. Белова, призванного в 1916 г., окончившего школу прапорщиков Юго-Западного фронта и оставшегося служить в запасном полку до конца войны [11, л. 3]. Масовое отсутствие фронтового опыта предопределило низкий исходный уровень боевой подготовки офицерского корпуса.

Работа с послужными списками выявляет не только биографические данные, но и характерные для эпохи искажения и сбои в системе военного учёта. Показательным в этом отношении является случай подпоручика 26-го Шадринского полка В. М. Волкова.

Согласно его послужному списку, Волков был произведён в прапорщики 1 декабря 1914 г. после окончания Чугуевского военного училища, в 1916 г. откомандирован в 237-й Гайворонский пехотный полк и участвовал в боевых действиях в Галиции. Однако в том же источнике содержится запись о его смерти от ран 24 августа 1915 г. [10, л. 1—12], подтверждаемая картотекой потерь с указанием места захоронения [9, л. 218]. При этом персональные данные погибшего прапорщика 237-го полка и офицера 26-го Шадринского полка полностью совпадают.

Возникшее противоречие может быть объяснено несколькими факторами. Наиболее вероятными представляются ошибки делопроизводства, утрата и фрагментация архивов, а также сбой в системе персонального учёта в условиях революции и Гражданской войны. Вместе с тем нельзя полностью исключить и возможность сознательного использования документов погибшего офицера другим

лицом, что в обстановке общего распада было возможно, хотя и трудно поддаётся прямой верификации.

Из 44 офицеров, служивших в Первую мировую, ранения имели только 12 человек (примерно 27% от этой категории) [13, л. 127—155]. Хотя наличие раны зачастую было косвенным признаком фронтовой закалки, столь небольшая доля раненых среди офицеров с опытом может указывать на то, что многие из них могли провести войну на второстепенных должностях или в тыловых частях, не получив полноценной фронтовой практики.

Одним из ключевых индикаторов служебной эффективности и официального признания заслуг являлось наличие государственных наград, что в равной степени относилось как к офицерскому корпусу, так и к военным чиновникам. Согласно имеющимся данным, в исследуемой группе 22 офицера и военных чиновника были отмечены наградами Российской империи и Временного правительства. При этом важно отметить, что основанием для награждения служила не исключительно военная, но также гражданская и общественная деятельность. Наиболее показательным в этом отношении является пример штабс-капитана А.М. Бубиндуса, в послужном списке которого значатся ордена Святой Анны 4-й, 3-й и 2-й степеней, а также Святого Станислава 3-й и 2-й степеней [13, л. 128].

Конфессиональный состав офицерского корпуса 26-го Шадринского полка включал 98 православных, 2-х старообрядцев, 1-го католика, 3-х лютеран и 4-х иудеев [13, л. 127—155]. В целом он воспроизводил основные контуры религиозной структуры населения Российской империи, но одновременно отражал и особенности социального отбора в условиях военного времени.

Доминирование православных офицеров соответствовало как общей конфессиональной картине региона, так и исторической роли православия в институтах

имперской армии

Особого внимания заслуживает наличие в офицерском корпусе четырёх иудеев. В дореволюционной армии их продвижение по службе было существенно ограничено, несмотря на временное смягчение законодательства в годы Первой мировой войны. Фиксация данной группы в составе 26-го Шадринского полка позволяет говорить о фактическом расширении социальных и конфессиональных рамок в Белых войсках на начальном этапе Гражданской войны, когда потребность в офицерских кадрах превосходила традиционные религиозные и сословные барьеры.

Таким образом, конфессиональная структура полка отражает не только наследие имперского общества, но и трансформацию механизмов военного отбора в условиях революционного кризиса. Она демонстрирует, что офицерский корпус формировался как функциональное, а не корпоративно-замкнутое сообщество, в котором ключевым критерием включения выступала военная пригодность, а не религиозная принадлежность.

Абсолютное число офицеров (57) происходило из Пермской губернии, что также обусловлено уральской спецификой формирования полка. При этом, наблюдались достаточно крупные группы представителей западных губерний Российской империи – Варшавской, Виленской, Гродненской [13, л. 127—155].

Особого внимания в рамках социального анализа заслуживает сословное происхождение офицеров полка, которое окончательно формирует его комплексный социологический портрет. Абсолютное большинство личного состава имело недворянские корни: 44 офицера происходили из крестьян и 24 — из мещан. Значимыми, но немногочисленными группами были дети чиновников (8 человек) и священников (5 человек), а также представители типичной для Урала категории мастеровых (2 человека) [13, л. 127—155]. При

этом в полку был зафиксирован лишь один офицер дворянского происхождения. Эти данные, с одной стороны, опровергают упрощённый общественно-исторический миф о «буржуазно-аристократическом» составе белого офицерства, а с другой — полностью соответствуют тенденциям, выявленным в современной историографии [2, с. 12] для периода конца Первой мировой и начала Гражданской войны.

Анализ семейного положения и возраста офицеров полка дополняет его социально-демографический портрет. Подавляющее большинство офицеров (80 человек) не состояли в браке. Из 28 женатых офицеров лишь 12 имели детей, причем многодетных семей было исключительно мало: только трое воспитывали четверых детей, двое — троих, трое — двоих, остальные — по одному ребенку [13, л. 127—155]. Эта тенденция к малодетности отражала общую социально-экономическую нестабильность эпохи.

Одним из факторов, объясняющих данную семейную структуру, является возрастной состав. Средний возраст офицера составлял 27 лет, при этом наиболее часто встречались годы рождения 1894 (15 человек) и 1896 (13 человек) [13, л. 127—155]. Таким образом, костяк корпуса составляли мужчины, чья юность и вступление в сознательный возраст пришлись непосредственно на годы Первой мировой и Гражданской войн. При этом крайними показателями возрастного диапазона являлись: для самых младших офицеров (род. 1898) — 20 лет, а для самого старшего, подполковника М.Е. Бажанова (род. 1870) — 48 лет. Средний возрастной профиль офицеров полка был близок к типичному для той эпохи периоду вступления в брак [5, с. 9—15], что, однако, в условиях войны и мобилизации для большинства не было реализовано. Молодость и отсутствие семейных уз могли повышать личную мобильность, в то время как недостаток боевого опыта в сочетании с возрастной импульсивностью порой мог формировать

специфические модели поведения в боевой обстановке.

Заключение (выводы). Проведённый военно-антропологический анализ офицерского корпуса 26-го Шадринского горных стрелков полка на конец 1918 г. позволяет сформировать его обобщённый социально-демографический портрет. Этот образ характеризуется рядом взаимосвязанных черт: глубокий структурный дисбаланс; кадровая специфика, обусловленная тотальной мобилизацией; недостаток реального боевого опыта Первой мировой войны у большинства личного состава; социальное происхождение с абсолютным доминированием выходцев из крестьян и мещан; молодой средний возраст и преобладание холостых офицеров; а также разнородный образовательный уровень с сильной региональной (уральской) составляющей. Данный комплекс характеристик с высокой степенью вероятности являлся типичным не только для данного полка, но и для большинства аналогичных формирований, создававшихся на Урале в 1918 г., что определялось общими условиями мобилизации, особенностями местного социума и наследием кадровой политики позднего периода Первой мировой войны.

Сформированный профиль оказал непосредственное влияние на поведенческие характеристики и потенциал офицерского корпуса. Молодость, отсутствие семейных обязательств и карьерный «лифт»

для многих в условиях Гражданской войны могли способствовать повышенной личной мобильности, готовности к риску и авантюризму. Однако эти потенциально активные качества нивелировались критическим недостатком управленческого опыта, боевой выучки и авторитета, проистекавшим из структурного перекоса и ускоренной подготовки. Образовательная неоднородность, сочетавшая практиков и выпускников столичных университетов, создавала сложную интеллектуальную среду, но едва ли способствовала оперативной слаженности. В результате офицерский корпус, будучи количественно превосходящим установленные нормы, качественно представлял собой скорее массу младших командиров, вынужденных учиться воевать непосредственно в боевой обстановке, при хронической нехватке грамотных командиров среднего звена для управления этой массой.

Таким образом, офицерский корпус 26-го Шадринского горных стрелков полка следует рассматривать не как результат восстановления имперской армии, а как детище радикального нового мобилизационного режима, характерного для периода Гражданской войны. Социальный облик и, как следствие, профессиональный уровень офицеров полка были обусловлены логикой кризиса, что в равной степени определяло, как потенциал, так и уязвимости белых вооружённых формирований на Урале.

Список литературы

1. Волков С.В. Выпуск офицеров из военных училищ и школ прапорщиков в годы Первой мировой войны (анализ количественных данных) // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2014. №60. С. 34—45.
2. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. Москва: Центрполиграф, 2001. 509 с.
3. Гагкуев Р.Г., Петин Д.И. Гражданская война на Кубани в воспоминаниях Н.И. Рогозина // ИВ. 2022. №4. С. 156—179.
4. Кручинин А.М. 7-я уральская дивизия горных стрелков в гражданской войне на востоке России в 1918–1920 гг. // Первые уральские военно-исторические чтения: материалы региональной научной конференции (Екатеринбург, 14 ноября 1996 г.). Екатеринбург: УрГУ, 1997. С. 86—88.
5. Морозов С.Д. Мужчины и женщины России на рубеже XIX–XX вв.: тенденции

брачности // Женщина в российском обществе. 2012. №2. С. 9—15.

6. Морозова О.М. Человек в условиях гражданской войны: антропология российского вооруженного конфликта. 1917—1920 гг.: дисс. ... док. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2013. 630 с.

7. Посадский А.В. Борьба с переходами солдат к противнику в Гражданской войне. Взгляд белого командира корпуса // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2022. №4. Т.7. С. 14—18.

8. Разиньков М.Е. Психологические ресурсы комбатантов: по материалам «Долгой войны» в России (1914–1922 гг.) // Манускрипт. 2019. №7. С. 53—58.

9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Ш. без номера. Я. 7440-В.

10. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 51398.

11. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 56667.

12. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39517. Оп. 1. Д. 8.

13. РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 62.

14. Сушко А.В., Петин Д.И. Бывшие офицеры, социализировавшиеся в духовенство в советском обществе 1920-х гг. (на примере УССР) // Русин. 2025. №81. С. 187—201.

15. Шойдонова А.М. Годы Гражданской войны в судьбах директоров бурят-монгольского государственного педагогического института // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2024. №1. С. 42—49.

THE OFFICER CORPS OF THE 26TH SHADRINSK MOUNTAIN RIFLE REGIMENT IN LATE 1918: A MILITARY- ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS OF SOCIO-DEMOGRAPHIC PROFILE

The article presents a military-anthropological analysis of the officer corps of the 26th Shadrinsk Mountain Rifle Regiment of the White Army as of the end of 1918. Based on the prosopographic method and archival materials, the collective socio-demographic profile of the command staff is reconstructed. The study reveals key characteristics typical for Ural formations of that period: a deep structural imbalance with a predominance of young ensigns (praporshchiks) and an acute shortage of mid-level officers; a low level of combat experience from the First World War; predominantly non-noble (peasant and petit bourgeois) origin; a young average age (27 years) and a high proportion of unmarried men; a heterogeneous educational level with a strong Ural regional component. It is established that the confessional composition, which included Jews, reflected the transformation of selection principles under conditions of a personnel crisis. It is concluded that the regiment's officer corps was a product of the Civil War's mobilization regime, and its social profile determined both the potential and the vulnerabilities of White units in the Urals.

Keywords: Russian Civil War, White Movement, Urals, military anthropology, prosopography, officer corps, socio-demographic profile, 26th Shadrinsk Regiment, mobilization.

References

1. Volkov S.V. (2014). Vypusk ofitserov iz voennykh uchilishch i shkol praporshchikov v gody Pervoi mirovoi voiny (analiz kolichestvennykh dannykh) [Graduation of officers from military schools and ensign schools during the First World War (analysis of quantitative data)]. Vestnik PSTGU. Seriya 2: Istoriia. Istoriia RPTs, 60, p.34-45.

2. Volkov S.V. (2001). Tragediia russkogo ofitserstva [The Tragedy of the Russian Officer Corps]. Moscow: Tsentrpoligraf. 509 p.

3. Gagkuev R.G., Petin D.I. (2022). Grazhdanskaia voina na Kubani v vospominaniakh N.I. Rogozina [The Civil War in the Kuban in the memoirs of N.I. Rogozin]. Historical bulletin, 4, p. 156-179.

4. Kruchinin A.M. (1997). 7-ia ural'skaia diviziia gornyykh strelkov v grazhdanskoi

voine na vostoке Rossii v 1918–1920 gg. [The 7th Ural Mountain Rifle Division in the Civil War in the East of Russia in 1918–1920]. In *Pervye ural'skie voenno-istoricheskie chteniia: materialy regional'noi nauchnoi konferentsii* (Ekaterinburg, 14 noiabria 1996 g.) (pp. 86–88). Ekaterinburg: UrGU.

5. Morozov S.D. (2012). *Muzhchiny i zhenshchiny Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: tendentsii brachnosti* [Men and women in Russia at the turn of the 19th–20th centuries: marriage trends]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 2, 9-15.

6. Morozova O.M. (2013). *Chelovek v usloviakh grazhdanskoi voiny: antropologiya rossiiskogo voozruzhennogo konflikta. 1917–1920 gg.* [Man in the conditions of the Civil War: anthropology of the Russian armed conflict. 1917–1920]: diss. ... dok. ist. nauk. Rostov-on-Don. 630 p.

7. Posadskii A.V. (2022). *Bor'ba s perekhodami soldat k protivniku v Grazhdanskoi voine. Vzgljad belogo komandira korpusa* [The fight against soldiers defecting to the enemy in the Civil War. The view of a white corps commander]. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya «Obshchestvo. Istorii. Sovremennost'»*, 4(7), 14-18.

8. Razin'kov M.E. (2019). *Psikhologicheskie resursy kombatanov: po materialam «Dolgoi voiny» v Rossii (1914–1922 gg.)* [Psychological resources of combatants: based on the materials of the "Long War" in Russia (1914-1922)]. *Manuskript*, 7, p. 53-58.

9. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive]. *Kartoteka biuro ucheta poter' v Pervoi mirovoi voine (ofitserov i soldat)*. Sh. bez nomera. Ia. 7440-V. L. 218.

10. RGVIA. F. 409. Op.1. D. 51398.

11. RGVIA. F. 409. Op.1. D. 56667.

12. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv (RGVA) [Russian State Military Archive]. F. 39517. Op. 1. D. 8.

13. RGVA. F. 40307. Op. 1. D. 62

14. Sushko A.V., Petin D.I. (2025). *Byvshie ofitsery, sotsializirovavshiesia v dukhovenstvo v sovetskom obshchestve 1920-kh gg. (na primere USSR)* [Former officers who became clergy in Soviet society of the 1920s (on the example of the Ukrainian SSR)]. *Rusin*, 81, p. 187-201.

15. Shoidonova A.M. (2024). *Gody Grazhdanskoi voiny v sud'bach direktorov buriat-mongol'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [The years of the Civil War in the fates of the directors of the Buryat-Mongolian State Pedagogical Institute]. *Vestnik BGU. Gumanitarnye issledovaniia Vnutrennei Azii*, 1, p. 42-49.

Об авторе

Сильченко Иван Сергеевич – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Технический университет УГМК, Свердловская обл., г. Верхняя Пышма (Россия); E-mail: 89022777814@yandex.ru

Silchenko Ivan Sergeevich – PhD (History), Head of the Department of Humanities and Natural Sciences, Technical University of UMMC, Sverdlovsk region, Verkhnyaya Pyshma, (Russia); E-mail: 89022777814@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9906-9619>.

УДК 327

Соколов А.П., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России (Россия)
Терентьев В.О., Российский Государственный Педагогический Университет имени А.И. Герцена (Россия)

НАРРАТИВЫ О ПАМЯТИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ФРГ (2025 г.)

В статье рассматриваются ключевые дискурсы, связанные с памятью о Второй мировой войне, наблюдающиеся в Германии на момент 80-летия юбилея окончания военного конфликта. В ходе исследования автор выделяет два ключевых дискурса: «антифашистский» и «националистический». Во время рассмотрения первого дискурса автор отмечает его господство в политическом пространстве ФРГ, а также выделяет три важные для исторической памяти Германии текста, через смысловое наполнение которых акторы «антифашистского дискурса» продвигают необходимую им повестку. Повестка «антифашистского дискурса» выражена в стремлении сделать 8 мая государственным праздником, продвижении антиправой линии, а также в попытке репрезентовать собственные ценности как «демократические», тем самым конструируя их легитимность. При анализе «националистического дискурса» автор отмечает его «оппозиционное» положение в культурной памяти ФРГ. Автор статьи приходит к выводу, что «националистический дискурс» состоит из стремления «размыть» представления о 8 мая и представить его как «день размышлений», вовлечь в круг жертв Второй мировой войны определенные части немецкого населения, а также репрезентацию 8 мая как даты, положившей начало ГДР. Резюмируя, автор выделяет ряд факторов, благодаря которым «националистический» дискурс в ближайшем будущем может стать главенствующим в немецкой исторической памяти.

Ключевые слова. Германия, историческая память, Вторая мировая война, политика памяти, дискурс, «преодоление прошлого», Альтернатива для Германии, Левая
DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-02-99-110

Введение. Прошлый 2025 г. был знаменателен круглой датой исторического события, определяющего европейскую культурную идентичность – Второй мировой войны. В частности, это событие выступает важнейшим событием для нынешней ФРГ, в которой окончание Второй мировой войны выступает в качестве «мифа основания» немецкой государственности и определяющая ее внешнеполитический курс и идеологию [4, с.5]. Традиции памятования и празднования круглых дат в ФРГ дают возможность проследить трансформацию идейной и общественно-политической дискуссии Германии.

Особенно данный тезис становится актуальным в современную эпоху, характеризующуюся консервативным поворотом и ростом популярности правопопулистских партий по всей Европе [5, с.82]. Эпоха турбулентности создает

возможности для пересмотра и переосмысления устоявшихся нарративов, связанных с исторической памятью. Ключевым актором в этом контексте выступает «Альтернатива для Германии», стремящаяся как к ревизии основных постулатов «преодоления прошлого», так и к вовлечению жителей бывшей ГДР в общенемецкую память. Тем самым, через празднование 80-летия краха нацистской диктатуры можно рассмотреть процесс трансформации баланса двух типов памяти в современной ФРГ.

В современном российском научном поле наблюдается множество работ, посвященных исторической памяти современной Германии. Этими вопросами занимались такие исследователи, как А.И. Борзняк [1], рассмотревший основные поворотные события в процессе «преодоления прошлого», О.Ю. Пленков [8],

изучивший национал-социалистическое наследие в общезападном контексте, М. Габович [7], составивший сборник тематических статей на тему исторической памяти в России, Германии и Европе. Среди иностранных авторов, введенных в русское научное пространство, необходимо отметить Х. Кёнига [4], выделившего хронологические этапы рефлексии нацистского прошлого, Д. Динера [3], проанализировавшего состояние исторической памяти в период 1990-х гг. Кроме того, на данном этапе развития изучения немецкой политики памяти существует множество статей, посвященных политике памяти АдГ. Среди подобных можно выделить статьи Д.Ю. Мещерякова [10], Э.Р.Меметова и М.Д. Петрова [9].

80-летие окончания Второй мировой войны было встречено многочисленными мероприятиями. Во всех немецких федеральных землях были проведены различные акции в честь этого события: от посещений мест памяти до научных конференций [24]. Весьма примечательно, что большая инициатива исходила от региональных властей, которые часто проводили самостоятельные, независимые от центральных властей, мероприятия.

На фоне празднования круглой даты в немецком политическом пространстве активизировались споры относительно смыслового содержания этого события. Отличительной чертой празднования 8 мая в Германии является наличие многих акторов на разных уровнях политической системы Федеративной Республики, стремящихся навязать собственный нарратив, связанный с этим феноменом. Таким образом, дата окончания Второй мировой войны является пространством для войн памяти. Этот тезис особенно актуален в контексте современной политической реальности, в которой набравшая серьезные политические очки АдГ предлагает свой альтернативный проект коммеморации этого события.

В данной статье будет рассмотрены

два ключевых дискурса в области памяти: 8 мая в Германии в контексте празднования 80-летия празднования окончания Второй мировой войны. Важно обозначить, что в политической конъюнктуре ФРГ наблюдаются и другие виды дискурсов, достойные рассмотрения в других исследованиях. Автор статьи же акцентирует внимание на двух, наиболее тиражируемых дискурсах. Выбор в их пользу обуславливается комплексом факторов. Во-первых, предметом спора конкурирующих нарративов является фундаментальный аспект политики памяти, связанный с вопросом вины за Вторую мировую войну. Во-вторых, именно по этим двум дискурсам наблюдается наиболее ожесточенная дискуссия в политическом пространстве ФРГ: так, «националистический» дискурс, поддерживаемый влиятельными политическими партиями, претендует на диаметральный пересмотр устоявшихся норм.

Объекты и методы исследования.

В качестве объекта исследования выступает пространство публичной памяти в ФРГ, предметом – сформированные и конкурирующие нарративы. В качестве методов исследования был задействован контент-анализ.

Результаты и их обсуждение. «*Антифашистский дискурс*». Господствующим на данный момент дискурсом в культурной памяти ФРГ является та совокупность нарративов, которую можно определить как «антифашистский дискурс». Он является преемственным по отношению к исторической памяти ФРГ и логически продолжает тот тип коммеморализации, существовавший последние 40 лет сначала в Западной, а потом в объединенной Германии.

В силу того, что данный дискурс является господствующим, его можно наблюдать на разных уровнях политической системы ФРГ: его разделяют государственные министры, партии «брандмауэра» (особенно такие партии, как «Союз

90/Зеленые» и СДПГ) и различные организации, включая профсоюзы, образовательные центры, церкви и т.д. [13]. Каждый актер имеет собственную трактовку 8 мая с различными степенями политической ангажированности, однако все они расположены в общей системе координат, заданной вышеуказанным дискурсом. Так, бургомистр Ульма от СДПГ Мартин Ансбахер в своем поздравлении заявил: «Этим лжепатриотам и поклонникам фашизма пусть скажут: мы в Ульме всегда будем помнить! И мы не уступим ни пяди нашего города интеллектуальным потомкам национал-социалистов!» [20]. Аналогичная риторика наблюдалась у члена «Зеленых» Нила Лессинга: «Мы наблюдаем возрождение по всей Европе движений, которые в 1933 году повергли континент в пропасть» [30]. В подобном «антифашистском дискурсе» наблюдается ярко выраженная тенденция использования мощного символического капитала в виде памяти о нацистском прошлом по отношению к современности, переводя дискурс в современную плоскость.

Однако, наиболее ярковыраженными актерами, форсированно продвигающими и отстаивающими данный дискурс, являются партия «Левая», профсоюзные организации Deutscher Gewerkschaftsbund, IG Metall, Ver.di, антифашистская организация VVN-BdA (Ассоциация преследуемых нацистским режимом – Федерация антифашистов), местная образовательная инициатива в Штутгарте Initiative Lern-und Gedenkort Hotel Silber e.V., мемориальная организация антифашистской направленности Stuttgarter Stolperstein Initiativen, антифашистский альянс Gemeinsam Gegen Rechts и молодежный совет города Штутгарт Stadtjugendring Stuttgart. Практически все эти организации, за исключением партии «Левая», нередко предстают в интернет-пространстве как объединенная коалиция антифашистских сил [34; 35].

Важными легитимирующими

текстами, к которым апеллируют последователи этого дискурса, являются речь президента ФРГ Рихарда Вайцзеккера, произнесенная 8 мая 1985 г., клятва заключенных Бухенвальда 19 апреля 1945 г. и первая строчка Основного закона ФРГ. Последователи «антифашистского дискурса» в своей риторике наполняют эти три текста уникальным смыслом и придают им важное символическое значение. Так, содержание этих текстов наполняется «демократическим» смыслом и репрезентуются в контексте «выдержанных в духе демократии» документов.

Клятва Бухенвальда. В исторической памяти ФРГ клятва заключенных Бухенвальда тесно связана с антифашистским движением. Это клятва была произнесена узниками концлагеря после освобождения Бухенвальда союзниками 11 апреля 1945 г. Впоследствии, клятва была выбита на воротах входа в мемориал, посвященный концлагерю. Бывшие узники концлагеря используют этот текст во время демонстраций в честь 8 мая, вынося его на плакаты [22]. Клятва считается символом единства антифашистских сил вне национальных и партийных границ и до сих пор цитируется на памятных мероприятиях.

Клятва заключенных Бухенвальда выступает в качестве текста, наделенного назидательной функцией. Цитирующие этот исторический документ актеры репрезентуют слова узников концентрационного лагеря как «урок» [17] и «долг» [33], мобилизующим на действие в настоящем. Реализация этого «долга» сводится к «уничтожению корней нацизма» и «не допущению повторения 1933 г.». Тем самым, «антифашистский дискурс» стремится реконструировать сценарий политического развития Германии 1930-х гг. В этой модели в качестве роли «нацистов» политические акторы левого толка обозначают современные правые движения, и в частности, партию «Альтернатива для Германии» [35]. В некоторых случаях в

образе «фашизма» выступают абстрактные образы «угрозы» в виде тех, кто «дает простые ответы на сложные вопросы» [32]. Такая риторика наблюдается в поздравительном сообщении от профсоюза «ИГ Металл». В этом послыле политтехнологи профсоюза недвусмысленно намекают на АдГ, имеющую славу популистской партии.

Речь Рихарда фон Вайцзеккера. Речь президента ФРГ Рихарда фон Вайцзеккера от 8 мая 1985 г. считается «поворотным моментом» в истории немецкой памяти о Второй мировой войне. В своей речи президент ФРГ «возложил» коллективную ответственность на немцев, предложив в ту же очередь «исцеление» от нацистского прошлого [21]. Ретроспективно считается, что речь Вайцзеккера заложила основу для консенсуса всех политических партий Германии на тему «преодоления прошлого», на что указывают цитирования слов президента всеми основными политическими силами Германии [27, s. 161]. Речь Вайцзеккера, таким образом, является важным символическим капиталом в системе культурной памяти ФРГ.

В своей речи президент ФРГ отмечал, что «8 мая – это день воспоминания». Этот фрагмент речи используют последователи «антифашистского дискурса» в своей риторике. Функция апелляции к этой части речи заключается как призыв к действию, а именно к провозглашению 8 мая государственным праздником в ФРГ [34; 35]. В частности, акторы репрезентируют слова Вайцзеккера как «невыполненное обещание»: «Прошло 40 лет, прежде чем тогдашний президент Германии Рихард фон Вайцзекер в своей речи 8 мая 1985 года отметил, что 8 мая — это день освобождения и, прежде всего, день памяти. Он подчеркнул, что этот день памяти включает в себя всех жертв нацистской тирании, а также жертв сопротивления. Однако спустя восемьдесят лет после окончания войны 8 мая по-прежнему не является официальным днём памяти или

государственным праздником в Германии!» [35]. Эту инициативу поддерживают многие левые организации (например, гамбургский профсоюз «ver.di» [17]. Однако, самым ярким актором в этом поле выступает партия «Левая», активно продвигающая эту идею в немецком политическом поле в течении нескольких лет [15]

Основной закон ФРГ. Современная Федеративная Республика является наглядным примером «конституционного патриотизма», в которой одним из ключевых объединяющих атрибутов являются политические институты и конституция страны. Как отмечает М.М. Кром: «В объединенной Германии доктрина конституционного патриотизма получила официальное признание» [6, с. 149]. Следствием этого стало утверждение важного символического знания главного юридического документа Германии. Как отмечает политолог Ханс Форлендер, со временем с момента появления Основной закон превратился в «символ стабильности и демократии в Германии» [28].

В репрезентации агентов «антифашистского дискурса» Основной закон ФРГ представляется как юридический документ, являющийся основной для демократии. В одной из публикаций конституция Германии показана как документ, «созданный в противовес фашистскому пониманию государства» [32]. Основной закон ФРГ, тем самым, выступает в качестве символа демократии. В одной из публикаций наблюдается призыв к «защите демократии, закрепленной в Основном законе» [34; 35]. В качестве агрессора, «посягающего» на демократию, выставляются «крайне правые силы». Текст Основного закона ФРГ, немецкой конституции, используется, как и в случае с речью Вайцзеккера, обрывочно. Исходя из символического знания конституции Германии как олицетворения демократии, представители «антифашистского дискурса» выводят строчки юридического документа, соответствующие

леволиберальным ценностям представителей этого дискурса. В качестве примера можно привести тезис – «Человеческое достоинство неприкосновенно», спроецированные на Бранденбургских воротах в Берлине 8 мая [25]. Кроме того, эти же слова репрезентует в одной из своих публикаций политтехнолог профсоюза «ИГ Металл» [32].

Тем самым, можно наблюдать, что через использование важных символических атрибутов современной ФРГ политические силы левого толка стремятся продвигать собственную повестку, наполняя эти атрибуты собственным символическим значением. Повестка «антифашистского дискурса» выражена в стремлении сделать 8 мая государственным праздником, продвижении антиправой линии, а также в попытке репрезентовать собственные ценности как «демократические», тем самым конструируя их легитимность.

«Националистический дискурс». В противовес господствующему «антифашистскому дискурсу» можно наблюдать дискурс, который можно окрестить как «националистический». Он является дискурсом меньшинства и предоставляет «альтернативный» взгляд на устоявшуюся культурную память. Необходимо также отметить, что этот дискурс, в отличие от «антифашистского», не обладает устоявшейся мифологией и наличием своих символов. Ключевым актором и авангардом «националистического дискурса» является «Альтернатива для Германии». Также можно отметить определенные осторожные тенденции к подобному дискурсу со стороны ХДС.

Основной темой, задающей вектор «националистическому дискурсу», является вопрос о памяти нацистского прошлого. Со стороны АдГ ранее наблюдались тенденции к переосмыслению политико-культурного наследия Третьего рейха. Так, еще в 2018 г. на партийном съезде в Тюрингии в июне 2018 г. лидер партии А. Гау-ланда заявил: «А. Гитлер и нацисты

являются лишь пятном птичьего помета на нашей более чем тысячелетней истории» [10, с. 28]. В течении последующих лет партия продолжала развивать эту линию.

На лингвистическом уровне наблюдается стремление партии к размытию устойчивых словосочетаний, связанных с 8 мая. Так, в своей риторике депутат от АдГ Саша Шлессер заявила, что 8 мая является в Германии «многогранной датой» [26], а лидер партии Алиса Вайдель в Бундестаге 7 мая утверждала, что 8 мая является «днем размышлений» [29].

Сторонники этой партии стремятся внести в круг почитаемых жертв внутри Германии, наряду с жертвами Холокоста, немцев, пострадавших в годы Второй мировой войны. Одним из проявлений подобной риторики выступает мнение, высказанное главой регионального отдела «Альтернативы для Германии» Йоргом Урбаном: «Впоследствии союзники взяли в плен 7,5 миллионов человек – три миллиона из них были вынуждены выполнять рабский труд, и треть из этих подневольных рабочих погибла» [12]. Еще один представитель партии, Николас Крамер, очертил круг «немецких жертв», предполагаемых партией в включение: «Для немцев в Восточной Пруссии, Силезии и Померании, для жертв бомбардировок городов, для военнопленных в советских лагерях и для изгнанных с бывших немецких территорий на востоке 8 мая стало не «днем надежды», а началом новой главы страданий и лишений» [23]. В определенной степени можно заявить, что «Альтернатива для Германии» стремится вывести в публичное пространство памяти индивидуальную память о собственных родственниках, о господстве которой среди многих немецких семей отмечал в своей статье Харальд Вельцер [2].

Кроме того, в своей риторике АдГ используют также и память о ГДР. В вышеуказанном документе наблюдается следующая графа: «Хотя это положило конец национал-социалистическому

режиму, для миллионов людей началась полувековая коммунистическая диктатура. Миллионы восточных немцев пострадали от этого, и их страдания до сих пор недостаточно признаются» [18]. Тем самым, АдГ стремится вовлечь в круг жертв Второй мировой войны жителей Восточной Германии, являющихся электоральной опорой партии.

Среди представителей ХДС наблюдается схожая риторика. Однако, важно две детали. Во-первых, на данный момент ХДС является правящей партией, и соответственно, в этом положении высшие эшелоны партии в своей риторике разделяют «антифашистский» дискурс. Так, в официальном поздравлении на сайте ХДС было опубликовано следующее сообщение: «8 мая — день ответственности. Каждый, кто относится к нему серьезно, должен четко выступить против антисемитизма, против исторической амнезии, против тривиализации прошлого» [19]. Во-вторых, в отличие от АдГ, которая демонстрирует единое мнение относительно переосмысления нацистского прошлого включая лидера партии, христианские демократы наблюдают гораздо более сдержанную и осторожную риторику. В частности, схожие с АдГ тезисы высказывают некоторые региональные ячейки ХДС. Важно обозначить, что не все партийные ячейки разделяют ревизионистский взгляд на прошлое: так, в своем поздравлении Местное отделение ХДС в Кронсхагене использовало типичные для политического контекста ФРГ [31].

Так же, как и депутаты от АдГ, представитель Христианских демократов Леннарт Гейберт репрезентовала 8 мая как «день памяти и размышлений», а не как «день для празднования» [26]. Однако, несмотря на подобное заявление, ХДС проголосовала за признание 8 мая государственным праздником вслед за остальными немецкими партиями в земельном парламенте Эрфурта. Исключением в этом событии выступила АдГ. Такое

расхождение между риторикой и действиями обуславливается господствующим «антифашистским дискурсом», в котором, как было указано выше, стремление к признанию 8 мая как государственного праздника является неотъемлемой его частью.

Более того, ХДС так же, как и АдГ, стремится к вовлечению в спектр жертв Второй мировой войны немецкое население. В одном из заявлений депутат от ХДС д-р Франк Кромер заявил: «8 мая 1945 года история словно сжата в один день под увеличительным стеклом. Этот день одновременно знаменует собой освобождение от национал-социализма и окончание Второй мировой войны в Европе. Однако для многих немцев этот день также ассоциировался с изгнанием, заключением в плен, издевательствами и изнасилованиями. Мы тоже хотим помнить об этом» [14]. В риторике Кромера можно наблюдать сдержанность в высказываниях и деталях, которой не наблюдается у вышеупомянутого Крамера.

Кроме того, Христианские демократы также стремятся репрезентовать 8 мая как дату, связанную с разделением Германии и началом существования ГДР: «Путь к жизни на свободе в двух частях Германии был разным. На Востоке сразу после советской оккупации была установлена социалистическая диктатура. Этот период истории, начавшийся 8 мая 1945 года, нельзя забывать» [14].

Тем самым, можно наблюдать, что «националистический дискурс» состоит из стремления «размыть» представления о 8 мая и представить его как «день размышлений», вовлечь в круг жертв Второй мировой войны определенные части немецкого населения, а также репрезентацию 8 мая как даты, положившей начало ГДР. Важно обозначить, что в рамках этого дискурса АдГ выступают авангардом, последовательно и систематично продвигая свою риторику на всех политических уровнях. В ту же очередь, ХДС, будучи партией «брандмауэра», вынуждена

следовать общему дискурсу. Случаи следования «националистическому» дискурсу авторы статьи трактуют как скорее искреннее стремление к этому дискурсу, т.к. подобная риторика, направленная на придание памяти о нацизме забвению, является уходящей в прошлое политической традицией христианских демократов. Потенциал для объединения с единой риторикой является перспективным лишь в случае преодоления АдГ «брандмауэра».

Заключение. «Антифашистский дискурс», утверждённый в ходе «спора историков» и усилившийся в ходе дальнейшего внутривосточного развития ФРГ, на данный момент является господствующим. Он апеллирует к важным символическим атрибутам немецкой исторической памяти, наблюдается на всех уровнях политической системы ФРГ и является обязательным к исполнению, о чем свидетельствует одобрение ХДС в вопросе признания 8 мая государственным праздником в парламенте Эрфурта, несмотря на несогласие с подобной позицией.

Однако, существует ряд факторов, которые могут прогнозировать смену общенационального дискурса в Германии в ближайшем будущем. Первым фактором

выступает стремительный рост АдГ, являющейся не только самой популярной партией на Востоке страны, но и захватывающей внимание избирателей в ее Западной части. Вторым фактором является общая тенденция к сдвигу «вправо» среди населения Германии, которое, при интенсивном следовании выбранного АдГ курса, может нормализовать «националистический дискурс». Третий фактор – это общие тенденции к изменению общеевропейской культурной памяти, начатые еще в 2020-е гг., как отмечает А.И. Миллер [11, с. 68]. И четвертый фактор – это вовлечение в «националистический дискурс» памяти о жителях Восточной Германии, среди которых наблюдается недовольство по отношению к федеральному правительству из-за ощущения «брошенности». Жители бывшей ГДР являются относительно новым феноменом в политическом пространстве Германии, не имеющим своей репрезентации в общенациональной исторической памяти, но обладающим запросом на нее. Вовлечение их в такую память в рамках «национального дискурса», тем самым, может способствовать его нормализации на восточных землях Германии.

Список литературы

1. Борозняк А.И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. Москва: Политическая энциклопедия, 2014. 350 с.
2. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас, номер 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html> (дата обращения: 02.02.2026)
3. Динер Д. Круговороты. Национал-социализм и память. Москва: РОССПЭН, 2010. 112 с.
4. Кёниг Х. Будущее прошлого: национал-социализм в политическом сознании ФРГ. Москва: РОССПЭН, 2012. 164 с.
5. Корчагин В.Л. Условия и причины успеха европейских правых популистских движений на примере политической партии «Истинные финны» // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 2 С. 80 – 98
6. Кром М.М. Патриотизм, или Дым отечества. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 160 с.
7. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа Москва. Новое литературное обозрение, 2005. 784 с.

8. Пленков О.Ю. Что осталось от Гитлера? Историческая вина и политическое покаяние Германии. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2019. 511 с.
9. Меметов Э.Р, Петров М.Д. Национальная память под угрозой: реакция «Альтернативы для Германии» на попытки ревизии истории в современной ФРГ // Теории и проблемы политических исследований. 2025. Том 14. С. 40 – 59.
10. Мещеряков Д.Ю. История Германии сквозь призму взглядов партии «Альтернатива для Германии» // Политическая наука. 2020 № 2. С. 280 – 288
11. Миллер А.И. Устои «глобальной» мемориальной культуры под вопросом // Россия в глобальной политике. 2024. №3. С. 68 – 81
12. AfD: 8. Mai sollte nicht als Feiertag begangen werden. [Электронный ресурс]: Die Zeit. URL: <https://www.zeit.de/news/2025-05/08/afd-8-mai-sollte-nicht-als-feiertag-begangen-werden> (дата обращения: 02.02.2026)
13. Befreiungstag am 8. Mai: Dankbarkeit und Verpflichtung. [Электронный ресурс]: Bremische Evangelische Kirche. URL: <https://www.kirche-bremen.de/aktuelles/presse-service/nachrichten-details/8-mai-80-jahrestag-der-befreiung-vom-faschismus/> (дата обращения: 02.02.2026)
14. CDU stimmt für neuen Gedenktag. [Электронный ресурс]: CDU Fraction des Sächsischen Landtages. URL: <https://www.cdu-fraktion-sachsen.de/presse/pressemitteilungen/detail/cdu-stimmt-fuer-neuen-gedenktag/> (дата обращения: 02.02.2026)
15. Das Erinnern verteidigen: Der 8. Mai 2025 muss ein Feiertag werden! [Электронный ресурс]: Die Linke. Fraction Hamburg. URL: <https://www.linksfraktion-hamburg.de/das-erinnern-verteidigen-der-8-mai-2025-muss-ein-feiertag-werden/> (дата обращения: 02.02.2026)
16. Der 8. Mai muss ein Feiertag werden! [Электронный ресурс]: HAMBURGER RATSCHLAG FÜR DEN 8. MAI ALS FEIERTAG. URL: <https://8mai-hamburg.de/>(дата обращения: 02.02.2026)
17. Den 8. Mai zum Feiertag erklären! [Электронный ресурс]: Landesbezirk Hamburg. URL: <https://hamburg.verdi.de/presse/pressemitteilungen/++co++3346735c-e7b5-11ef-8e2c-7b03e1043464> (дата обращения: 02.02.2026)
18. Entschließungsantrag der AfD-Fraktion. [Электронный ресурс]: URL: https://www.parlamentsdokumentation.brandenburg.de/starweb/LBB/ELVIS/parladedoku/w8/drs/ab_0700/727.pdf (дата обращения: 02.02.2026)
19. Erinnerung, Verantwortung und Neuanfang. [Электронный ресурс]: CDU. URL: <https://www.cdu.de/aktuelles/cdu-deutschlands/erinnerung-verantwortung-und-neuanfang/> (дата обращения: 02.02.2026)
20. Festakt zum 80. Jahrestag des Kriegsendes im Stadthaus Stadt Ulm. [Электронный ресурс]: URL: https://www.ulm.de/aktuelle-meldungen/z%C3%B6a/mai-2025/festakt-kriegsende-2025_05 (дата обращения: 02.02.2026)
21. Hammerstein K., Hofmann B. "Wir [...] müssen die Vergangenheit annehmen". Richard von Weizsäckers Rede zum Kriegsende 1985. [Электронный ресурс]: Bundeszentrale für politische Bildung. URL: <https://www.bpb.de/themen/deutschlandarchiv/217619/wir-muessen-die-vergangenheit-annehmen/> (дата обращения: 02.02.2026)
22. Hopmann B. Schwur von Buchenwald. [Электронный ресурс]: wiederstaendig.de. URL: <https://widerstaendig.de/schwur-von-buchenwald/> (дата обращения: 02.02.2026)
23. Kramer N. Zwischen Besiegten und Befreiten: Plädoyer für eine souveräne Erinnerungspolitik. [Электронный ресурс]: Freilich. URL: <https://www.freilich-magazin.com/kultur/zwischen-besiegten-und-befreiten-plaedoyer-fuer-eine-souveraene-erinnerungspolitik> (дата обращения: 02.02.2026)

24. (K)ein Tag der Befreiung? – Konferenz zum erinnerungspolitischen Diskurs um den 80. Jahrestag des Endes des Zweiten Weltkriegs in Europa am 8. Mai 2025 [Электронный ресурс]: Leipzig. Tolerantes Sachsen. URL: <https://www.tolerantes-sachsen.de/veranstaltung/kein-tag-der-befreiung-konferenz-zum-erinnerungspolitischen-diskurs-um-den-80-jahrestag-des-endes-des-zweiten-weltkriegs-in-europa-am-8-mai-2025-leipzig/> (дата обращения: 02.02.2026)

25. Kumpfmüller L. Was der 8. Mai heute bedeutet. [Электронный ресурс]: Die Zeit. URL: <https://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2025-05/tag-der-befreiung-feiertag-berlin-erinnerungskultur> (дата обращения: 02.02.2026)

26. Linke: 8. Mai 2025 soll einmalig Feiertag sein. [Электронный ресурс]: Süddeutsche Zeitung. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/geschichte-linke-8-mai-2025-soll-einmalig-feiertag-sein-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-241114-930-289117> (дата обращения: 02.02.2026)

27. Siebeck C. (2015) »Einzug ins verheißene Land«. Richard von Weizsäckers Rede zum 40. Jahrestag des Kriegsendes am 8. Mai 1985 // Zeithistorische Forschungen. Studies in Contemporary History: 161 – 169

28. Tominski K. Grundgesetz oder neue Verfassung? Studie untersucht Zustimmung in Ost und West [Электронный ресурс]: mdr Wissen. URL: <https://www.mdr.de/wissen/psychologie-sozialwissenschaften/grundgesetz-akzeptanz-ost-west-104.html> (дата обращения: 02.02.2026)

29. Weidel A., Chrupalla C. 8 Mai ist Tag des Innehaltens und der bleibenden Mahnung. Alternative für Deutschland. [Электронный ресурс]: Fraction im deutschen Bundestag. URL: <https://afdbundestag.de/8-mai-ist-tag-des-innehaltens-und-der-bleibenden-mahnung/> (дата обращения: 02.02.2026)

30. 8. Mai 1945 – ein Tag der Befreiung. [Электронный ресурс]: Kreisstadt Mettmann. URL: <https://www.mettmann.de/web/8-mai-1945-ein-tag-der-befreiung/> (дата обращения: 02.02.2026)

31. 8. Mai 2025. Der 80. Jahrestag der Befreiung Deutschlands vom NS-Regime. [Электронный ресурс]: CDU Ortsverband Kronshagen. URL: <https://www.cdu-kronshagen.de/artikel/8-mai-2025-der-80-jahrestag-der-befreiung-deutschlands-vom-ns-regime> (дата обращения: 02.02.2026)

32. 8. Mai 2025 - Tag der Befreiung. [Электронный ресурс]: IG Metall Offenbach. URL: <https://www.igmetall-offenbach.de/aktuelles/meldung/8-mai-2025-tag-der-befreiung> (дата обращения: 02.02.2026)

33. 8.MAI 1945 – 2025- 80 Jahre Befreiung vom deutschen Faschismus. [Электронный ресурс]: Rote Hilfe Hannover. URL: <https://hannover.rote-hilfe.de/8-mai-1945-2025-80-jahre-befreiung-vom-deutschen-faschismus/> (дата обращения: 02.02.2026)

34. 8.Mai 1945 – 2025 Impressionen von der Veranstaltung am 80. Jahrestag der Befreiung von Faschismus und Krieg. [Электронный ресурс]: Initiative Lern-und Gedenkort Hotel Silber. URL: <https://hotel-silber.de/8-mai-1945-2025-80-jahrestag-der-befreiung-von-faschismus-und-krieg/> (дата обращения: 02.02.2026)

35. 8.5.2025, 16 Uhr: Kundgebung zum 80. Jahrestag der Befreiung von Faschismus und Krieg auf dem Karlsplatz. [Электронный ресурс]: Gegen das Vergessen: Stolpersteine für Stuttgart. URL: <https://www.stolpersteine-stuttgart.de/8-5-2025-16-uhr-kundgebung-zum-80-jahrestag-der-befreiung-von-faschismus-und-krieg-auf-dem-karlsplatz/> (дата обращения: 02.02.2026)

NARRATIVES OF WORLD WAR II MEMORY IN GERMANY (2025)

The article examines two key memory discourses around World War II in the Federal Republic of Germany on the 80th anniversary of the war's end: anti-fascist and nationalist. The anti-fascist discourse is shown as dominant in Germany's political space, supported by three core texts: the Buchenwald Prisoners' Oath, Rudolf von Weizsäcker's 1985 speech, and the Basic Law. Actors within this discourse use these texts to legitimize their agenda: to make May 8 a national holiday, to promote an anti-right stance, and to present their democratic values as legitimate. The nationalist discourse is depicted as oppositional in the national memory landscape. It seeks to blur the significance of May 8, promote a "day of reflection," include certain German population groups among the victims of World War II (notably East German residents), and portray May 8 as the date marking the beginning of the GDR. The conclusion identifies factors that could soon bolster nationalist memory in Germany, signaling potential shifts in public memory and political rhetoric.

Keywords. Germany, historical memory, World War II, memory politics, discourse, "Vergangenheitsbewältigung", Alternative für Deutschland, Links

Reference

1. Boroznyak A.I. (2014). Zhestokaya pamyat'. Natsistskiy reykh v vospriyatii nemtsev vtoroy poloviny XX i nachala XXI veka [Cruel Memory: The Nazi Reich as Perceived by Germans in the Second Half of the 20th and Early 21st Centuries]. Moskva: Politicheskaya entsiklopediya, 350 s.
2. Vel'tser Kh. Istoriya, pamyat' i sovremennost' proshlogo. Pamyat' kak arena politicheskoy bor'by [History, Memory, and the Modernity of the Past. Memory as an Arena of Political Struggle] // Neprikosnovenny zapas, nomer 2. [Elektronnyy resurs]: URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html> (data obrashcheniya: 02.02.2026)
3. Diner D. (2010). Krugovoroty. Natsional-sotsializm i pamyat' [Cycles. National Socialism and Memory]. Moskva: ROSSPEN. 112 s.
4. Kenig Kh. (2012). Budushchee proshlogo: natsional-sotsializm v politicheskom soznanii FRG [Future Past: National Socialism in the Political Consciousness of the FRG]. Moskva: ROSSPEN. 164 s.
5. Korchagin V.L. (2024). Usloviya i prichiny uspekha evropeyskikh praykh populystskikh dvizheniy na primere politicheskoy partii «Istinnye finny» [The conditions and reasons for the success of European prime-populist movements, using the example of the political party "True Finns"] // Rossiya v global'nom mire. T. 27. Vyp. 2. S. 80–98.
6. Krom M.M. (2020). Patriotizm, ili Dym otechestva [Patriotism, or the Smoke of the Fatherland]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 160 s.
7. Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa (2005). [Memory of the War 60 Years of Descent: Russia, Germany, Europe]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. 784 s.
8. Plenkov O.Yu. (2019). Chto ostalos' ot Gitlera? Istoricheskaya vina i politicheskoe pokayanie Germanii [What's Left of Hitler? Germany's Historical Guilt and Political Repentance]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. 511 s.
9. Memetov E.R., Petrov M.D. (2025). Natsional'naya pamyat' pod ugrozoy: reaktsiya «Alternativy dlya Germanii» na popytke revizii istorii v sovremennoy FRG [National Memory Under Threat: The Alternative for Germany's Response to Attempts to Revise History in Contemporary Germany] // Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy. Tom 14. S. 40–59.
10. Meshcheryakov D.Yu. (2020). Istoriya Germanii skvoz' prizmu vzglyadov partii «Alternativa dlya Germanii» [History of Germany through the lens of the Alternative for Germany party] // Politicheskaya nauka. № 2. S. 280–288.
11. Miller A.I. (2024). Ustoi «global'noy» memorial'noy kul'tury pod voprosom [The sustainability of the "global" memorial culture is in question] // Rossiya v global'noy politike.

№ 3. S. 68–81.

12. AfD: 8. Mai sollte nicht als Feiertag begangen werden. [Elektronnyy resurs]: Die Zeit. URL: <https://www.zeit.de/news/2025-05/08/afd-8-mai-sollte-nicht-als-feiertag-begangen-werden> (data obrashcheniya: 02.02.2026)

13. Befreiungstag am 8. Mai: Dankbarkeit und Verpflichtung. [Elektronnyy resurs]: Bremische Evangelische Kirche. URL: <https://www.kirche-bremen.de/aktuelles/presse-service/nachrichten-details/8-mai-80-jahrestag-der-befreiung-vom-faschismus/> (data obrashcheniya: 02.02.2026)

14. CDU stimmt für neuen Gedenktag. [Elektronnyy resurs]: CDU Fraction des Sächsischen Landtages. URL: <https://www.cdu-fraktion-sachsen.de/presse/pressemitteilungen/detail/cdu-stimmt-fuer-neuen-gedenktag/> (data obrashcheniya: 02.02.2026)

15. Das Erinnern verteidigen: Der 8. Mai 2025 muss ein Feiertag werden! [Elektronnyy resurs]: Die Linke. Fraction Hamburg. URL: <https://www.linksfraktion-hamburg.de/das-erinnern-verteidigen-der-8-mai-2025-muss-ein-feiertag-werden/> (data obrashcheniya: 02.02.2026)

16. Der 8. Mai muss ein Feiertag werden! [Elektronnyy resurs]: HAMBURGER RAT-SCHLAG FÜR DEN 8. MAI ALS FEIERTAG. URL: <https://8mai-hamburg.de/> (data obrashcheniya: 02.02.2026)

17. Den 8. Mai zum Feiertag erklären! [Elektronnyy resurs]: Landesbezirk Hamburg. URL: <https://hamburg.verdi.de/presse/pressemitteilungen/++co++3346735c-e7b5-11ef-8e2c-7b03e1043464> (data obrashcheniya: 02.02.2026)

18. Entschließungsantrag der AfD-Fraktion. [Elektronnyy resurs]: URL: https://www.parlamentsdokumentation.brandenburg.de/starweb/LBB/ELVIS/parladoku/w8/drs/ab_0700/727.pdf (data obrashcheniya: 02.02.2026)

19. Erinnerung, Verantwortung und Neuanfang. [Elektronnyy resurs]: CDU. URL: <https://www.cdu.de/aktuelles/cdu-deutschlands/erinnerung-verantwortung-und-neuanfang/> (data obrashcheniya: 02.02.2026)

20. Festakt zum 80. Jahrestag des Kriegsendes im Stadthaus Stadt Ulm. [Elektronnyy resurs]: URL: https://www.ulm.de/aktuelle-meldungen/z%C3%B6a/mai-2025/festakt-kriegsende-2025_05 (data obrashcheniya: 02.02.2026)

21. Hammerstein K., Hofmann B. "Wir [...] müssen die Vergangenheit annehmen". Richard von Weizsäckers Rede zum Kriegsende 1985. [Elektronnyy resurs]: Bundeszentrale für politische Bildung. URL: <https://www.bpb.de/themen/deutschlandarchiv/217619/wir-muessen-die-vergangenheit-annehmen/> (data obrashcheniya: 02.02.2026)

22. Hopmann B. Schwur von Buchenwald. [Elektronnyy resurs]: widerstandig.de. URL: <https://widerstaendig.de/schwur-von-buchenwald/> (data obrashcheniya: 02.02.2026)

23. Kramer N. Zwischen Besiegten und Befreiten: Plädoyer für eine souveräne Erinnerungspolitik. [Elektronnyy resurs]: Freilich. URL: <https://www.freilich-magazin.com/kultur/zwischen-besiegten-und-befreiten-plaedoyer-fuer-eine-souveraene-erinnerungspolitik> (data obrashcheniya: 02.02.2026)

24. (K)ein Tag der Befreiung? – Konferenz zum erinnerungspolitischen Diskurs um den 80. Jahrestag des Endes des Zweiten Weltkriegs in Europa am 8. Mai 2025. [Elektronnyy resurs]: Leipzig. Tolerantes Sachsen. URL: <https://www.tolerantes-sachsen.de/veranstaltung/kein-tag-der-befreiung-konferenz-zum-erinnerungspolitischen-diskurs-um-den-80-jahrestag-des-endes-des-zweiten-weltkriegs-in-europa-am-8-mai-2025-leipzig/> (data obrashcheniya: 02.02.2026)

25. Kumpfmüller L. Was der 8. Mai heute bedeutet. [Elektronnyy resurs]: Die Zeit. URL: <https://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2025-05/tag-der-befreiung-feiertag-berlin-erinnerungskultur> (data obrashcheniya: 02.02.2026)

26. Linke: 8. Mai 2025 soll einmalig Feiertag sein. [Elektronnyy resurs]: Süddeutsche

Zeitung. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/geschichte-linke-8-mai-2025-soll-einmalig-feiertag-sein-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-241114-930-289117> (data obrashcheniya: 02.02.2026)

27. Siebeck C. (2015) »Einzug ins verheißene Land«. Richard von Weizsäckers Rede zum 40. Jahrestag des Kriegsendes am 8. Mai 1985 // Zeithistorische Forschungen. Studies in Contemporary History: 161–169.

28. Tominski K. Grundgesetz oder neue Verfassung? Studie untersucht Zustimmung in Ost und West. [Elektronnyy resurs]: mdr Wissen. URL: <https://www.mdr.de/wissen/psychologie-sozialwissenschaften/grundgesetz-akzeptanz-ost-west-104.html> (дата обращения: 02.02.2026)

29. Weidel A., Chrupalla C. 8 Mai ist Tag des Innehaltens und der bleibenden Mahnung. Alternative für Deutschland. [Elektronnyy resurs]: Fraction im deutschen Bundestag. URL: <https://afdbundestag.de/8-mai-ist-tag-des-innehaltens-und-der-bleibenden-mahnung/> (data obrashcheniya: 02.02.2026)

30. 8. Mai 1945 – ein Tag der Befreiung. [Elektronnyy resurs]: Kreisstadt Mettmann. URL: <https://www.mettmann.de/web/8-mai-1945-ein-tag-der-befreiung/> (data obrashcheniya: 02.02.2026)

31. 8. Mai 2025. Der 80. Jahrestag der Befreiung Deutschlands vom NS-Regime. [Elektronnyy resurs]: CDU Ortsverband Kronshagen. URL: <https://www.cdu-kronshagen.de/artikel/8-mai-2025-der-80-jahrestag-der-befreiung-deutschlands-vom-ns-regime> (data obrashcheniya: 02.02.2026)

32. 8. Mai 2025 - Tag der Befreiung. [Elektronnyy resurs]: IG Metall Offenbach. URL: <https://www.igmetall-offenbach.de/aktuelles/meldung/8-mai-2025-tag-der-befreiung> (data obrashcheniya: 02.02.2026)

33. 8. MAI 1945 – 2025- 80 Jahre Befreiung vom deutschen Faschismus. [Elektronnyy resurs]: Rote Hilfe Hannover. URL: <https://hannover.rote-hilfe.de/8-mai-1945-2025-80-jahre-befreiung-vom-deutschen-faschismus/> (data obrashcheniya: 02.02.2026)

34. 8. Mai 1945 – 2025 Impressionen von der Veranstaltung am 80. Jahrestag der Befreiung von Faschismus und Krieg. [Elektronnyy resurs]: Initiative Lern-und Gedenkort Hotel Silber. URL: <https://hotel-silber.de/8-mai-1945-2025-80-jahrestag-der-befreiung-von-faschismus-und-krieg/> (data obrashcheniya: 02.02.2026)

35. 8.5.2025, 16 Uhr: Kundgebung zum 80. Jahrestag der Befreiung von Faschismus und Krieg auf dem Karlsplatz. [Elektronnyy resurs]: Gegen das Vergessen: Stolpersteine für Stuttgart. URL: <https://www.stolpersteine-stuttgart.de/8-5-2025-16-uhr-kundgebung-zum-80-jahrestag-der-befreiung-von-faschismus-und-krieg-auf-dem-karlsplatz/> (data obrashcheniya: 02.02.2026)

Об авторах

Соколов Артем Павлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России (Россия), E-mail: a.sokolov@inno.mgimo.ru

Терентьев Валентин Олегович – Российский Государственный Педагогический Университет им. А.И. Герцена (Россия), E-mail: valentin.terenn@yandex.ru

Artem Pavlovich Sokolov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of International Studies, MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia), E-mail: a.sokolov@inno.mgimo.ru

Valentin Olegovich Terentiev – Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia), E-mail: valentin.terenn@yandex.ru

Талагаева Д.А., доктор политических наук, доцент МГИМО МИД России (Россия).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИРРАЦИОНАЛЬНОСТИ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ

В статье рассматривается историческая эволюция научных представлений об иррациональности в антропологических моделях экономической мысли, начиная с классической политэкономии и заканчивая неоклассическими, кейнсианскими, неолиберальными и критическими подходами. Показано, как изменения социально-политического контекста и структуры властных отношений — от становления буржуазии и рабочего движения до формирования университетской профессуры и «империализма» экономической теории — определяли границы допустимой иррациональности и способы ее теоретической обработки. Особое внимание уделяется трансформации понятий рациональности и иррациональности в трудовой теории стоимости К. Маркса, кейнсианской концепции психологических факторов в экономике и в неолиберальных подходах, рассматривающих рынок как механизм, преобразующий индивидуальную иррациональность в коллективную рациональность. Методологически исследование основано на интеллектуальной истории, которая трактует научные высказывания в их социальном контексте, а также на концепциях политической экономии культуры. Анализируя конфликтные моменты в развитии экономической науки, связанные с проблемой иррациональности, автор приходит к выводу, что экономическая теория неизменно стремится к моделированию рационального поведения, стремясь интерпретировать иррациональные явления в терминах экономической рациональности.

Ключевые слова: антропологические модели, неоклассическая экономическая теория, чикагская школа, экономический империализм

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-02-111-123

Введение. Если смотреть на экономическую науку как на систему знаний, то в основе любой экономической теории обнаруживается учение о человеке, так как все они нуждаются в том, чтобы определить, какие мотивы движут человеком, без чего невозможно измерение степени влияния этих мотивов. Конечно, это сближает ее с другими общественными науками, но при этом экономика занимает особое положение, поскольку расценивается в современном обществе как наука, наиболее близкая к реальному управлению. В принципе, экономическая квалификация — основная среди тех, которые принимаются как подходящие для участия в управлении, а экономические успехи — это то, что воспринимается как главный критерий деятельности политиков. Естественно, такое положение отражается на статусе самой экономики среди наук. Экономика — это самая многочисленная и популярная гуманитарная дисциплина.

Такая популярность и близость к управлению подразумевают способность решать две задачи. Первая — идеологическая — по сути, защита существующего положения дел. Для решения этой задачи нужна способность изображать существующую ситуацию как естественную, неизбежную. Вторая же задача — прогнозирование. Но важным в прогнозировании оказывается не точность прогнозов — сразу можно сказать, что общая точность экономических прогнозов не превышает 50%, а есть мнение, что она даже ниже [9] — а то, насколько убедительно предсказатели создается видимость определенности, т.е. возможность действовать так, как будто будущее предопределено. Если это удастся, экономисты вносят свой вклад в важную функцию общественной мобилизации.

По сравнению с другими общественными науками, главное преимущество экономики в решении обеих задач, идеологической и прогностической, в том, что

экономика математизирована – математика создает видимость полной определенности. Но для выстраивания математической экономики необходим измеримый параметр, на который человек устойчиво реагирует – всегда предпочитает больший показатель параметра меньшему. В зависимости от выбора этого параметра формируются разные антропологические модели, которые составляют основу экономических теорий.

Однако даже в случае, когда параметр считается обнаруженным, сохраняется проблема иррационального реагирования, когда, даже признавая однозначную предпочтительность большей ценности меньшей, человек отказывается делать выбор в пользу первой. И, можно сказать, что вся история экономической теории – это попытки совладать с этой иррациональностью, главное направление которых – реинтерпретации иррациональности в качестве разновидностей рациональности.

Методы исследования. В статье предлагается обзорная история этих попыток, завершающаяся характеристикой современного положения дел в экономической теории, которая характеризуется, с одной стороны, исчерпанием попытки превратить экономтеорию в универсальную науку о человеческом поведении (так называемого «империализма экономики» [10]), с другой – ростом популярности «критической экономтеории», утверждающей возможность исходной позиции экономического исследования, отталкивающейся от представлений о справедливости [13]. В этом исследовании опирается на методологию интеллектуальной истории, предполагающей рассмотрение любого научного высказывания в качестве действия, совершаемого в значимом для автора высказывания социальном контексте, который составляют одновременно и индивидуальные интеллектуальные, и коллективные интересы [3]. В анализе же интересов исследование обращается к направлению «политической

экономии культуры», интерпретирующей культурные феномены в их взаимосвязи с экономическими и политическими общественными тенденциями [21].

При этом исходный материал, который рассматривается в статье – это в большей степени состояние «истории экономических учений» как учебной дисциплины, предлагающей преимущественно «прогрессивную» картину развития экономической науки с точки зрения расширения ее способности объяснять общественные явления [5; 6; 17; 20]. В этом смысле экономические учения зачастую интерпретируются как дополняющие друг друга и, таким образом, способствующие общему прогрессу науки. Здесь же ставится задача высветить конфликтные моменты в истории науки, которые разворачивались вокруг проблемы иррациональности.

Классическая политэкономия и Маркс. Историю экономики как самостоятельной науки традиционно отсчитывают с труда Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» [4]. Основу его теории составляло представление о рациональном эгоизме, надолго ставшее центральным антропологическим положением экономтеории. Суть этого взгляда заключается в том, что человек, преследуя собственные интересы, тем самым способствует общему благу. В политэкономической интерпретации популярность этой идеи в XVIII веке напрямую связана с тем, что она становится главным теоретическим отражением стремления буржуазии избавиться от опеки духовенства и знати. Основанием для этой опеки выступало понимание эгоистичной природы человека как порочной, требующей коррекции со стороны тех, кто доказал свою приверженность христианским добродетелям. В пик этому британское Просвещение утверждает, что люди вполне способны к самоорганизации без участия пастырей – никакой исключительной добродетели для этого не требуется, достаточно

банальной разумности.

Смит представляет собой особенно отчетливый пример связи идей с социальным положением автора. Близкий к шотландской элите, из которой он сам происходил и которая обеспечила его в конце жизни выгодной должностью таможенного комиссара в Глазго, Смит представлял интересы шотландской буржуазии, которая вышла на первый план экономической жизни Британской империи с развитием промышленности, начавшей приносить доходы, сопоставимые с заморской торговлей, которую контролировала английская аристократия. И все главные идеи Смита точно соответствовали интересам новой промышленной буржуазии. В частности, известный аргумент о «невидимой руке», которая направляет преследующих собственные интересы производителей к общему благу, очевидно направлен против налогов и пошлин, взимаемых властями под предлогом общественных интересов. При этом широко известен эпизод, когда Смит в знак приверженности борьбе с контрабандой, демонстративно сжег свой гардероб, оказавшийся пошитым из контрабандной ткани [20, р. 28]. Понятно, что пошлины на импортный текстиль, которые он вопреки общему фритрейдерскому направлению своей мысли взялся защищать, прямо соответствовали интересам шотландской производственной буржуазии.

Таким образом, Смит – мыслитель эпохи расцвета буржуазии, который интерпретирует рациональность как эгоистичное поведение производственного класса, а иррациональным у него оказывается поведение правящей аристократии. Но позиции буржуазии ослабевают после наполеоновских войн, а позиции аристократии, напротив, усиливаются по всей Европе. И в 1816 г. в Великобритании под давлением землевладельцев принимаются так называемые «Хлебные законы», ограничивающие импорт зерна с целью поднять цены на продукцию местного сельского хозяйства. Это ведет к

росту заработной платы, и эти законы становятся центром политической жизни. Вокруг них разворачивается долгий конфликт, который в итоге заканчивается победой промышленников – в 1846 г. Хлебные законы отменяют [12].

В этом конфликте известность приобретает Дэвид Рикардо, который считается основателем математической экономики – он первым сделал экономические рассуждения настолько абстрактными, чтобы их можно было выражать в формулах и графиках. Это хорошо сочеталось с его профессией: он занимался спекуляциями с ценными бумагами, по сути дела, самой оторванной от реальной экономики, самая абстрактной формой экономической деятельности.

При этом Рикардо – это основатель трудовой теории стоимости. Если Смит считал, что доход на капитал изначально предопределен усилиями по его управлению, то, по Рикардо, капитал, то есть любое предприятие – это зафиксированный труд, затраченный на его создание. И капиталист, получая прибыль от своей фабрики, просто медленно возвращает затраченные на ее создание средства. Прибыли за пределами возврата затрат в условиях конкурентной экономики просто не может быть, потому что конкуренция вынуждает снижать цену до уровня окупаемости. Соответственно, труд – основа не только текущего производства, но и капитального роста экономики. Повышение же его стоимости, в том числе в результате роста цен на хлеб, ведет не только к росту цен на все другие товары, но и подрывает общее развитие.

Характерно, что для классиков политэкономии Смита и Рикардо политическая дискуссия, в рамках которой они рассуждают, разворачивается между промышленниками, выражающими рациональную позицию, и землевладельцами, претензии которых интерпретируются как иррациональные. Рабочие в этот период политической силой не являются. Но ситуация меняется с появлением

рабочего движения и профсоюзов. Возникает новая политическая сила, и ее главным экономическим глашатаем становится Карл Маркс.

Маркс прямо называл Рикардо своим предшественником. Но если у Рикардо трудовая теория стоимости построена так, чтобы показать правомерность доходов от капитала, то у Маркса она работает в прямо обратном направлении. Он принимает логику, что на конкурентном рынке не может быть прибыли на капитал. Все, что промышленник использует для производства, включая фабрику, станки и все остальное, обладает рыночной стоимостью, и он не может продать эти предметы дороже, чем купил. Но Маркс размышляет не абстрактно, как Рикардо, а исторически. На данном историческом этапе прибыль очевидно есть, и, коль скоро ее источником не может служить капитал, она производна от труда – прибавочную к капиталу стоимость производит рабочий. Но поскольку товары в существующей правовой системе контролирует собственник средств производства, это позволяет ему отбирать у рабочего всю произведенную прибавочную стоимость выше уровня его пропитания. Получается, что это узаконенный грабёж, и, характеризуя ситуацию таким образом, Маркс делает основой своего анализа представление о справедливости и возвращает этический взгляд на экономику, который ранее ассоциировался с антибуржуазной, аристократической позицией. В этом смысле не случайно, что отчеты о чудовищных условиях на британских фабриках, которыми использовали в своих работах Маркс и Энгельс, были составлены парламентарями, выступавшими против буржуазии на стороне аристократических интересов [7].

Маркс – мыслитель периода революций 1848 г., которые подвели итог эпохе раннего капитализма, выглядевшего действительно чудовищно. Однако после подавления революционной волны ситуация начинает смягчаться. Экономика

продолжает расти и влечет за собой рост общего благополучия, а ситуация с рабочими переходит от острого конфликта к политическому торгу, в котором в их пользу делаются уступки.

В этой ситуации марксистская позиция теряет популярность. Для интеллектуалов все более значимой альтернативой публичной политической деятельности становится работа в университетах, которые в этот период быстро растут [18]. Можно сказать, что с расширением университетов интеллектуалы приобретают собственную экономическую базу и становятся отдельным профессиональным классом. А место идеологии этого класса занимает позитивизм. Главная идеологема здесь – это зависимость университета от достоверности производимого им знания. Утверждается, что общество обеспечивает университет именно как источник рационального знания, и, если знание перестает быть объективным, университет лишается поддержки. Соответственно, профессура внутренне заинтересована сохранять рациональный взгляд на вещи. В политэкономии это создает проблему: после Маркса трудовую теорию стоимости невозможно использовать, не затрагивая этического вопроса эксплуатации.

Новая теория появляется параллельно в университетах Великобритании, Австрии и французской Швейцарии: в 1871 г. выходят книги Джевонса «Теория политической экономии» и Карла Менгера «Принципы экономики», а в 1874 г. Леона Вальраса «Элементы чистой политэкономии». Главная идея всех трех работ «неоклассической революции» в том, что стоимость – это не производная от труда, а выражение полезности [12].

Естественно, что предшествующие неоклассикам мыслители, в частности Смит, были в курсе, что полезность товара влияет на его стоимость. Но она считалась неподходящим критерием, так как по определению субъективна и ненадежна – в оценке полезности слишком много иррациональности. Это

выражалось в известном парадоксе воды и бриллианта. Вода очень полезная, но ничего не стоит, а бриллиант абсолютно бесполезный, но очень дорогой.

Неоклассики решают эту проблему с помощью категории уменьшающейся полезности. Для человека, который мучится жаждой, вода, конечно, полезнее любого бриллианта. Но с каждым выпитым стаканом эта полезность сокращается. И в нормальной ситуации уменьшающаяся полезность воды, а также пищи, одежды и других необходимых предметов доходит до минимума, и их полезность начинает соотноситься с относительно бесполезными предметами роскоши, которые для благополучного человека становятся желанными. Отсюда важный вывод: с виду иррациональные предпочтения на самом деле рациональны, но определяются предельной полезностью не самого оцениваемого предмета, а всех предметов, доступных в данный момент.

Математическое оформление этой картины придал Вальрас. Человек у него описывается как вычислительный аппарат, нацеленный на получение максимальной полезности, поведение которого можно предсказать путем решения задачи на вычисление экстремума – максимального показателя полезности.

Рынок же в целом движется к ситуации, когда предельная полезность, которая выражается в том, сколько человек готов заплатить за еще одну единицу товара, равняется стоимости производства этой единицы товара. Это состояние рыночного равновесия, которое позиционируется как оптимальное – при нем все участники рынка получают возможность получить максимум полезности. И при равновесии нет прибыли, так как все обмены эквивалентны по полезности.

В неоклассической революции был еще один участник – это английский экономист Альфред Маршал. По свидетельству его студентов, в своих лекциях уже в 1870 г. он рассказывал свою версию теории уменьшающейся полезности, но из-за

своей склонности по многу раз переписывать свои работы, он опубликовал свои умозаключения только в 1890 г. [20] Но именно он сделал неоклассику мейнстримом экономической науки в Великобритании, на тот момент ведущей мировой державе. И важной антропологической новацией Маршала было то, что в качестве главного субъекта экономики он заменил человека на фирму. Если раньше фирма рассматривалась как квазичеловек, то теперь человек стал рассматриваться как квазифирма, обозначаемая как домохозяйство.

Это был значимый шаг в сторону уравнивания положения капитала и труда. Получалось, что качественной разницы в их положении нет: обе стороны заняты балансированием покупок и продаж. И труд здесь не рассматривается как особого рода затраты, связанные со страданием, – этическое отношение к труду, таким образом, исключается из внимания.

Кейнс и чикагская школа. Важной заслугой Маршала было также то, что он привел в экономическую науку Джона Кейнса, которому в начале его университетской карьеры Маршал даже платил из собственных средств зарплату. Экономические взгляды Кейнса сложились на фоне Великой депрессии, которая показала, что существующая рыночная система не только не создает равновесия, но способна приводить к катастрофам. После нее начинается поиск моделей, призванных не допустить повторения подобного, и основой этой новой экономической политики становится кейнсианство. Кейнс пользовался маршаловским теоретическим аппаратом, в том числе пониманием человека как квазифирмы, но добавил в эту модель важную психологическую поправку в виде склонностей – к сбережению и потреблению. По сути дела, кейнсианский человек может быть в двух состояниях – благодушном, оптимистичном и испуганном, пессимистичном. И от этого состояния напрямую зависит ход экономики.

Причиной для введения этой поправки было то, что падение экономики

сопровождается падением и зарплат, и цен и, по идее, когда падение достигает дна, цены должны соответствовать зарплатам и экономика должна снова начать работать. Но итогом краха становится общий страх: люди не готовы расставаться с только что появившимися накоплениями, из-за чего экономика не может снова начать набирать обороты. И по Кейнсу задача государств – добиться преодоления этих страхов. Инструмент же – денежные вливания: денег в экономике должно стать столько, чтобы с ними нестрашно было расставаться.

Таким образом, Кейнс инкорпировал иррациональность в экономическую теорию, фактически обозначив ее двоичным кодом – оптимизм или пессимизм. Но, ожидаемо, такой подход был воспринят далеко не всеми экономистами. Базой Кейнса был Кембриджский университет, где среди экономистов преобладали его сторонники. Центром же оппозиции стала Лондонская школа экономики, главной оппонирующей Кейнсу фигурой в которой стал приглашенный австрийский экономист Фридрих Хайек.

Его враждебность к идеям Кейнса была связана с личным опытом. 1920-е годы он провел в разоренной войной Австрии и в полной мере ощутил на себе послевоенную гиперинфляцию, в которой к тому же сгорели все накопления его родителей. И предложение Кейнса эту инфляцию разгонять вызывало у него отторжение [22]. Хайек считал, что такое искусственное увеличение потребления, без сопутствующего роста сбережений, превращающихся в инвестиции, не может заставить экономику работать. Без инвестиций предложение не сможет соответствовать увеличившемуся спросу, и вливания обернутся инфляцией.

Основу же собственной теории Хайек изложил в ходе так называемой дискуссии о расчетах, развернувшейся в 1930-е гг. Речь шла о возможности функционирования социалистической экономики, в которой все производство

находится в государственном управлении. Это означает, что управляющие этим производством ведомства должны сами устанавливать цены на товары, причем так, чтобы не было ни избыточного спроса, ни избыточного предложения.

За то, что это возможно, выступал польский экономист Оскар Ланге, который в то время работал в США. Особенность его взглядов заключалась в том, что он считал, что обоснование социализма следует искать не в марксизме, а в неоклассической экономике. По его мнению, рыночное равновесие не просто не является проблемой для социализма, а только при нем и достижимо. Такое состояние, когда нет никакой прибыли, а все получают исключительно стоимость своего вклада, если вообще возможно, то только при централизованном управлении экономикой. К тому же, в версии неоклассической теории Вальраса есть такой интересный персонаж – глашатай, который собирает и непрерывно оглашает цены на все товары, изменяя их, пока спрос не сравняется с предложением. Эта условная фигура указывает на то, что кто-то должен заниматься таким распространением информации, иначе достигнуть равновесия невозможно. И как считал Ланге, этот глашатай и есть социалистическое правительство, которое постепенно меняет цены, добиваясь равновесия на всех рынках [23].

Хайек, оценивая эту картину, указывал на две серьезные проблемы. Первая заключалась в том, что для сбора данных одного крикуна не хватит, а понадобится гигантская бюрократия. Помимо технических сложностей, связанных со сбором данных, этому аппарату придется еще иметь дело с халатностью, злоупотреблениями и просто обманом. И чтобы докопаться до подлинного состояния дел во всех отраслях экономики понадобится мощнейший полицейский аппарат. Таким образом, социалистическое государство автоматически превращается в репрессивное.

Вторая же проблема – в том, что, помимо сопоставления цен, нужно еще планировать и производство новых товаров. А полезность нового товара остается неизвестной, пока он не начнет продаваться и конкурировать с др. товарами. Эта информация возникает только в ходе рыночных отношений.

Здесь Хайек использует прямую аналогию между рынком и мозгом. В мозге вся основная информация заключена в отношениях между клетками, а не в самих клетках, которые, по сравнению с мозгом, устроены довольно просто. Попытка централизовать действие подобного механизма, будет означать перезамыкание всех связей через некоторые «клетки», которые выделены в качестве «управляющих», что, конечно же, абсурдно.

Эта аналогия имела серьезное значение. Фактически здесь все отдельно взятые участники рынка признавались, по крайней мере, способными на иррациональное поведение. Рациональность же приписывалась не индивиду, а рынку как всеобъемлющему механизму по обработке информации [15]. Таким образом, из двухуровневой системы рациональности по Смиту – рациональный эгоизм на индивидуальном уровне и рациональность на уровне общественной организации труда – Хайек оставлял только второй уровень. Причем эта рациональность ставится подчеркнута выше любого человеческого разума: целенаправленная организация экономики людьми всегда будет значительно хуже, чем спонтанная рыночная организация.

Однако после завершения Второй мировой войны идеи Хайека практически полностью утратили популярность. Странники свободного рынка были вытеснены из мейнстрима под сохранявшимся впечатлением от депрессии 1930-х гг., и основная конкуренция за влияние в экономической науке шла между кейнсианцами и социалистами,

В США и во всех западных странах победило кейнсианство. Рыночный

социализм ушел в фундаментальные исследования и в военную экономику: подходы, которые предлагали социалисты, использовались в планировании военного заказа, в определении соотношения видов вооруженных сил и т.п. В дальнейшем в этой сфере зародилась теория игр [14].

Влияние же на экономическую политику захватили кейнсианцы. Главной фигурой этого течения стал экономист из Массачусетского технологического института Пол Самуэльсон с его знаменитым учебником «Economics», который начиная с 1950-х гг. играл роль главного пособия по государственному управлению. Причем сам Самуэльсон роль экономики хорошо осознавал. Широко известна его цитата: «Мне все равно, кто будет писать государственные законы или составлять сложные международные соглашения, если я буду писать учебники по экономике». [19, p. ix]

Монополия кейнсианцев закончилось в 1970-е гг. с началом стагфляции в США – сочетания инфляции и безработицы, что с точки зрения кейнсианской теории было парадоксом – эти два параметра полагались обратно пропорциональными. И к этому моменту сложился сильный лагерь недовольных слишком активной гос. эк. политикой, главным оплотом которого стал Чикагский университет, а лидером – Милтон Фридман. Стагфляцию он объяснял одновременным вливанием денег в экономику и усилением регулирования производства, в том числе – ростом влияния профсоюзов, из-за которого искусственно растут зарплаты, а значит усиливается безработица [11].

С этого момента начинается наступление неолиберализма. Его выход на первый план связан с победами на выборах в Великобритании Маргарет Тэтчер в 1979 г., а в США Рональда Рейгана в 1980 г. Оба были поклонниками Хайека, как и экономисты чикагской школы. Без преувеличений можно сказать, что неолиберализм представляет собой культ рынка. Рынок обладает чудодейственным

свойством – конкуренцией. И лучшее решение практически любой проблемы – это ее превращение в предмет рыночной конкуренции. Объясняется это тем, что таким образом запускается информационный механизм рынка, который обладает большими возможностями выработки оптимальных решений, чем любой отдельный человек или группа людей. И чем интенсивнее работает рынок, тем лучше. С этим было связано, в частности, дальнейшее увлечение глобализацией, то есть географическим расширением рынков, и ускорением работы рынков, которое резко подхлестнули компьютерные технологии. По сути дела, идеал неолиберализма – это компьютеризированная биржевая торговля, в которой каждую секунду совершаются тысячи сделок и в которую непрерывно вовлечен весь мир.

Из понимания рынка как механизма превращения индивидуальной иррациональности в коллективную рациональность вытекает то, что рыночная организация, вообще-то говоря, способна улучшить любую сферу жизни. Главный идеолог такой экспансии был представитель следующего после Фридмана поколения чикагских экономистов – Гари Беккер. В рамках его взглядов любое человеческое решение объясняется как сопоставление прибыли и издержек, а любой общественный процесс может анализироваться как рыночный.

Характерный пример дает первая книга Беккера «Экономика дискриминации», увидевшая свет в 1957 г. В ней он начинает с того, что бессмысленно оценивать дискриминацию с моральной точки зрения. Предубеждения, в том числе расизм – это факт, расизм существует. И Беккер предлагает рассматривать его просто как разновидность иррациональных предпочтений.

Если же такой расист оказывается в роли работодателя, то из-за своих предпочтений он ограничивает круг претендентов на предлагаемые им рабочие места. Из-за этого доступное ему предложение труда сокращается, а зарплата, которую ему

придется платить, повышается. Соответственно, бороться с дискриминацией по Беккеру следует путем расширения мобильности труда. Чем шире рынок, тем очевиднее и ощутимее будут издержки от дискриминации, а крупные предприятия с большим числом персонала они вообще могут сделать неконкурентоспособными. Главная идея здесь в том, что изолированный индивид вполне может быть склонен к иррациональному поведению, но, если он хочет участвовать в рыночном процессе, ему придется вести себя рационально [8].

На основе таких же принципов Беккер рассматривает преступность. В его видении решение совершить правонарушение принимается по принципу сопоставления выгоды с издержками. Издержки здесь оцениваются как ответственность, помноженная на вероятность того, что к ней привлекут [1]. Этот подход работает прямо против взгляда, согласно которому бороться с преступностью с помощью наказаний практически бесполезно. Преступники не переведутся, пока есть социально-экономические причины совершать преступления, прежде всего, бедность. А по Беккеру преступники не переведутся в принципе, но на них можно влиять с помощью наказаний. И в этом его теория идет против еще одного гуманистского тезиса, согласно которому важна не тяжесть наказания, а его неотвратимость. У Беккера же – тяжесть наказания равнозначный фактор, с его точки зрения, когда нет возможности реально привлечь к ответственности всех нарушителей, их оправданно запугивать страшными приговорами.

Взгляд Беккера на человека получил развитие у его ученика – Стивена Левитта, одного из авторов популярной книги 2000-х гг. «Фрикономика». После успеха «Фрикономики» Левитт и его соавтор журналист Стефан Дабнер написали продолжение – «Суперфрикономика», а затем еще две книги – «Думай как фрик» и «Когда лучше ограбить банк». По мотивам первой книги сделали

четырёхсерийный фильм, а сами Левитт и Дабнер открыли станцию интернет-вещания «Радио Фрикономика», пользовавшуюся популярностью.

Исходно Левитт и Дабнер рассматривают человека как изначально предрасположенного к обману: «На каждого толкового человека, перед которым стоит задача создать схему стимулирования, испокон веков находится целая армия людей, готовых потратить кучу времени на то, чтобы обмануть эту схему. Неизвестно, насколько обман изначально присущ человеческой природе. Однако вполне очевидно, что обман можно встретить практически в любом направлении человеческой деятельности. Обман представляет собой первичный экономический акт: получение большего в обмен на меньшее». [2] Возможность же обмана связывается с информационной асимметрией, иначе говоря, обманывать может тот, кто обладает информацией, того, кто ее лишен.

В этом смысле в выгодном положении находятся профессионалы рынка, которые обычно играют роль посредников – брокеры, маклеры, агенты и другие подобные персонажи. Они позиционируют себя как продавцы специального знания, которые могут помочь неспециалисту совершить выгодную сделку. Но, как выясняется, цена, которую бы определил их знанию открытый рынок, не в пример ниже того, на что они претендуют. Реальную же прибыль эксперты извлекают из эксплуатации страха, вызванного незнанием. Пример Левитта и Дабнера – риэлторы. Основу их заработка составляют комиссии, выплачиваемые главным образом продавцами недвижимости. Главный же аргумент риэлторов в пользу того, что они заслуживают доверия, заключается в том, что они получают процент от цены сделки, а значит заинтересованы добиваться максимально высокой цены. На самом же деле после всех вычетов изменение их реальной комиссии, зависимое от цены, оказывается небольшим, и их главным образом интересует не заключение максимально

выгодных сделок, а заключение максимального числа сделок, которые, соответственно, нужно проводить как можно быстрее. И их основным приемом оказывается запугивание продавцов – преувеличением недостатков продаваемой недвижимости, «сгущением красок» по поводу состояния рынка и т.д. Учитывая же, что для большинства людей продажа или покупка дома – это самая большая сделка, которая совершается за всю жизнь, они изначально находятся в беспокойном состоянии, которое риэлторами целенаправленно усугубляется.

По мнению Левитта и Дабнера, лучший способ противодействовать такому рода злоупотреблениям – это распространение информации. Они приводят в пример резкое падение средних цен на целый ряд товаров с появлением интернета, причем еще в 1990-е гг., до бума интернет-продаж. Например, в 1996 г. простое опубликование информации о стоимости страховых полисов разных компаний на общедоступном сайте снизило объем ежегодных страховых выплат только по одной категории полисов – срочному страхованию жизни – примерно на миллиард долларов. И такое распространение информации – это главная мера в расширении действия рыночных механизмов, которые сокращают возможности злоупотреблений.

В принципе, здесь повторяется тезис о том, что рынок изначально стремится к равновесному, то есть бесприбыльному состоянию. Но Левитт и Дабнер добавляют сюда заметные этические нотки: рынок стремится не просто к равновесию, а искореняет обман и страх, он способствует рациональной организации еще и в том смысле, что благодаря ему распространяется честное поведение. Если Беккер нейтрализует этический посыл «левых» мыслителей, то Левитт и Дабнер заявляют об этическом превосходстве рыночной организации. В принципе, марксистская точка зрения здесь буквально переворачивается: у Маркса человеческие

пороки – продукт отчуждения, вызванного рыночными отношениями, а здесь человек изначально порочен, а рынок заставляет его быть порядочным.

Заключение. В итоге можно выделить три основные модели человека, представленные в экономических учениях. Это рациональный эгоист классической и неоклассической экономики, испуганный, нуждающийся в опеке психологический человек Кейнса и отчужденный человек Маркса.

Можно заметить, что во всех этих случаях экономические учения нацелены на то, чтобы преодолеть человеческую иррациональность и создать систему, способствующую рациональному, то есть оптимальному экономическому поведению. В этом смысле классическая политэкономия фактически утверждает, что рациональность – это честное эгоистическое поведение, любые же претензии на большую моральность, на вмешательство в дела профессиональных эгоистов – коммерсантов – ради некоего общего блага иррациональны и вредны. Неоклассика делает рациональность более сложной, требующей постоянных калькуляций, что служит дополнительным аргументом в пользу неприкосновенности коммерческого сословия, выполняющего важную общественную функцию.

Антибуржуазный характер Маркса проявился в том числе и в том, что он фактически перевернул этот аргумент, сделав рынок источником всякой иррациональности через категорию отчуждения. В этом смысле он воспринял риторику старых правящих классов, указывающих на аморальность буржуазии. Но марксисты обвиняют буржуазию своей эпохи уже не только в безнравственности, но и в неэффективности – рациональный эгоизм, лежащий в основе буржуазной организации, перестал быть рациональным, и его следует заменить новым централизованным устройством общества.

Одним из главных оснований для утверждения иррациональности

капитализма были кризисы перепроизводства, регулярно вызывавшие обрушение экономики, за которым следовало болезненное восстановление. Кейнс обозначил эти эпизоды как моменты иррациональности, отличные от среднего рационального состояния рынка. Моменты перегрева и моменты депрессии – это всплески чрезмерного оптимизма и пессимизма, компенсировать которые необходимо правительству.

Способность правительств решать эту задачу кейнсианскими методами была серьезным образом поставлена под сомнение с появлением стагфляции, которая с точки зрения кейнсианской доктрины в принципе не должна была возникнуть. И с 1970-х гг. начинается подъем неолиберализма, утверждающего, что моменты иррациональности рынка возникают из-за накладываемых на его работу ограничений. Кризисы – это, таким образом, не проявления иррациональности рынка, а результат отклонений от рыночной организации. Собственно, идея о необходимости защищать рынок и расширять влияние рыночных процессов – одна из ключевых черт неолиберализма, отличающего его от классического либерализма. Линия «фрикономики» Левитта подводит под нее дополнительный этический аргумент: рынок обеспечивает честность.

По оценке историка экономической науки Б. Файна, «фрикономика», повлекшая за собой волну подражателей, стала высшей точкой «империализма» экономической [10, p. 110], заключавшегося в претензии на расширение ее предмета таким образом, что поле экономических исследований перекрывало фактически все другие гуманитарные науки. Сама возможность такой претензии основывалась далеко не только на демонстрации применимости исследовательского аппарата экономики к самым различным аспектам общественной жизни – Файн, в частности, отмечает, что как правило полученные с помощью этого аппарата объяснения определенных случаев не

выдерживают проверки применением к другим ситуациям. Важнее был этический посыл: распространение экономического знания работает на искоренение иррациональности и таким образом исключает возможность обмана.

По сути, дела данная линия экономической науки заявляет в качестве желанного состояния справедливость, под которой понимается эквивалентный обмен. Но, как известно, наряду с эквивалентностью справедливость может пониматься как равенство – параметр, противопоставляемый эквивалентности в марксистской политэкономии, с точки зрения которой эквивалентность всегда имеет идеологическое содержание, которое обеспечивает преимущество правящему классу.

Это противопоставление имеет принципиальное значение для истории экономической науки, акцентируемое, в частности, историком науки Р. Нельсоном, который проводит аналогию между противопоставлением католичества и протестантизма

в религии и марксистской и неоклассической линиями в экономике. Важнейшее различие между двумя течениями христианства заключалось в том, что, если католичество допускало только коллективное спасение – в сообществе верующих, в церкви, то протестантизм заявлял об индивидуальном характере спасения [16].

Конечно, это лишь метафора, но все же следует признать, что выбор между различными экономическими теориями явно определяется не только их «эффективностью» в объяснении исследуемых феноменов. В этом выборе явно отражаются ценностные предпочтения, которые проявляются, в частности в том, что провозглашается рациональным, а что классифицируется как проявление иррациональности. И этот ценностный аспект, как представляется, играл в истории экономической мысли гораздо более серьезную роль, чем показывается в большей части учебной литературы по «Истории экономических учений».

Список литературы

1. Беккер Г. Преступление и наказание: экономический подход. В кн.: Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 282-352.
2. Дабнер С., Левитт С. Фрикономика. М.: Альпина Паблишер, 2019. 236 с.
3. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. Сост.: Атанашев Т., Велижев М. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 632 с.
4. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: АСТ, 2019. 1072 с.
5. Холопов А.В. История экономических учений. Шестое издание. М.: КНОРУС, 2025. 429 с.
6. Шишкин М. В., Борисов Г. В., Сутырин С.Ф. История экономических учений. 4-е издание. М.: Юрайт, 2024. 228 с.
7. Anderson P. Lineages of the Absolutist State. New York: Verso, 2013. 576 p.
8. Becker G. The Economics of Discrimination. Chicago: The University of Chicago Press, 1957. 137 p.
9. Campbell, S., & Moore, D. A. (2024). Overprecision in the Survey of Professional Forecasters // *Collabra: Psychology*. Vol. 10. No. 1. <https://doi.org/10.1525/collabra.92953>
10. Fine B., Milonakis D. From Economics Imperialism to Freakonomics. London: Routledge, 2009. 212 p.
11. Friedman M. Nobel Lecture: Inflation and Unemployment // *Journal of Political Economy*. 1977. No. 3. P. 451-472.
12. Hunt E., Lautzenheiser M. History of Economic Thought. A Critical Perspective. New York: M.E. Sharpe, 2017. 604 p.
13. Markus G., Kis J., Bence G. How Is Critical Economic Theory Possible? Leiden:

Brill, 2022. 328 p.

14. Mirowski P. *Machine Dreams. Economics Becomes a Cyborg Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 655 p.

15. Mirowski P. *Never Let a Serious Crisis Go to Waste*. New York: Verso, 2014. 496 p.

16. Nelson R. *Economics as Religion: From Samuelson to Chicago and Beyond*. University Park: The Pennsylvania State University Press, 2001. 378 p.

17. Roncaglia A. *The Age of Fragmentation: A History of Contemporary Economic Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 192 p.

18. Rüegg W. (ed.) *A History of the University in Europe: Volume 3, Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800–1945)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 776 p.

19. Samuelson P. Foreword. In: Saunders P., Walstad W. (eds.) *The Principles of Economics Course: A Handbook for Instructors*. New York: McGraw-Hill Publishing Company, 1990. P. ix-x.

20. Skousen M. *The Making of Modern Economics*. Fourth Edition. London: Routledge, 2022. 504 p.

21. Sum N.-L., Jessop B. *Towards a Cultural Political Economy*. Cheltenham: Edward Elgar, 2013. 592 p.

22. Wapshott N. *Keynes Hayek: The Clash that Defined Modern Economics*. New York: W.W. Norton & Company, 2012. 382 p.

23. White L. *The Clash of Economic Ideas*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 428 p.

HISTORICAL EVOLUTION OF SCHOLARLY CONCEPTIONS OF IRRATIONALITY IN ANTHROPOLOGICAL MODELS

The article examines the historical evolution of scholarly conceptions of irrationality in anthropological models of economic thought, from classical political economy to neoclassical, Keynesian, neoliberal, and critical approaches. It shows how changes in the socio-political context and structures of power relations—from the rise of the bourgeoisie and the workers' movement to the formation of the university professoriate and the “imperialism” of economic theory—have defined the boundaries of acceptable irrationality and the ways it is theoretically processed. Special attention is paid to the transformation of the notions of rationality and irrationality in Marx's labor theory of value, in the Keynesian conception of psychological factors in the economy, and in neoliberal approaches that view the market as a mechanism transforming individual irrationality into collective rationality. Methodologically, the study is grounded in intellectual history, which interprets scholarly statements within their social context, as well as in concepts of the political economy of culture. By analyzing the points of conflict in the development of economic science associated with the problem of irrationality, the author concludes that economic theory has consistently sought to model rational behavior, striving to interpret irrational phenomena in terms of economic rationality.

Keywords: anthropological models, neoclassical economic theory, Chicago school, economic imperialism

References

1. Becker G. (2003) *Prestuplenie i nakazanie: ekonomicheskii podkhod* [Crime and punishment: an economic approach]. In: Becker G. *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskii podkhod*. Moscow: GU VShE. P. 282-352.

2. Dubner S., Levitt S. (2019) *Friekonomika* [Freakonomics]. Moscow: Al'pina Publisher. 236 p.

3. *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii* (2018) [The Cambridge school: theory and practice of intellectual history]. Compiled by: Atnashev T., Velizhev M. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 632 p.

4. Smith A. (2019) *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An inquiry

into the nature and causes of the wealth of nations]. Moscow: AST. 1072 p.

5. Kholopov A.V. (2025) *Istoriia ekonomicheskikh uchenii*. Shestoe izdanie [History of economic teachings. Sixth edition]. Moscow: KNORUS. 429 p.

6. Shishkin M. V., Borisov G. V., Sutyurin S.F. (2024) *Istoriia ekonomicheskikh uchenii*. 4-e izdanie [History of economic teachings. 4th edition]. Moscow: Iurait. 228 p.

7. Anderson P. *Lineages of the Absolutist State*. New York: Verso, 2013. 576 p.

8. Becker G. *The Economics of Discrimination*. Chicago: The University of Chicago Press, 1957. 137 p.

9. Campbell, S., & Moore, D. A. (2024). Overprecision in the Survey of Professional Forecasters // *Collabra: Psychology*. Vol. 10. No. 1. <https://doi.org/10.1525/collabra.92953>

10. Fine B., Milonakis D. *From Economics Imperialism to Freakonomics*. London: Routledge, 2009. 212 p.

11. Friedman M. Nobel Lecture: Inflation and Unemployment // *Journal of Political Economy*. 1977. No. 3. P. 451-472.

12. Hunt E., Lautzenheiser M. *History of Economic Thought. A Critical Perspective*. New York: M.E. Sharpe, 2017. 604 p.

13. Markus G., Kis J., Bence G. *How Is Critical Economic Theory Possible?* Leiden: Brill, 2022. 328 p.

14. Mirowski P. *Machine Dreams. Economics Becomes a Cyborg Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 655 p.

15. Mirowski P. *Never Let a Serious Crisis Go to Waste*. New York: Verso, 2014. 496 p.

16. Nelson R. *Economics as Religion: From Samuelson to Chicago and Beyond*. University Park: The Pennsylvania State University Press, 2001. 378 p.

17. Roncaglia A. *The Age of Fragmentation: A History of Contemporary Economic Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 192 p.

18. Rüegg W. (ed.) *A History of the University in Europe: Volume 3, Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800–1945)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 776 p.

19. Samuelson P. Foreword. In: Saunders P., Walstad W. (eds.) *The Principles of Economics Course: A Handbook for Instructors*. New York: McGraw-Hill Publishing Company, 1990. P. ix-x.

20. Skousen M. *The Making of Modern Economics*. Fourth Edition. London: Routledge, 2022. 504 p.

21. Sum N.-L., Jessop B. *Towards a Cultural Political Economy*. Cheltenham: Edward Elgar, 2013. 592 p.

22. Wapshott N. *Keynes Hayek: The Clash that Defined Modern Economics*. New York: W.W. Norton & Company, 2012. 382 p.

23. White L. *The Clash of Economic Ideas*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 428 p.

Об авторе

Талагаева Дарья Александровна - доктор политических наук, доцент кафедры английского языка №6 МГИМО МИД России E-mail: d.talagaeva@mail.ru

Talagaeva Daria Alexandrovna - Doctor in Political Science, Associate Professor, English Department No. 6, MGIMO University E-mail: d.talagaeva@mail.ru

УДК 94(489).16

Ходин А.А., кандидат исторических наук, научный сотрудник, Гейдельбергский университет (ФРГ)

ГРЕНЛАНДИЯ В СОСТАВЕ ДАТСКОГО КОРОЛЕВСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

В первой половине XVII века возрастает интерес европейских держав к Гренландии. Формально она входила в состав Датского королевства. Несмотря на это, утвердить своё влияние на острове стремились, набирающие политическое влияние Англия и Нидерланды. Они имели свои экономические интересы в этом регионе – в первую очередь, контроль северных торговых путей и китобойный промысел. Данная статья рассматривает дипломатические переговоры между сторонами за влияние в Гренландии и на прилегающих к ней островах. В результате исследования, становится очевидным, что Дания поначалу не имела достаточных ресурсов, чтобы утвердить и закрепить своё влияние в Гренландии. Тем не менее, датское правительство пыталось воспрепятствовать англо-голландской торговле на острове. Проведённые дипломатические переговоры не решали проблемы. Заключённые соглашения практически закрепили «статус кво» между странами, которые постепенно вовлекались в события Тридцатилетней войны (1618–1648). Благодаря этому, Дания на некоторое время получила возможность активнее заняться освоением Гренландии. В результате, были закреплены датские права на освоение острова, а доходы от промыслов и торговли продолжали обогащать королевскую казну.

Ключевые слова: Гренландия, Дания, Англия, Нидерланды, внешняя политика, дипломатия, переговоры, торговля, китобойный промысел.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-02-124-133

Введение. В начале 2025 года в одном из крупнейших мировых изданий «The Washington Post», а также других ведущих средств массовой информации неоднократно затрагивался вопрос о возрастающем интересе мировой политики к Гренландии [20]. Однако, такое внимание не является чем-то новым. Изучая документы Датской канцелярии и дипломатическую корреспонденцию первой половины XVII века, можно заметить совершенно схожую тенденцию. Именно в этот период в среде датских и европейских дипломатов также заговорили об острове, о котором ранее мало кто вспоминал. Более того, в то время мало кто вообще имел представление о том, где именно этот остров находится, и какие ресурсы из него можно извлекать.

В данной статье будет предложено «переместиться» в первую половину XVII века – во время, когда к Гренландии впервые был проявлен серьёзный интерес со

стороны европейцев. В связи с этим, планируется проследить, какую выгоду мог представлять этот отдалённый остров с суровым климатом и немногочисленным населением. Кроме этого, рассмотрим, какие государства вели основные дипломатические переговоры за влияние в Гренландии, и к каким результатам это привело.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования является Гренландия в составе Датского королевства в начале XVII века, а также дипломатия Дании в отношении других европейских государств относительно острова. Методологической основой исследования служат принципы объективности и историзма. Опираясь на документальные материалы, предполагается дать непредвзятую оценку политической ситуации, которая сложилась вокруг Гренландии накануне и в течении Тридцатилетней войны (1618–1648).

Результаты и их обсуждение. Упоминания о Гренландии появляются в

средневековых документах с конца X века, когда остров был открыт норвежскими викингами. В XIII веке гренландские поселенцы присягнули королю Норвегии, а в 1380 году Норвегия вместе с Гренландией вошла в унию с Данией. Это положило начало претензиям Датского королевства на владение островом. Именно поэтому датские короли рассматривали Гренландию в сфере своего влияния. Из-за неразвитости средневековых коммуникаций, суровости климата и эпидемий связи между Гренландией и Данией постепенно ослабли. Последнее упоминание об острове датировалось 1408 годом [4, с. 151]. Возрождение интереса к Гренландии началось в конце XV – начале XVII вв. В этот период Дания значительно усилилась и была одним из сильнейших балтийских государств [5, с. 20]. Королевство значительно увеличило свои экономические и военные ресурсы для ведения активной внешней политики и освоения новых территорий. При датском королевском дворе понимали, что извлечь какую-то серьёзную экономическую прибыль из Гренландии было сложно. Причиной этому была относительная отдалённость острова от континента и сложности логистики той эпохи. А суровый климат и опасности мореплавания в северных широтах только усугубляли ситуацию. Можно было организовывать экспедиции. Но ни у кого не было уверенности в том, что полученная прибыль покроет затраты. Поэтому первоначально никаких серьёзных шагов к освоению Гренландии в Дании не предпринимали.

Вскоре ситуация начала меняться. К концу XVI – началу XVII века наблюдался постепенный рост влияния английских торговых компаний в водах Северного моря. Для Дании это означало потенциальную угрозу её интересам, особенно вблизи гренландских берегов. Датчанам было необходимо что-то предпринять для укрепления своих позиций в этом регионе. Поэтому во время правления датского короля Кристиана IV (1588–1648) о

Гренландии снова заговорили. Тогда европейские государства стремились к расширению своих колониальных владений в разных частях света. Снаряжались экспедиции в Ост- и Вест-Индии [6, с. 3]. Популярной идеей эпохи был поиск кратчайших путей в этом направлении. В связи с этой идеей появилось мнение, что один из таких путей может пролегать и через Гренландию. В результате, в 1605 году была предпринята совместная англо-датская экспедиция к гренландским берегам. Кроме возможного пути в Индию планировалось разведать места по добыче моржового бивня. Некоторые надежды были и на поиск серебряных рудников [4, с. 153]. Однако эта экспедиция не принесла желаемого успеха. В 1606 и 1607 годах были предприняты ещё две датские экспедиции. На этот раз основной расчёт делался на установление контактов с местным населением. Предполагалось наладить торговлю ценными товарами. В их перечень входили белые соколы, жир тюленя и кита, моржовые клыки, лосось, а также меха куницы, горноста, рыси, лисы и волка [4, с. 156]. Эти экспедиции также оказались безрезультатными. Датчанам не удалось укрепить свои позиции на острове.

Вместе с тем, проведенные экспедиции только увеличили интерес к Гренландии со стороны Англии и Нидерландов. Если с конца XVI века между европейскими странами существовал спор из-за контроля над морскими путями в Северном море, то со второго десятилетия XVII века ситуация ещё более осложнилась. Английские и голландские китобои и торговцы начали организовывать всё новые экспедиции к Гренландии и архипелагу Шпицберген в Северном Ледовитом океане. Одно время существовало даже предположение, что в Гренландии можно найти месторождения золота [18, л. 72]. Однако все попытки отыскать его оказались безрезультатными. Но главной целью европейцев в этих широтах был

китобойный промысел. Это был очень выгодный бизнес, который приносил баснословную прибыль. Особую важность имел китовый жир, применяемый в качестве топлива для освещения и в других бытовых целях. Это понимали в Копенгагене, где очень не хотели, чтобы прибыль от китобойного промысла проходила мимо датской казны. Особо это раздражало Кристиана IV. В одном из писем канцлеру Кристиану Фриису (1581–1639) он открыто выражал свои опасения, что появление английских и голландских кораблей в Гренландии может серьезно навредить интересам Дании в этом регионе. Королю было важно, чтобы канцлер срочно предпринял какие-то меры и положил конец этой несправедливости [13, с. 176]. Но англичане и голландцы просто игнорировали датские претензии. Это вызывало негодование у датской аристократии. Датские государственные советники подчёркивали, что *«наши отцы пришли на эту землю, по этим опасным тропам – А.Х.»* [1, с. 224]. Поэтому эту территорию нужно оберегать и защищать. Особенно теперь, когда в Гренландии датчане столкнулись с *«сильными и хитрыми соседями, как Англия и Нидерланды – А.Х.»* [1, с. 224]. В Дании, предпочитали официально не разделять остров Гренландию от группы островов – Шпицбергена. Таким образом, англичанам и голландцам давали понять, что это монолитная территория. Права на неё принадлежат только Дании и сферы влияния здесь разделить нельзя [1, с. 223, 298].

В свою очередь, при английском дворе понимали, что нужно каким-то образом смягчить напряжение. В 1615 году англичане попытались урегулировать этот вопрос дипломатическим путем. В Копенгаген прибыл английский посол Роберт Анструтер (1578–1645). Он просил разрешить английским купцам заниматься китобойным промыслом в Северном море и у побережья Норвегии. Участие других государств исключалось [19, л. 59]. Государственный

совет Дании не поддержал такое предложение. В марте 1615 года на заседании херредага в Копенгагене (судебного заседания в присутствии короля и государственного совета) было выражено мнение, что ни в коем случае *«нельзя уступить другим королевствам права на китобойный промысел в Гренландии – А.Х.»* [1, с. 218]. Но это мнение не было столь однозначным. В Дании понимали, что королевство не имеет достаточных ресурсов, чтобы защитить Гренландию от англичан или голландцев. Решить вопрос кардинально можно было только послав к берегам Гренландии и Шпицбергена сильный датский флот. Но, на это не было ни подготовленных военных кадров, ни денег. Поэтому в датском государственном совете лавировали. Дипломатическая позиция Дании заключалась в том, что в вопросе о Гренландии нужно настаивать на своём, но одновременно *«не следует нанести какой-либо ущерб дружественным отношениям с Англией и Нидерландами – А.Х.»* [1, с. 222].

Английский посол уловил это настроение. Всем было понятно, что в Дании не желали обострения конфликта. Это позволило англичанам действовать более смело. Контролировать отдалённые территории Гренландии было сложно, поэтому самовольные действия английских купцов там не прекращались. Дания же перестала восприниматься в Англии как серьёзный соперник в Северном море. В 1616 году из Лондона была направлена инструкция английскому дипломату в Нидерландах сэру Дадли Карлтону (1573–1632). Ему предписывалось обратить внимание на отстаивание интересов английских купцов и китобоев в Гренландии. Основное беспокойство англичан вызывали не претензии датского короля, а голландские и русские купцы, которые конкурировали с англичанами в этом регионе [14, с. 6]. Карлтон имел несколько другое мнение. Ему удалось перехватить несколько писем между датским королём и Генеральными штатами в Нидерландах, а затем перевести их с голландского языка.

В ответных посланиях известному английскому дипломату и государственному деятелю сэру Ральфу Уинвуду (1563–1617) Карлтон выражал гораздо большую обеспокоенность в связи с претензиями на Гренландию со стороны Дании [14, с. 19]. Очень скоро в Лондоне поняли, что датская корона имеет твёрдое намерение отстаивать свои интересы в Гренландии. Уже через несколько месяцев государственный секретарь английского короля сэр Томас Лейк (1567–1630) напишет, что *«между нашим народом и его (датского короля – А.Х.) народом возникли разногласия, причем он (Кристиан IV. – А.Х.) заявляет, что все права принадлежат его короне..., но я надеюсь, что мы найдем способ уладить это – А.Х.»* [14, с. 249].

То, что англичане первоначально пренебрегали позицией Дании по Гренландии, было вполне объяснимо. В Священной Римской империи назревал конфликт между католиками и протестантами. Дания имела здесь свой интерес. Весьма вероятно была возможность вступления Кристиана IV в войну на стороне протестантов. Для этого ему нужны были деньги, которые он мог получить от Англии. Значит, портить отношения с Англией из-за отдалённых территорий, как Гренландия, было для Дании нецелесообразно. Кристиан IV хотел сосредоточиться на своих интересах в империи. А для этого нужно было не воевать с англичанами, а договариваться с ними. С этой целью в 1618 году в Англию прибыл датский дипломат Йонас Харисиус (1571–1619) [15, с. 33]. Он изложил жалобы на английских купцов, которые вели торговлю без разрешения в северных владениях Дании. В 1619 году в Англию прибыло новое посольство из Копенгагена под руководством, находящегося на датской службе, Эндрю (Андерса) Синклера (1555–1625) и Й. Харисиуса. Одной из тем переговоров снова была Гренландия. Датчане по-прежнему настаивали на своей монополии на острове. Англичане

старались это оспорить. По итогам дискуссий, 29 апреля 1621 года Англия и Дания подписали договор, подразумевающий разделение сфер влияния в области торговли [2, с. 380–386]. Однако это соглашение не включало чётких привилегий для англичан в Гренландии. Позднее, в октябре 1621 года английский король будет просить датского короля посодействовать, чтобы датские колонисты не ущемляли права английских рыбаков в Гренландии. Англичане, в свою очередь, обещали не чинить препятствий датчанам в Ост-Индии [2, с. 387].

Параллельно с англичанами, свои права на Гренландию заявили и Соединённые провинции Нидерландов. Из резолюции их Генеральных Штатов прослеживается явный интерес к рыболовству и китобойному промыслу в тамошних водах. Примечательно, что основным своим конкурентом в Гренландии голландцы считали англичан, а не датчан [17, с. 115, 150]. Обсуждая вопросы внешней торговли, депутаты Генеральных Штатов акцентировали внимание на том, чтобы именно *«англичанам не было нанесено никакого ущерба на Шпицбергене и в Гренландии – А.Х.»* [17, с. 696]. При этом голландские документы не выражают такой обеспокоенности относительно претензий датской короны, которая считала упомянутые территории своими [17, с. 696]. Активная фаза датско-нидерландских переговоров по Гренландии началась в 20-е годы XVII века. Местом был избран немецкий город Бремен. В августе 1621 года туда прибыли датские дипломаты – Якоб Ульфелът (1567–1630) и Хольгер Розенкранц (1574–1642). Речь шла в основном о свободе торговли в Ост- и Вест-Индии. Кроме прочего, датчане должны были убедить голландцев признать Гренландию за Данией. В итоге, 10 октября 1621 года стороны подписали договор о свободной торговле [2, с. 510–515]. Впоследствии это соглашение не было ратифицировано датской стороной. К тому же,

в его тексте не содержалось никакой конкретной информации относительно торговли непосредственно в Гренландии. Юридическая сторона этого вопроса не была проработана. Позднее через датскую канцелярию проходили жалобы от датских купцов на голландцев. Претензии заключались в том, что голландцы и их «сообщники мешали китобойному промыслу под Гренландией, о чем король неоднократно заявлял и разослал послания в Генеральные штаты Нидерландов – А.Х.» [8, 572–573]. Так как никакого вразумительного ответа на жалобы датского короля из Нидерландов не последовало, решать этот вопрос должен был датский адмирал Клаус Даа (1579–1641). В описываемый период он находился в Нидерландах с дипломатическим визитом, и именно ему было адресована жалоба. Однако решить вопрос окончательно так и не удалось. В итоге, договора Дании с Англией и Нидерландами не решали гренландского вопроса. Англичане и голландцы не получили разрешение датской стороны на свободную торговлю в Гренландии. Датчане по-прежнему настаивали, чтобы все пошлины от гренландской торговли поступали только в датскую казну.

В целом, к первой половине 20-х годов XVII века интерес европейских государств к Гренландии несколько уменьшился. Всеобщее внимание было приковано к событиям в Германии, где бушевала Тридцатилетняя война (1618–1648). В 1629 году Дания потерпела в ней поражение. Последствием этого был нарастающий дефицит денег в казне [16, с. 77]. Усталость от войны нарастала во всех частях Европы. Англия и Нидерланды не стремились обострять спор за отдалённые серверные территории. Поэтому, начиная с 30-х годов XVII века, датское правительство уделяло большее внимание не спорам за Гренландию, а её освоению. Было решено привлекать иностранных специалистов. Главное, чтобы Дания

сохраняла суверенитет и право на все ресурсы острова [10, с. 289]. В одном из документов датской канцелярии говорится о разрешении на китобойный промысел в Гренландии на имя Кнуда Урне – чиновника в Бергенхусе (Норвегия), а также для его семьи. Но, «чтобы они могли лучше освоить китобойный промысел, король разрешил им принимать и нанимать иностранных граждан, которые имеют опыт в рыбной ловле – А.Х.» [7, с. 177]. Схожее разрешение было предоставлено и бургомистру Копенгагена Миккелю Вибе (1565–1624) вместе с другими известными людьми датской столицы. Они могли отстреливать китов у гренландских берегов. Помимо этого, «им должно быть разрешено принимать незнакомых им людей, имеющих представление о китобойном промысле – А.Х.» [7, с. 187]. В случае, если иностранцы будут заниматься промыслом без разрешения датского короля, их товары и корабли должны быть конфискованы [9, с. 351].

Наибольшую роль в освоении Гренландии среди иностранцев сыграл Йохан Брем (1595–1646) – выходец из Нидерландов, а также его брат Годдарт. Это были известные предприниматели. Они занимали ведущее положение в китобойном бизнесе. В датских документах особо подчёркивается, что Й. Брем был «жителем Копенгагена» [9, с. 357]. Это фактически приравнивало его к статусу датского подданного. Благодаря чему он получал права на рыбную ловлю в Гренландии, а большая часть налоговых поступлений от этого шло в датскую казну. Это была выгодная сделка для Кристиана IV. Во-первых, Брем был не простой предприниматель. Он выступал в качестве поставщика предметов роскоши для короля и его двора. Во-вторых, в Дании не было достаточного количества специалистов способных осваивать столь северные регионы. Датской канцелярии нужны были опытные кадры и деньги на снаряжение экспедиций. Й. Брем мог предоставить и то и

другое. Поэтому датское правительство приветствовало, если жители королевства добровольно нанимались на работу к братьям Брем. Благодаря этому датчане могли получить необходимые навыки по освоению северных территорий. Предписывалось поощрять как датчан, так и подданных других государств, которые изъявляют желание отправиться в Гренландию и заниматься там промыслами [12, с. 470]. Работающие на братьев Брем подданные королевства *«должны были быть свободны от всех гражданских налогов и тягот, при условии, что они не будут задействованы ни в какой другой отрасли, кроме судостроения – А.Х.»* [9, с. 158]. Помимо этого, все наёмные добровольцы должны были быть *«освобождены от работы до тех пор, пока они работают на кораблях Йохана и Годдерта Брема – А.Х.»*. Исключением был если *«король и королевство будут нуждаться в том, чтобы эти люди были необходимы для королевской службы – А.Х.»* [9, с. 609]. В 1633 году Й. Брем намеревался *«снарядить свой корабль для похода в поселение Кристиансберг в Гренландии. Для этого требовалось около 200 человек – А.Х.»* [9, с. 357]. Он сетовал на то, что зима в северных широтах довольно суровая. Поэтому неизвестно сможет ли он вовремя и благополучно достичь поставленной цели. В связи с этими сложностями, Брем стремился снизить свои издержки и просил Кристиана IV оплатить ему расходы хотя бы на провиант. Датский король посчитал, что он способен справиться с этим и сам, однако был готов *«дать ему займы некоторые продукты на короткое время, если они ему нужны – А.Х.»* [9, с. 357–358].

Чтобы хоть как-то защитить интересы братьев Брем в Гренландии, Кристиан IV не поскупился отправить туда несколько пушек и судовое оборудование [10, с. 378]. Позднее планировалось даже послать военные корабли для защиты рыболовных угодий Й. Брема от голландских и французских судов [11, с. 819].

Кроме этого, Брему была дарована привилегия заниматься китобойным промыслом у берегов Гренландии. Привилегия действовала в течении семи лет [9, с. 608] и могла быть продлена сроком ещё на десять лет. Все права распространялись на Й. Брема, его брата Годдерта, а также их жён и наследников [9, с. 609]. Это означало, что ловля китов в водах Гренландии ограничивалась для других подданных датского королевства, а именно, для жителей города Берген в Норвегии [10, с. 382].

Однако братья Брем были не единственными, кто был заинтересован в освоении Гренландии. Привилегии на основании торговой кампании в Гренландии были удостоены и жители Копенгагена. Руководство поручалось градоначальнику датской столицы Йоргену Даниэльсену (1581–1638). Целью кампании было наладить торговлю с жителями Гренландии. Помимо этого, планировалось организовать несколько морских экспедиций вдоль острова. Но главной целью были ресурсы. В королевской инструкции напрямую указывалось, что этот край *«благословенен рудой или металлом, меховым и мясным промыслом, а также рыболовством, которые в должной мере не развиваются – А.Х.»* [3, с. 18], и соответственно, не приносят желаемого дохода. Местное население должно было обучаться датскому языку. Распространение лютеранства было обязательным условием. Освоить эти территории нужно было как можно быстрее. В Копенгагене опасались, что если промедлить, то эти земли *«бесспорно будут захвачены другими европейскими странами, застроены, заселены и перейдут в их владения – А.Х.»* [10, с. 415]. Чтобы торговля была более интенсивной, привилегии нужно было предоставить и отдельным купцам. В связи с этим, некоторые торговые пошлины отменялись [3, с. 18]. Оговаривалось, что все, кто получал привилегию на промыслы или торговлю в Гренландии не должны были ущемлять права датских подданных в Исландии – в

тот период она также входила в состав датской монархии. Например, в документах чётко прописывалось, что Й. Брем не имел права заниматься промыслами вблизи Исландии, потому что в этом регионе *«только привилегированная Исландская компания могла заниматься таким китобойным промыслом – А.Х.»* [9, с. 608].

То же самое касалось и жителей Копенгагена. Отдельно прописывалась ситуация, если их экспедиция столкнётся с плохими погодными условиями. В этом случае им разрешалось вести промысел также у берегов Норвегии, Исландии или Фарерских островов, *«только в той мере, в какой они не причинят ущерба в рыболовстве местным жителям или вольностям Исландской компании – А.Х.»* Осваивать Гренландию должны были не только датчане, но и подданные датского короля, проживающие в Исландии. На исландцев возлагались особые надежды. Во-первых, Исландия располагалась несколько ближе к Гренландии, что облегчало логистику. Во-вторых, для исландцев был более привычен местный климат. Поэтому в Копенгагене особо поощрялось, чтобы исландцы стремились *«искать поселения под Гренландией и договаривались с местным населением о платежах – А.Х.»* [7, с. 599]. Таким образом, датское правительство разграничивало интересы в северных водах королевства. Во многом это делалось для смягчения возможных конфликтов между купцами и промысловиками. Кроме того, датский король был заинтересован в своевременном поступлении налогов и пошлин, как

со стороны Гренландии, так и с территории Норвегии и Исландии.

Заключение (выводы). Резюмируя вышесказанное, следует отметить возросшую роль Гренландии в европейской дипломатии конца XVI – начала XVII веков. Формально остров принадлежал Датскому королевству. Однако связь Дании с Гренландией была достаточно слабой. Дания не имела достаточных ресурсов, чтобы утвердить и закрепить свой контроль на этой территории. Вследствие этого интерес к острову всё больше проявляли другие морские державы, в первую очередь, Англия и Нидерланды, которые стремились установить контроль за северными торговыми путями и китобойным промыслом. Датское правительство пыталось всевозможными путями воспрепятствовать этому. Однако датско-англо-голландские дипломатические переговоры не смогли решить проблему. Заключённые договоры практически закрепили «статус кво» между странами. Соглашения были плохо проработаны с юридической точки зрения и не давали никаких конкретных пояснений относительно гренландской проблемы. Постепенно страны всё более вовлекались в события Тридцатилетней войны и их интерес к Гренландии несколько ослаб. Дания получила возможность активнее заняться освоением этого региона. В результате были закреплены датские права на освоение Гренландии, а доходы от промыслов и торговли продолжали обогащать королевскую казну.

Список литературы

1. Aktstykker og Oplysninger til Rigsraadets og Stændermødernes Historie i Kristian IV's Tid. Første Bind (1588–1626). Udgivne ved Kr. Erslev af selskabet for udgivelse af kilder til dansk historie. Kjøbenhavn: Tryckt hos Nielsen & Lydiche, 1883–1885. 505 s.
2. Danmark-Norges traktater 1523–1750 med dertil hørende aktstykker. Tredie bind. 1589–1625. Udgivne af L. Laursen. Kjøbenhavn: I Kommission hos G. E. C. Gad. Tryckt hos Nielsen & Lydiche (Axel Simmelklær), 1916. 694 s.
3. Diplomatarium groenlandicum 1492–1814. Aktstykker og breve til oplysning om Grønlands besejling, kolonisation og missionering. Udgivne ved Louis Bobé. Meddelelser

om Grønland. Udgivne af Kommissionen for Videnskabelige Undersøgelser i Grønland. Bd. 55. Nr. 3. København: C. A. Reitzels Forlag. Bianco Lunos Bogtrykkeri A/S, 1936. 481 s.

4. Etting V. The Rediscovery of Greenland during the reign of Christian IV // Journal of the North Atlantic. 2 (sp2). 2010. P. 151–160.

5. Gantet C. La Guerre de Trente Ans 1618–1648. Paris: Tallandier, 2024. 640 p.

6. Jenz F., Petterson C. Vermächtnisse von David Cranz' „Historie von Grønland“ (1765). Herausgegeben von Felicity Jenz and Christina Petterson. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. 316 s.

7. Kancelliets Brevbøger vedrørende Danmarks indre Forhold 1616–1620. I uddrag udgivne ved L. Laursen af Rigsarkivet. København: I kommission hos C.A. Reitzel. Tryckt hos Nielsen & Lydiche (Axel Simmelklær), 1919. 1072 s.

8. Kancelliets Brevbøger vedrørende Danmarks indre Forhold 1630–1632. I uddrag udgivne ved E. Marquard af Rigsarkivet. København: I kommission hos C.A. Reitzel. Tryckt hos Nielsen & Lydiche (Axel Simmelklær), 1932. 1100 s.

9. Kancelliets Brevbøger vedrørende Danmarks indre Forhold 1633–1634. I uddrag udgivne ved E. Marquard af Rigsarkivet. København: I kommission hos C.A. Reitzel. Tryckt hos Nielsen & Lydiche (Axel Simmelklær), 1936. 959 s.

10. Kancelliets Brevbøger vedrørende Danmarks indre Forhold 1635–1636. I uddrag udgivne ved E. Marquard af Rigsarkivet. København: I kommission hos C.A. Reitzel. Tryckt hos Nielsen & Lydiche (Axel Simmelklær), 1940. 928 s.

11. Kancelliets Brevbøger vedrørende Danmarks indre Forhold 1637–1639. I uddrag udgivne ved E. Marquard af Rigsarkivet. København: I kommission hos C.A. Reitzels Forlag. Axel Sandal, 1944. 1134 s.

12. Kancelliets Brevbøger vedrørende Danmarks indre Forhold 1642–1643. I uddrag udgivne ved Gunnar Olsen af Rigsarkivet. København: I kommission hos C.A. Reitzels Forlag, 1957. 816 s.

13. Kong Christian den Fjerdes egenhændige Breve. 1. Bind 1589–1625. Udgivne ved C.F. Bricka og J.A. Fridericia af selskabet for udgivelse af kilder til dansk historie. København: Forlagt af Rudolph Klein, 1887–1889. 506 s.

14. Letters from and to Sir Dudley Carleton, Knt. during his embassy in Holland, from January 1615/16, to December 1620. London, 1775. 510 p.

15. Murdoch S. Britain, Denmark-Norway and the House of Stuart 1603–1660. A Diplomatic and Military Analysis. East Linton: Tuckwell Press, 2003. 318 p.

16. Pike J. The Thirty Years War 1618–1648. The first global war and the end of Habsburg supremacy. Yorkshire: Pen & Sword Military, 2022. 506 p.

17. Resolutiën der Staten-Generaal. Nieuwe Reeks 1610–1670. Vijfde deel 1621–1622. Bewerkt door mej. dr. J. Roelevink. Rijks Geschiedkundige Publicatiën uitgegeven in opdracht van de Minister van Onderwijs en Wetenschappen onder toezicht van de Rijkscommissie voor Vaderlandse Geschiedenis. Grote Serie 187. 's-Gravenhage: Verkrijgbaar bij Martinus Nijhoff, 1983. 841 p.

18. Rigsarkivet, København, Danmark: Danske Kancelli (1583–1648). Indlæg til registre og tegnelser samt henlagte sager (Færøerne, Island og Grønland).

19. Rigsarkivet, København, Danmark: Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling (1588–1644), Speciel Del, England: A. II. 7. Breve fra forskellige engelske stats- og hofembedsmænd samt andre til kong Christian IV, prins Christian og til de to kanslere Christen Friis til Borreby og Christen Friis til Kragerup samt til dr. Jonas Charisius.

20. The Washington Post, 29 January 2025. The curious momentum behind Trump's quest for Greenland.

GREENLAND AS PART OF THE DANISH KINGDOM IN THE FIRST HALF OF THE 17TH CENTURY

In the first half of the 17th century, the interest of European powers in Greenland grew. Formally, Greenland was part of the Danish kingdom. Despite this, the island found itself in the sphere of interests of England and the Netherlands, which were gaining economic and political influence. They had their own economic interests in this region. First of all, control over northern trade routes and whaling. This article examines the diplomatic negotiations between the parties for influence in Greenland and the adjacent islands. As a result of the study, it becomes obvious that Denmark did not have serious resources to establish and consolidate its control in Greenland. At the same time, the Danish government tried in every possible way to prevent Anglo-Dutch influence on the island. The diplomatic negotiations that were held could not solve the problem. The agreements concluded practically consolidated the "status quo" between the countries. Gradually, the countries became increasingly involved in the events of the Thirty Years' War and their interest in Greenland weakened somewhat. Denmark was given the opportunity to more actively engage in the development of these territories. As a result, Danish rights to develop the island were secured, and income from trade continued to enrich the royal treasury.

Keywords: Greenland, Denmark, England, Netherlands, foreign policy, diplomacy, negotiations, trade, whaling.

References

1. Aktstykker og Oplysninger til Rigsraadets og Stændermødernes Historie i Kristian IV's Tid. Første Bind (1588–1626). [Documents and Information for the History of the Council of State and the Estates' Meetings in the Time of Christian IV. First Volume (1588–1626)]. Udgivne ved Kr. Erslev af selskabet for udgivelse af kilder til dansk historie. Kjøbenhavn: Tryckt hos Nielsen & Lydiche, 1883–1885. 505 s.
2. Danmark-Norges traktater 1523–1750 med dertil hørende aktstykker. Tredie bind. 1589–1625. [Denmark-Norway treaties 1523–1750 with related documents. Third volume. 1589–1625]. Udgivne af L. Laursen. Kjøbenhavn: I Kommission hos G. E. C. Gad. Tryckt hos Nielsen & Lydiche (Axel Simmelklær), 1916. 694 s.
3. Diplomatarium groenlandicum 1492–1814. Aktstykker og breve til oplysning om Grønlands besejling, kolonisation og missionering. [Greenland Diplomatarium 1492–1814. Documents and letters providing information about the navigation, colonization and missionary work of Greenland]. Udgivne ved Louis Bobé. Meddelelser om Grønland. Udgivne af Kommissionen for Videnskabelige Undersøgelser i Grønland. Bd. 55. Nr. 3. København: C. A. Reitzels Forlag. Bianco Lunos Bogtrykkeri A/S, 1936. 481 s.
4. Etting V. (2010) The Rediscovery of Greenland during the reign of Christian IV // *Journal of the North Atlantic*. 2 (sp2). 2010. P. 151–160.
5. Gantet C. (2024) La Guerre de Trente Ans 1618–1648. [The Thirty Years' War 1618–1648]. Paris: Tallandier, 2024. 640 p.
6. Jensz F., Petterson C. (2024) Vermächtnisse von David Crazz' „Historie von Grönland“ (1765). [Legacies of David Crazz's "History of Greenland" (1765)]. Herausgegeben von Felicity Jensz and Christina Petterson. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. 316 s.
7. Kancelliets Brevbøger vedrørende Danmarks indre Forhold 1616–1620. [The Chancellery's Letter Books Concerning Denmark's Internal Affairs 1616–1620]. I uddrag utgivne ved L. Laursen af Rigsarkivet. København: I kommission hos C.A. Reitzel. Tryckt hos Nielsen & Lydiche (Axel Simmelklær), 1919. 1072 s.
8. Kancelliets Brevbøger vedrørende Danmarks indre Forhold 1630–1632. [The Chancellery's Letter Books Concerning Denmark's Internal Affairs 1630–1632]. I uddrag utgivne ved E. Marquard af Rigsarkivet. København: I kommission hos C.A. Reitzel. Tryckt hos Nielsen & Lydiche (Axel Simmelklær), 1932. 1100 s.
9. Kancelliets Brevbøger vedrørende Danmarks indre Forhold 1633–1634. [The Chancellery's Letter Books Concerning Denmark's Internal Affairs 1633–1634]. I uddrag utgivne ved E. Marquard af Rigsarkivet. København: I kommission hos C.A. Reitzel. Tryckt

hos Nielsen & Lydiche (Axel Simmelklær), 1936. 959 s.

10. Kancelliets Brevbøger vedrørende Danmarks indre Forhold 1635–1636. [The Chancellery's Letter Books Concerning Denmark's Internal Affairs 1635–1636]. I uddrag utgivne ved E. Marquard af Rigsarkivet. København: I kommission hos C.A. Reitzel. Tryckt hos Nielsen & Lydiche (Axel Simmelklær), 1940. 928 s.

11. Kancelliets Brevbøger vedrørende Danmarks indre Forhold 1637–1639. [The Chancellery's Letter Books Concerning Denmark's Internal Affairs 1637–1639]. I uddrag utgivne ved E. Marquard af Rigsarkivet. København: I kommission hos C.A. Reitzels Forlag. Axel Sandal, 1944. 1134 s.

12. Kancelliets Brevbøger vedrørende Danmarks indre Forhold 1642–1643. [The Chancellery's Letter Books Concerning Denmark's Internal Affairs 1642–1643]. I uddrag utgivne ved Gunnar Olsen af Rigsarkivet. København: I kommission hos C.A. Reitzels Forlag, 1957. 816 s.

13. Kong Christian den Fjerdes egenhændige Breve. 1. Bind. 1589–1625. [King Christian IV's handwritten letters. Volume 1. 1589–1625.]. Udgivne ved C.F. Bricka og J.A. Fridericia af selskabet for udgivelse af kilder til dansk historie. Kjøbenhavn: Forlagt af Rudolph Klein, 1887–1889. 506 s.

14. Letters from and to Sir Dudley Carleton, Knt. during his embassy in Holland, from January 1615/16, to December 1620. London, 1775. 510 p.

15. Murdoch S. Britain, Denmark-Norway and the House of Stuart 1603–1660. A Diplomatic and Military Analysis. East Linton: Tuckwell Press, 2003. 318 p.

16. Pike J. The Thirty Years War 1618–1648. The first global war and the end of Habsburg supremacy. Yorkshire: Pen & Sword Military, 2022. 506 p.

17. Resolutiën der Staten-Generaal. Nieuwe Reeks 1610–1670. Vijfde deel. 1621–1622. [Resolutions of the States General. New Series 1610–1670. Fifth part. 1621–1622]. Bewerkt door mej. dr. J. Roelevink. Rijks Geschiedkundige Publicatiën uitgegeven in opdracht van de Minister van Onderwijs en Wetenschappen onder toezicht van de Rijkscommissie voor Vaderlandse Geschiedenis. Grote Serie 187. 's-Gravenhage: Verkrijgbaar bij Martinus Nijhoff, 1983. 841 p.

18. Rigsarkivet, København, Danmark: Danske Kancelli (1583–1648). Indlæg til registre og tegnelser samt henlagte sager (Færøerne, Island og Grønland). [The National Archives, Copenhagen, Denmark: Danish Chancellery (1583–1648). Entries to registers and drawings as well as filed cases (Faroe Islands, Iceland and Greenland)].

19. Rigsarkivet, København, Danmark: Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling (1588–1644), Speciel Del, England: A. II. 7. Breve fra forskellige engelske stats- og hofembedsmænd samt andre til kong Christian IV, prins Christian og til de to kanslere Christen Friis til Borreby og Christen Friis til Kragerup samt til dr. Jonas Charisius. [The Danish National Archives, Copenhagen, Denmark: German Chancellery, Foreign Department (1588–1644), Special Part, England: A. II. 7. Letters from various English state and court officials and others to King Christian IV, Prince Christian and to the two chancellors Christen Friis to Borreby and Christen Friis to Kragerup as well as to Dr. Jonas Charisius].

20. The Washington Post, 29 January 2025. The curious momentum behind Trump's quest for Greenland.

Об авторе

Ходин Алексей Анатольевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Гейдельбергского университета, E-mail: alexkhodin@gmail.com

Khodin Alexey Anatolyevich – Candidate of Historical Sciences, Research fellow, Heidelberg University, E-mail: alexkhodin@gmail.com

Правила предоставления рукописей

1. Требования к содержанию статей

1.1 В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (соавторов), ранее нигде не опубликованный и соответствующий по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников: научная отрасль – исторические науки.

1.2 Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость. К публикации принимаются только открытые материалы на русском, английском или немецком языках. Статьи обзорного, биографического характера, рецензии на научные монографии и т.п. пишутся, как правило, по заказу редколлегии журнала.

1.3 Содержание и оформление статьи должно соответствовать принципам и нормам политики в сфере этики научных публикаций редакции и редакционной коллегии научного журнала «Вестник Брянского государственного университета». См. Этические нормы для авторов.

1.4 Научный журнал формируется по научной отрасли по научной отрасли – исторические науки. **Группа научных специальностей: 5.6 — исторические науки. Научные специальности: 5.6.1. — Отечественная история; 5.6.2. — Всеобщая история; 5.6.3. — Археология; 5.6.5. — Историография, источниковедение, методы исторического исследования; 5.6.7. — История международных отношений и внешней политики.**

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям научных работников.

2. Требования к структуре и оформлению статей (см. [образец оформления](#))

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

2.1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 12 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 12 pt, жирный, выравнивание по центру, междустрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 12 pt, надпись «Ключевые слова» — жирный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный).

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов и отражать актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы.

На титульной странице оформляется **исключительное авторское право** на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

2.2. Содержание (структура и последовательность) статьи

После ключевых слов помещается текст самой статьи. (Times New Roman 12 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см).

В статье должны четко и сжато излагаться современное состояние вопроса, описание методики исследований, обсуждение полученных результатов.

Необходимо стандартизировать структуру статьи, используя подзаголовки:

- **введение** – постановка проблемы (один-два абзаца, раскрывающие проблематику, ее актуальность и значимость); отсылка к литературе (краткий обзор) завершается констатацией необходимости проведения данного исследования (условия, которые сделали данное исследование актуальным), при этом следует избегать прямого указания на актуальность (слово «актуальность» не использовать);

описание гипотезы исследования или формулировка его цели или представление цели в виде исследовательских вопросов;

- **объекты и методы исследования;**

- **результаты и их обсуждение** (экспериментальная часть; содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);

- **заключение (выводы) – повторное обобщенное перечисление основных результатов и их значимость (оценка) для науки.** Может содержать дальнейшую исследовательскую программу. Показывается конкретный вклад в науку, как правило, от одного предложения до абзаца. Должны присутствовать слова «вклад автора» и дано четкое и краткое перечисление результатов, которые можно считать вкладом в науку;

- **если необходимо поблагодарить коллег,** которые не являются авторами статьи, но при их содействии проводилось исследование, это можно сделать в свободной форме в конце статьи (например, авторы могут поместить **благодарности** коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку);

- **список литературы.**

2.3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 12 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);

- название статьи на английском языке;

- аннотация на английском языке («Abstract»);

- ключевые слова на английском языке («Keywords»);

- список литературы на английском языке (References);

- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (doc.) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, междустрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы не допускаются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 20 000 знаков с пробелами и не превышать 40 000 знаков с пробелами, включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Список литературы. После текста статьи размещается «Список литературы» (12 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках). Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

После списка литературы размещается **английский блок:** фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 12 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме (цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 12 pt, (обычный), интервал – одинарный.

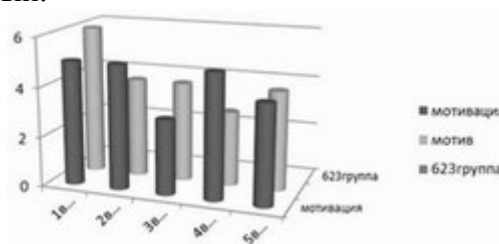

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка ([см. образец](#));
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 70% (30% допускается на корректное цитирование — с обязательным указанием ссылки на источник заимствования).

Каждая статья в обязательном порядке проходит [процедуру закрытого рецензирования](#). По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru.

Адрес: 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: +7 (4832) 58-91-28, доб. 1118; E-mail: gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№2 (68) 2026

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Михальченко С.И.

Адрес учредителя:

**ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.**

Адрес редакции и издателя:

**РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.**

Адрес типографии:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 25.06.2026.

Дата выхода журнала в свет: 26.06.2026.

Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 17,25. Тираж 500 экз. Свободная цена. 16+